

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КЫРГЫЗСТАНА
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.В. Плоских

**РЕПРЕССИРОВАННАЯ
КУЛЬТУРА
КЫРГЫЗСТАНА**

малоизученные страницы истории

*Ответственный редактор
академик А.Ч. Какеев*

Бишкек • Илим • 2002

ПЛОСКИХ С.В. Репрессированная культура Кыргызстана (малоизученные страницы истории) // Отв. редактор академик А.Ч. Какеев. МУК, КРСУ – Бишкек: Илим, 2002. – 282с.

ISBN 5-8355-1210-5

В книге рассматриваются трагические страницы истории кыргызской культуры 20-30-х годов XXв, репрессии в отношении ярких представителей интеллигенции, приводятся новые материалы и документы.

Книга адресуется преподавателям и студентам, историкам и культурологам, всем интересующимся отечественной историей.

Ответственный редактор академик, доктор философских наук *А.Ч. Какеев*

Рецензенты член. корр. НАН КР,
доктор философских наук
А.А. Брудный

кандидат исторических наук
А. Джакишев

*Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Гуманитарного факультета КРСУ*

Возвращение исторической памяти

История пишется людьми, потому она изначально субъективна. Она по своей сути не может быть объективной – воспринимаясь через личностное человеческое осознание социальных и политических интересов – тоже субъективных.

Такова была целая эпоха советской историографии, когда жизнь народов огромного государства представлялась лишь через призму поступательной череды безусловных побед и достижений. Период героической романтики, за которой отходили на задний план, а иногда и вовсе затушевывались негативные явления, недостатки, ошибки, в том числе и трагические, которые в соответствии с тоталитарной идеологией просто не могли иметь места. В таком ракурсе подавалась в торжественных речах и пропагандистских статьях, в монографиях и обобщающих научных исследованиях и история кыргызской культуры за годы советской власти – только триумфально.

И действительно, достижения были разительны: от почти сплошной неграмотности и букваря – ко всеобщему образованию, профессиональной литературе и искусству, науке мирового уровня. Все это было – причем, при жизни одного поколения. Но было и другое: тоталитарный режим, нацеленный на абстрактную идею – построение социализма и коммунизма любой ценой – открыто пренебрегал категорией личности, а, значит, и ее правовым статусом.

В многовековой истории кыргызского народа встреча цивилизаций Запада и Востока приобрела основополагающее значение для осмысления традиций в новых условиях. Сегодня значение этого периода исчерпывающе ясно определено и занимает прочное место в материальном и духовном фундаменте формирующегося здания государственности в нашей стране.

В свою очередь в историческом осмыслении этой эпохи возрастающее значение имеет понятие исторической памяти как некоего показателя исторической правды. Не случайно Президент Кыргызстана А.Акаев неоднократно подчеркивает объективистский смысл прочтения истории отечества: «Как мне порой кажется, человеку присуща забывчивость, особенно когда речь идет об уроках прошлого. И очень хотелось бы, чтобы все мы вошли в третье тысячелетие с новыми, очищенными и облагороженными помыслами, с целью не допустить повторения горьких ошибок уходящего века».

История Кыргызстана в первые годы советской власти чрезвычайно насыщена социальной динамикой. Тем более освещение этого периода было проникнуто идеологическим субъективизмом, где исторические персонажи и движущие эту историю личности порой изымались из исторического контекста. Всякая попытка ввести в этот контекст личность, расценивалась как идеализация прошлого, вызывая упреки во «внеклассовом» подходе, что заметно сдерживало исследования. Но именно в этот период происходят существенные сдвиги в духовной жизни кыргызского народа, связанные с проблемами его судьбы, его единства и согласия, просвещения и духовности.

Многие кыргызские мыслители, выходцы из имущего сословия, в силу псевдоисторической селекции оставались за рамками исторического познания. Преднамеренное внедрение догматических схем, построенных на принципах «классовости», приводило к огульному делению всех мыслителей на «реакционных», «консервативных», «религиозных» – и «демократических», «народных», «революционных». В угоду политической конъюнктуре, происходила подгонка истории Кыргызстана под общие схемы, при обязательном условии раскрытия реакционной сущности тех или иных исторических фигур или манифестаций.

Весьма важным в этом плане является обращение к анализу историко-социального содержания деятельности и основных особенностей мировоззрения виднейших представителей общественно-политической и философской мысли кыргызского народа – одного из древнейших этносов Центральной Азии.

И только сегодня мы можем с полным основанием, с учетом всего комплекса исторических источников проанализировать ранее не исследовавшиеся или бывшие под запретом сюжеты и реалии кыргызской культуры, содержание деятельности участников исторического процесса, аспекты духовной (в том числе религиозной) культуры и многое другое.

В предлагаемой читателю книге о репрессированной культуре Кыргызстана сделан акцент на этой стороне проблемы, которая в свое время оказалась вне поля зрения предшествующих исследователей: это условия и особенности формирования национальной интеллигенции, сложности профессионального становления представителей, их пути в литературу и искусство, в науку; им суждено было во многом стать зачинателями, первые опыты их политической деятельности – часто оппозиционной, весь этот драматический путь – от начальных успехов новой жизни до подавления и репрессий в тоталитарном режиме. Герои революционных преобразований стали первыми жертвами репрессивной политики государства; они многое сделали для своего народа, но могли бы сделать неизмеримо больше.

Не умаляя и не идеализируя прошлое, исследуя трагические страницы истории кыргызской культуры автор вполне обосновано выделяет четыре этапа этой истории: *этап умолчания* (когда памятники, неугодные идеологии замалчивали); *этап остракизма* (когда шло активное отрицание ярких, но неугодных идеологии страниц культуры); *этап тоталитарного подавления* (когда перешли к физическому уничтожению неугодных книг и людей); *этап демократического развития к ренессансу* (возвращение в историю памятников культуры и имен представителей интеллигенции, необоснованно репрессированных).

Книга Светланы Плоских открывает новые малоизученные страницы кыргызской истории и культуры. И тем она интересна как для специалистов, так и для широкого круга читателей, и полезна для науки. Имена трагических героев отечественной истории насильственно вымарывались из этой истории. Но они – вернулись.

Академик А.Ч.Какеев.

Введение

«История должна быть злопамятной», – говорил знаменитый придворный писатель России конца XVIII – начала XIX века Николай Михайлович Карамзин – «тишайший великий историк», как назвал его Лев Разгон¹.

Все 70 лет советской власти мы восхищались достижениями и успехами в экономике, государственном строительстве и культуре. Успехи, действительно, были потрясающими: Россия шагнула от сохи в Космос, причем первой в мире. Успехи Кыргызстана² не менее потрясающие: от почти полной неграмотности, от букваря в 20-е годы – к собственной Академии наук, к профессиональному искусству и литературе. Все это было. И было описано неоднократно в сотнях научных трудов³. Но при этом «забывалась» другая сторона медали – каким трудом и какими жертвами это достигалось. В советские годы, благодаря идеологическому прессингу и цензуре не допускалось освещение ничего «критически-крамольного». А ведь были и репрессии людей, культуры, религии, и жесткий идеологический прессинг, и остракизм в отношении культурных памятников, но все это оставалось в стороне от основных направлений научных исследований.

Именно репрессированной кыргызской культуре и науке, людям трагической судьбы, попыткам предать забвению их творчество и научные труды, их имена, посвящена данная монография.

Если оглянуться на 70-80 лет назад, то без особого труда можно заметить, что первые научные труды представителей кыргызской, да и вообще советской интеллигенции, напоминали собой скорее выступления пламенных трибунов, тенденциозных политиков, нежели работы

ученых. Их исследования были направлены на решение конкретных задач культурного и хозяйственного строительства, которым и были подчинены. Идеальный лейтмотив художественных и научных произведений первых лет советской власти – социальная польза произведения важнее его художественных достоинств. Эта мысль впервые была высказана Л.Троцким и позже стала аксиомой в идеологической борьбе 20-30-х годов на всех уровнях. Еще в 1912 г. сторонник и организатор красного террора в Советской России Л.Троцкий писал: «Интеллигенция была национальным щупальцем, продвинутом в европейскую культуру. Государство нуждается в ней и боится ее: сперва дает ей насильственную выучку, а затем держит над ее головой высоко занесенный арапник»⁴.

Такова была наша история культурного строительства, ее невозможно ни перечеркнуть, ни забыть. Да это было бы и вопреки правде истории. Осознавая историческую необходимость классовой борьбы и революционного террора, большевики привели к гибели не только классовых противников, но и самих организаторов и исполнителей террора. Во исполнение сталинских идей об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма и всеобщего светлого будущего был загублен почти весь цвет национальной интеллигенции.

Прошло более 70 лет с тех пор, как первые кыргызские интеллигенты, стоявшие у истоков формирования национальной художественной культуры, почувствовали ощутимые удары складывающейся командно-административной системы. Более 60 лет назад лучшие умы Кыргызстана – первые ученые – были подвергнуты репрессиям, арестованы, многие из них расстреляны в 1937-1938 гг. Достаточно назвать некоторые имена, трагическая судьба которых лишь в наше время стала достоянием гласности: первый кыргызский историк-профессионал Осмоналы Сыдыков, автор первого кыргызского букваря Ишеналы Арабаев, один из основателей кыргызской национальной государственности, переводчик и историк Абдыкерим Сыдыков, талантливый поэт и ученый, орга-

низатор науки, первый кыргызский профессор, автор лингвистических учебников Касым Тыныстанов, ученый-полиглот с мировым именем Евгений Поливанов и многие-многие другие ученые, писатели, представители творческой и общественной интеллигенции. Все они пали жертвами кровавого тоталитарного режима.

«Вспоминая все горькое, что принес нам «способ жизни», – писал в свое время Д.С.Лихачев, сам прошедший лагеря и отлучение от науки, – мы непременно должны обратить внимание и на другую сторону. Приходится удивляться стойкости многих крупных и менее известных ученых, которые не отступали от своих убеждений, оказываясь без средств к жизни... С риском для своей свободы они сохраняли книги и рукописи, отказывались давать показания против своей совести, не отрекались от своих учителей и руководителей, не подписывали чело-веконенавистнических обращений и заявлений»⁵.

В Кыргызстане погибли большинство представителей нарождавшейся кыргызской интеллигенции – поэты, писатели, ученые. Многие уцелели, но были преданы забвению, остракизму, гонениям и очернению. Их опубликованное творческое наследие было подвергнуто в свое время идеологическому разгрому и изъято из обращения, а рукописное – уничтожено или, в лучшем случае, приобщено к следственным делам и засекречено в архивах карательных органов. Культура и наука Кыргызстана в 30-е годы, с физической ликвидацией неугодных властям лиц, лишились творческого достояния – лучших умов национальной интеллигенции страны. В то же время нельзя, да и невозможно, перечеркнуть или очернить советский период в нашей истории. Не идеализируя, но и не умаляя прошлого, общих достижений советской, в том числе и национальной кыргызской интеллигенции, мы решили осветить ее трагические страницы. Страницы, которые были либо засекречены, либо настолько тенденциозно освещались в литературе, что для нескольких поколений молодежи фактически выпали из истории.

Представляется возможным выделить несколько этапов трагедии кыргызской культуры и науки.

Этап умолчания. Когда памятники замалчивались. Когда их старались замолчать. Или ученых принуждали их игнорировать. Забыть. Не обращать на них внимания – как будто бы их не было. Оставались неизвестными целые пласты культуры.

Этап остракизма. Целые явления культуры «изгнаны» из науки. Шло активное отрицание ярких страниц истории культуры. Отрицалось наличие дореволюционной письменной литературы у кыргызов. Отрицался енисейский этап кыргызской культуры. Не признавалась кыргызская рукописная и книжная традиция. Философская мысль ярких представителей культуры заманистского направления в литературе, таких, как Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч и др., объявлялась реакционной, антинародной.

Этап тоталитарного подавления. От умолчания и осуждения памятников, идей власти перешли к физическому истреблению так называемых «врагов народа», пытаясь с корнем вырвать из памяти неудобные диктатуре факты культуры. Ярчайшие представители интеллигенции, интеллектуалы науки, культуры и литературы отправлялись на эшафот как «враги народа» и «буржуазные националисты». Их имена клеймились на страницах идеологических, канонизированных партийных сочинений.

Этап демократического развития и свободного осмысления. С конца 80-х годов XX в. возвращаются истории и народу преданные забвению имена его лучших сынов, исторические явления, подвергавшиеся остракизму идеи и люди, целые направления в науке и культуре, репрессированные в 30-50-е годы. Провозглашенная свобода, раскрепощенность умов и идей создают все условия для полного осмысления и всестороннего исследования проблем культуры. Преодолевая трудности переходного периода, культура постепенно освобождается от влияния тоталитарного режима, ищет новые формы самовыражения, опираясь как на духовные традиции, некогда отвергавшиеся, так и на достижения прошедшей эпохи, включая и

период социалистического развития. На исходе двадцатого века Президент Кыргызстана Аскар Акаев, говоря об отношении к прошлому, отметил: «Мы не стали, как иные, впадать в нигилизм по отношению к историческому прошлому, как советскому, так и досоветскому периоду нашего развития. Мы не крушили памятники и не старались стереть из памяти людей их собственную историю в угоду сиюминутной политической конъюнктуре. Историческое беспамятство – это зло... переоценка прошлого есть процесс и требует времени, и это должно быть сделано не по заказу сверху, а самим народом»⁶.

Данное исследование посвящено репрессированной культуре кыргызского народа. Сегодня общество, пережив времена государственного тоталитаризма, пройдя через все перипетии заидеологизированного восприятия прошлого, вырвавшись к демократическим свободам, уверенно идет к ренессансу национальной культуры.

Актуальность темы заключается в ее теоретическом, научно-практическом и даже в политическом значении, в связи с наиболее острыми и важными проблемами современности. Проблемами возвращения народу его собственного культурного наследия, возвращения в историю имен и трудов виднейших представителей интеллигенции, очерненных и репрессированных в годы тоталитарного прессинга советского периода.

Исследование расширяет научное знание:

- о первых подвижниках культурного строительства в Кыргызстане, чьи имена более полувека предавались забвению;
- об этапах становления письменной художественной и научной литературы;
- о возникновении, поругании и возвращении в национальную культуру заманизма и его художественного наследия;
- о репрессиях творческой интеллигенции;
- о политических оппонентах сталинским методам социалистического строительства (СТП);
- о политике атеизма, травмировании религии и репрессий в отношении духовенства;

- о трудных путях реабилитации репрессированных представителей творческой интеллигенции и возвращении к жизни полузабытого культурного наследия.

Актуальным для кыргызской исторической науки представляется определение путей, методов и средств формирования кыргызской национальной интеллигенции на общем фоне культурного строительства в Советском Союзе. Здесь приходилось многое начинать с нуля, что, естественно, влекло за собой специфические ошибки и было связано с преодолением непредвиденных трудностей, усугубляемых жестокими репрессивными акциями тоталитарного режима.

Последнее десятилетие истории Кыргызстана отмечено многими новыми вехами. Среди них – подлинно научное осмысление собственной истории, заполнение «белых страниц» и документальное исследование тенденциозно освещавшихся ранее событий, фактов и персоналий многовековой истории и культуры кыргызского народа. Необходимость восстановления правды истории и вызвала желание обратиться к теме..

Хронологические рамки работы охватывают в основном 20-30-е годы XX в., но при рассмотрении отдельных важных вопросов темы, как например, о письменности у кыргызов, о поэзии заманистов и других, предпринимаются довольно подробные экскурсы в дореволюционный период – XIX – начало XX в., либо в последующие 40-50-е или даже 60-е годы, то есть годы репрессий кыргызской лингвистики и период реабилитации представителей политической и творческой кыргызской интеллигенции.

В целом истории «культурной революции» в Кыргызстане (20-30-е годы XX в.) в советские годы было посвящено немало работ. Но всем им присуща в основном мажорная тональность. Когда на фоне действительных успехов замалчивались искажения и перегибы, когда все представлялось лишь в одном ключе – позитивного развития всех областей культуры, образования, науки и их носителей – интеллигенции. Не исследовался вообще целый ряд сюжетов, тем и проблем – их просто невоз-

можно было разрабатывать из-за идеологических ограничений: отсутствия доступа к определенному виду документальным первоисточникам, искажения первичных материалов, да и просто из-за цензурных препон.

Свобода слова, раскрытие ранее засекреченных архивных документальных материалов в 90-е годы позволили обратиться к ранее недоступным сюжетам. В средствах массовой информации стали появляться публицистические статьи, в научных журналах – научные. Вышло уже и несколько новых книг, затрагивающих проблему нашего исследования.

Первая группа публикаций, которые анализируются нами, – монографии советского периода, вторая – издания, увидевшие свет в суверенном Кыргызстане.

Непосредственно истории формирования интеллигенции Кыргызстана была фактически посвящена лишь одна монографическая работа И.А.Соктоева⁷. Используя документальные и архивные источники, а также статистические данные, автор осветил предпосылки возникновения советской интеллигенции республики (гл. I), ее формирование в 20-30-е годы. Остановившись на путях и методах ускоренного создания интеллигенции и подготовки квалифицированных специалистов через систему средних специальных школ и вузов (гл. II § 1, 2), а также рассматривая ту же проблему в предвоенные годы (гл. III § 1), не обошел он и вопрос о помощи правительств РСФСР и СССР, российских ученых и педагогов в подготовке специалистов кыргызской интеллигенции как в первых средних специальных учебных заведениях и вузах республики, так и вне пределов ее – в городах центральной России, соседних республик Средней Азии и Казахстана. Конечно же, при этом особо отмечалась «руководящая роль КПСС».

При всех положительных сторонах монография И.А. Соктоева не свободна от некоторых существенных недостатков, что отмечалось в свое время в рецензии на книгу. Так, в частности, в ней не нашли отражения история письменности киргизского народа, как важно-

го фактора культурного строительства и формирования интеллигенции. Можно упрекнуть автора и в том, что он не показал процесс зарождения и становления определенных групп национальной интеллигенции, включая ее молодые творческие и научные силы. Совершенно был обойден молчанием процесс репрессий и гонений на интеллигенцию в советские годы.

Впрочем, это – пробел, характерный и для других научных трудов историков о культурном строительстве 20-30-х годов в Кыргызстане, освещавших преимущественно борьбу за ликвидацию неграмотности, успехи в создании системы народного образования, подготовке учительских и научных кадров, профессиональных деятелей культуры и искусства.

Отмеченные выше недостатки можно увидеть и в двух крупных монографиях С.С. Даниярова, посвященных культурному строительству в Кыргызстане. Хотя С.С. Данияров и не ставил своей задачей исследовать вопросы зарождения и становления национальной советской интеллигенции, он все же остановился на проблеме возрождения кыргызской традиционной культуры в первые годы советской власти, а также показал на большом фактическом материале развертывание культурного строительства в Кыргызстане в годы довоенных пятилеток⁸. При этом «сумел» (идеологическая цензура времени!) как-то полностью обойти негативные явления и репрессивные процессы.

Успехи и достижения, положительный опыт развития культуры, народного просвещения, науки и искусства в советском Кыргызстане освещались в работах К.К. Каракеева, А.Э. Измайлова, А.К. Каниметова, С.Т. Табышалиева и других авторов, издававших свои труды в 60-80-е годы⁹. Но и в их трудах обойдены трагические судьбы первых советских интеллигентов 20-30-х годов и последующего периода господства тоталитарной системы.

И это вполне объяснимо, ибо все это вписывалось в каноны идеологии, регламентированной партийными постановлениями и марксистско-ленинской методоло-

гией. Тогда иначе писать было просто нельзя – это, во-первых. Во-вторых, сами авторы были воспитаны в рамках строгой партийной дисциплины и прекрасно понимали, чего нельзя касаться в научных исследованиях. В-третьих, конкретные документы и факты репрессий были глубоко засекречены и недоступны для исследователей. Такова была ситуация как в СССР в целом, так и во всех союзных республиках.

Лишь в период перестройки и гласности вслед за Россией уже в суверенном Кыргызстане начала публиковаться научная литература, созданная на основе новых материалов и с объективно-критических позиций. Все чаще стала освещаться и трагическая обстановка в нашей стране в 20-30-е годы. Главный акцент при этом делался на то, как в тот трагический период общей истории страны, всех ее республик и регионов политическая и идеологическая борьба отразилась на судьбах интеллигенции и прежде всего ее оппозиционных лидеров и инакомыслящих (вернее, свободомыслящих) деятелей культуры, литературы, искусства и науки.

В этой связи должно отметить одну из первых подобных фундаментальных монографий – книгу В.А.Куманева¹⁰. Теоретические выводы автора были основаны на глубоком анализе редких документов и малоизвестных фактов из истории репрессированной, в основном российской, интеллигенции. В.А.Куманев, излагая достоверные фактические материалы, придерживался принципа историзма, показывая, что трагическое лихолетье 30-х годов было не только временем «всенародного одобрения». В этот период появились яркие личности – представители научной, творческой и технической интеллигенции, внесшие весомый вклад в культуру и науку страны, пытавшиеся противостоять произволу режима, а потому были репрессированы, и имена и дела их подвергались остракизму или замалчивались.

К сожалению, в кыргызской историографии масштабного и фундаментального исследования по истории отечественной интеллигенции 20-30-х годов до сих пор

нет. По-видимому, создание такого труда под силу лишь коллективу историков и других обществоведов, и для этого требуется время.

Но работа в этом направлении уже ведется. И можно с удовлетворением назвать уже упомянутую выше монографию известных кыргызских ученых о роли интеллигенции в общественно-политической жизни 20 – 30-х годов, опубликованную в 2001 г.¹¹ Довольно скромный объем книги не позволил авторам уделить должное внимание вопросам гонения и репрессий науки, культуры, целых направлений в духовной жизни общества в тоталитарные годы. Этим сюжетам отведен лишь один параграф второй главы («Трагические судьбы представителей первой национальной интеллигенции Кыргызстана») и многое осталось за рамками книги. Но с удовлетворением можно констатировать – в целом начало процессу изучения этой темы положено.

Другие вопросы, рассматриваемые в нашем исследовании, нашли частичное освещение в последних книгах А.Эркебаева, О. Ибраимова, А. Какеева, Д.Джунушалиева, А.Элбаевой, А.Джуманалиева и других кыргызских ученых. Попытаемся проследить историографию и степень изученности отдельных вопросов нашей темы, которые только входят в научный оборот и во многом еще ждут комплексного исследования, таких, как отношение к истории кыргызской письменности, поэзия акынов заманистов, творчество и судьба первых репрессированных писателей, ученых, политических оппонентов, лидеров СТП, наконец, вопрос о «репрессированной лингвистике» 60-70-х годов, репрессиях религии.

С дискуссионным тезисом об отсутствии у кыргызов письменности в дореволюционный период (как отмечалось в партийных документах) или наличии ее (по меньшей мере, с XVIII в.) сталкивались многие советские лингвисты и просветители. И в первую очередь создатели и реформаторы современной кыргызской письменности на основе арабского, латинского («латиницы») и русского алфавита («кириллицы»). «Молдо (учитель) кыр-

гызских учителей» Ишеналы Арабаев и первый в кыргызской науке профессор лингвист Касым Тыныстанов – один из авторов первых учебников кыргызского языка для школ, а также создатели первых кыргызско-русских и русско-кыргызских словарей К.К.Юдахин, К.К.Карасаев, Д.Шукуров, языковеды-тюркологи Е.Д. Поливанов, И.А. Батманов признавали, что кыргызская письменность в ее печатном виде широко распространилась после 7 ноября 1924 г., т.е. со времени выпуска первой кыргызской газеты «Эркин Тоо». В то же время в советские годы они в своих работах где-то в завуалированной форме, а иногда и прямо, открытым текстом, писали о наличии письменности у кыргызов, об употреблении кыргызами арабской графики для передачи тюркских текстов в письмах и рукописных книгах.

Разумеется, науке были известны первые печатные издания 1911, 1913 и 1914 гг. акына-заманиста Молдо Кылыча, учителя И.Арабаева и первого кыргызского историка О.Сыдыкова. Но в литературе советского времени не придавалось этому должного внимания из-за неоднозначной оценки творчества их авторов, подвергшихся репрессиям по политическим соображениям. К сожалению, их рукописи и даже печатные работы были изъяты из обращения и до сих пор не переизданы ни на кыргызском, ни на русском языке. Многие работы их уничтожены, а некоторые сохранившиеся в архивах труды по истории кыргызской письменности все еще не опубликованы и отдельные пока даже не выявлены (в архивах ОГПУ – НКВД).

Заметим, что еще в 1947 г. в трудах и кандидатских диссертациях Т.Саманчина и Д.Шукурова¹², посвященных творчеству и языку произведений Молдо Кылыча, исследователи справедливо утверждали, что кыргызы пользовались арабской графикой в своих письмах с середины XIX в. (В.М. Плоских позже выявил и более ранние кыргызские письма, например, к российским властям, написанные на кыргызском языке арабским алфавитом.) Д. Шукуров на основе филологичес-

кого анализа одного из таких писем оспорил бытовавшее утверждение, что будто бы запись Ч. Валихановым отрывков из «Манаса» есть первая кыргызская речь, записанная на бумаге (1856 г.). Письма, имевшиеся в руках Д. Шукурова, были датированы более ранними годами. Но выводы Т. Саманчина и Д. Шукурова не были приняты наукой. Мало того, авторы подверглись жестокой критике за политическую близорукость и отступление от принципа партийности в науке.

Дело в том, что согласно партийным и идеологическим утверждениям, кыргызский народ обрел письменность лишь в советские годы. Утверждать иное, например, говорить о наличии письменности до революции, значило «уменьшать достижения советской власти». Основываясь на таких абсурдных постулатах, цензура не пропускала в печать иные точки зрения, что в целом негативно сказывалось на развитии исторической лингвистики в Кыргызстане. Тем не менее отдельные исследователи и позже, в 60-80-е годы, продолжали будировать в периодической печати и в научных работах вопросы о наличии письменности у кыргызов в дореволюционный период и ее истоках, о рукописных памятниках кыргызов, об акынах-письменниках. Среди них были К.К.Юдахин, И.А.Батманов, Б.М.Юнусалиев, В.М.Плоских, С.К. Кудайбергенов, Т. Назаралиев.

Однако в обобщающих работах по истории Кыргызстана и Компартии Киргизии, а также лингвистических, литературоведческих и культурологических изданиях продолжала господствовать партийная ошибочная установка о кыргызах как о якобы «бесписьменном» народе до 1924 г. А ученые-филологи, которые отрицали эти утверждения, подвергались гонениям и шельмованию. В настоящее время этот вопрос перестал быть дискуссионным, а точка зрения названных выше историков и лингвистов утвердилась в современной историографии Кыргызстана¹³.

С вопросом о наличии письменности у кыргызов до революции 1917 г. связано и изучение художественного творчества и социально-философского мировоззрения кыргызских акынов-заманистов Калыгула, Арстанбека,

Молдо Кылыча, И.Шайбекова и других. Длительное время с подачи партийных идеологов кыргызские акыны-заманисты, являвшиеся оригинальными мыслителями своего противоречивого времени, причислялись к категории реакционных акынов, которые якобы лишь восхваляли отжившие патриархально-феодалные отношения, были религиозным мыслителям, проповедниками националистических идей и антирусских настроений¹⁴. При этом необъективно выпячивались лишь негативные стороны их противоречивого творчества и мировоззрения.

В переосмысление и переоценку места и роли акынов-заманистов в наше время внесли свой весомый вклад А. Какеев, А.Эркебаев, М.Дононбаев, С.Мукасов и другие ученые¹⁵. Мы полностью разделяем их точку зрения в этом вопросе, как и их предшественников – Т.Саманчина, Д.Шукурова и М.И.Богдановой, подвергшихся в свое время гонениям и преследованиям за попытку объективно-причинного рассмотрения творчества акынов-заманистов.

В исторических и литературоведческих работах, изданных в доперестроечный период, включая академические обобщающие труды, отсутствует анализ творчества кыргызских писателей и поэтов периода зарождения кыргызской профессиональной литературы (1919-1924гг.). Авторы этих работ в основном ограничивались обзором творчества акынов-демократов, будто бы и не было таких первых кыргызских литераторов, как С.Карачев, К. Тыныстанов, О. Лепесов, И. Кудайбергенов и др. Некоторые из них печатались в казахских и татарских журналах в Алма-Ате и Ташкенте еще до 1924 г. Позже их имена оказались либо среди «забытых» литературоведами авторов, либо в числе репрессированных в 30-е годы и потому осознанно исключенных из литературного наследия. Тщетны поиски их имен и творческого наследия в справочно-биобиблиографических работах и аннотированных указателях литературы советского периода.

В объемной «Истории киргизской литературы», изданной в Москве в 1970 г., при рассмотрении лите-

ратурного творчества середины 20-х – первой половины 30-х годов уделяется незначительное внимание трудам и творчеству К.Тыныстанова, определенному как «противоречивое». Но и тогда это уже воспринималось как первый позитивный шаг в оценке вклада репрессированного в 1937 г. ученого в развитие кыргызской лингвистики. Жестоким критике подвергалось его художественное творчество – «Сборник стихов Касыма» и постановка «Академических вечеров». Подкрепляется эта критика стыдливой сентенцией о том, что «в связи с ранней кончиной» (Sic) он «не успел подняться до позиций убежденного реалиста». Однако дата его трагической кончины – 1938 г. – говорит сама за себя.

Более всего страниц в «Истории кыргызской литературы» отводится поэтическому творчеству другого зачинателя кыргызской советской литературы – Аалы Токомбаева. Разумеется, в книге ничего не сказано о периодических гонениях и двух годах тюремной отсидки А.Токомбаева, зато упомянуто о критике его стихов «Кен-суу» по поводу восстания 1916 г., книге, изданной впоследствии во второй редакции под названием «Перед зарей».

В период горбачевской «перестройки» с ее новым мышлением, и особенно в первое десятилетие истории суверенного Кыргызстана учеными – представителями гуманитарных наук – литературоведения, языкознания и отечественной истории – стали исследоваться «белые пятна» культурного наследия. Делались первые попытки осветить историю зарождения и развития кыргызской советской литературы «без купюр», с целью восстановить имена ее основателей. Имена тех, чье творчество подвергалось несправедливой критике, а сами писатели были незаконно репрессированы. Именно эта тематика становится ключевой в научно-критических статьях, литературоведческих сборниках, а также в диссертациях таких известных ученых, как С. Джигитов, а затем и А.Эркебаев, О.Ибраимов и др. Имеются в виду прежде всего две монографии С.Джигитова, вышедшие на русском и кыргызском языках и ряд других его литературоведческих изысканий¹⁶.

В обобщенном виде взгляды С.Джигитова на проблему зарождения кыргызской советской литературы нашли отражение в его монографии «Обретение новых традиций» (1984), где автор рассматривает «социальные заказы на литературу», выясняя основные причины и социальные корни возникновения новописьменных литератур, к которым относится и кыргызская, подробно исследует поэзию 20-х годов, в том числе творчество акынов первых лет советской власти, и наследие поэтов литературной ориентации (С.Карачева, К.Тыныстанова, репрессированных советских писателей начала 20-х годов) и поэтов «эркинтооского призыва» (А.Токombaев, М.Чокобаев, М.Элебаев и др.). Не обойдены им история рождения кыргызской драматургии и ранняя кыргызская проза. Однако время все еще не позволяло С.Джигитову более глубоко вникнуть в репрессивные сюжеты литературоведения первых двух десятилетий советской власти, все еще незримо присутствовал партийный диктат исторических оценок.

Гораздо дальше в этом плане продвинулся в своих исследованиях и оценках «забытых» имен другой литературовед – А.Эркебаев. Но его издания приходятся уже на 90-е годы XX в. Серьезный интерес для исследования проблемы представляет написанная на основе доработанной кандидатской диссертации монография А.Эркебаева¹⁷, текст которой датируется автором так: «Москва, 1980-1991 годы»¹⁸. Единая и цельная в историко-логическом плане книга вместе с тем широкоохватна по временным ее рамкам и фактическому содержанию. Так, в первых двух главах даны краткий историко-теоретический обзор фольклорного наследия кыргызского народа в его развитии и жанровом составе, а также рассмотрены наиболее значимые факты и явления древнетюркской литературы как общего духовного наследия народов «тюркского корня». Две последующие главы имеют самое непосредственное отношение к нашему исследованию: «запрещенная» кыргызская литература XIX в. и предшествующего времени, где автор во многом по-новому освещает переос-

мысливает проблемы возникновения и развития устной акынской поэзии, зарождения рукописно-печатной кыргызской литературы (глава 3).

Заключительная 4 глава этой насыщенной фактическим материалом книги посвящена репрессированной литературе. Автор отдает дань уважения и признания незаслуженно забытым творцам кыргызской советской литературы 20-30-х годов XX в. и исследует неизвестные и малоизвестные факты. К сожалению, автор лишь тезисно отметил другие сюжеты репрессированной культуры, не остановившись на них подробнее. Это, однако, в целом не умаляет значения данного «первопроходного» издания.

Серьезным и оригинальным литературоведческим исследованием кыргызской советской лирики 20-40-х годов прошлого века является труд О.Ибраимова, первое издание которого называлось «История киргизской советской лирики» (Фрунзе, 1981). В 2000 г. автор переиздал его в новой редакции и под названием «История и поэзия»¹⁹. В этой монографии, дополняющей в известной мере работы С.Джигитова и А.Эркебаева, О.Ибраимов разносторонне рассматривает все еще малоизученный путь становления кыргызской письменной поэзии, ее лирический аспект на политизированном фоне литературной жизни кыргызского общества. Им глубоко проанализированы развитие молодой киргизской поэзии в начальный период существования тоталитарной системы, зависимость литературы от идеологических установок, а также поступательное развитие художественной выразительности мышления поэтов и эволюция поэтических жанров в 20 – 30-е годы.

Отдавая должное работам и мнениям других литературоведов и критиков – Т.Джолдошева, С.Джигитова, А.Эркебаева и др., О.Ибраимов далеко не всегда соглашается с ними и их оценками, высказывая свое принципиально иное суждение. В этом отношении примечательна вторая глава исследования – «Фольклор – как препятствие – и другие трудности становления» (с подзаголовком «Драматическая судьба поэта К.Тыныстано-

ва»). О.Ибраимов к числу пристрастно тенденциозных критиков поэтического и литературного творчества К.Тыныстанова прямо относит А.Токомбаева, которого называет «непримиримым оппонентом», «злым демоном» поэта. С чем, однако, непросто согласиться, так как и сам А.Токомбаев подвергался репрессиям. Политическая ситуация, сложившаяся в литературной среде в Кыргызстане в 20-е годы, послужила причиной того, что К.Тыныстанов в конце концов отошел от литературной деятельности, занявшись проблемами кыргызской лингвистики. После публикации ряда критических статей и партийных постановлений²⁰ К.Тыныстанов, как и его коллеги, ранее проявившие себя в разных литературных жанрах – поэзии, прозе, драматургии, художественном переводе (С.Карачев, Ш.Кокенов, Б.Кененсариев и др.) перестал выступать в печати. Наиболее видным представителем пролетарской литературы Кыргызстана конца 20 – начале 30-х годов стал Аалы Токомбаев, во все остальные советские годы продолжавший оставаться неоспоримым авторитетом в литературе.

Как известно, история возникновения и становления кыргызской научной интеллигенции напрямую связана с организацией первых научно-практических ячеек и научных учреждений в Кыргызстане в 20-30-е годы прошлого столетия, а также созданием государственных ведомств, занимавшихся вопросами просвещения, культуры и науки, координацией научных исследований в горном, еще мало известном миру крае. В них работали, возглавляли государственные институты кыргызские интеллектуалы. Все впоследствии были репрессированы.

В первые послереволюционные годы экспедиционное исследование природы, горных богатств, быта, обычаев и социальной структуры населения Кыргызстана, его языка, культуры, традиционных верований и обрядов осуществлялось научными силами России, Украины и соседних республик – Узбекистана и Казахстана, при посильном участии первых местных подвижников культуры. С 30-х годов, с созданием Киргоспединститута,

Академического центра, других научно-практических учреждений республики их сотрудники со своими студентами проводили и самостоятельные экспедиционные исследования. Нередко такие исследования велись совместно с учеными других республик Союза. Важнейшую роль в изучении производительных сил и научно-практических исследований в Кыргызстане сыграли масштабные коллективные экспедиции АН СССР (1931-1933 гг.). Итоги работы экспедиций подводились на конференциях в Москве, Ленинграде и во Фрунзе. В них принимали участие первые кыргызские интеллигенты – Ю.Абдрахманов, Т.Джолдошев, К.Тыныстанов и др. Результаты их работы освещались в местной печати и академических изданиях²¹. Тогда же были выпущены первые учебники на кыргызском языке, опубликованы первые лингвистические, этнографические и социологические труды, работы по истории, фольклору, проведены записи эпоса «Манас».

С организацией в 1943 г. во Фрунзе Киргизского филиала АН СССР (КирФАН СССР), а затем, в 1954 г. – республиканской Академии наук стали издаваться их «Труды» и «Известия», в которых как освещался процесс появления и реорганизации первых научных учреждений в Кыргызстане, так и публиковались исследования в области истории и этнографии, культуры и языкознания, рассматривались состояние и перспективы развития молодой кыргызской науки²². Их авторами являлись местные ученые-кыргызстанцы. Правда, заслуги, имена и труды кыргызских ученых, уже репрессированных в 30-е годы, в них опущены. Подобные «пропуски» характерны не только для публикаций 40-50-х годов, но и для работ, изданных в более поздние годы, – монографий по истории культуры 50-70-х годов. Это объяснялось жесткой государственной идеологической цензурой. Потому более чем странно звучало в рецензии на 2-е издание «Очерков истории Коммунистической партии Киргизии» (Фрунзе, 1979) замечание, что их недостатком «является слабое освещение науки, выхода научно-технической интеллигенции в

народное хозяйство»²³. Это замечание парадоксально само по себе хотя бы потому, что ученые, принимавшие участие в подготовке «Очерков», прекрасно понимали, чем вызвано такое вынужденное замалчивание роли и вклада научной интеллигенции в развитие кыргызской государственности К.Тыныстанова, А.Сыдыкова, Ю.Абдрахманова и др., репрессированных в 30-е годы и потому «удостоенных» лишь тенденциозной и несправедливой критики.

Развитие истории и культуры советских республик было бы невозможно без активного участия в ней российской интеллигенции. Она оказывала значительное влияние и на политическую, и общественно-интеллектуальную жизнь страны и ее национальных окраин. В эту борьбу неизбежно втягивалась и молодая национальная интеллигенция Средней Азии и Казахстана. Политическая борьба в партии и вокруг культа личности И.В.Сталина нашла достаточно широкое отражение (хотя и в «кривом зеркале» советской истории) в литературе. Однако в Кыргызстане, в отличие от российской историографии, история политической борьбы в 20-30-е годы и участие в ней интеллигенции, а главное то, какие трагические последствия она имела в отечественной историографии советского времени, до 80-х годов XX в. фактически не отражена. В этом легко убедиться при самом беглом ознакомлении с трудами обобщающего характера по истории Кыргызстана²⁴ и с историографическими работами²⁵.

Должным образом и более того – с пристрастием освещаются лишь руководство ЦК партии и Киробкома ВКП(б), их роль в успехах советского, государственного, хозяйственного и культурного строительства. Однако всячески замалчивается вклад в эти достижения, особенно в развитие духовной культуры Кыргызстана, кыргызских интеллигентов и интеллектуалов, оказавшихся в оппозиции к официальному курсу в вопросах строительства социализма в ранее отсталом горном крае. Не находим в этих трудах не только биографий этих мужественных людей, но зачастую и про-

сто имен оппозиционных лидеров, подписавших (1 мая 1920 г.) письмо В.И. Ленину с изложением нужд кыргызских трудящихся, выразивших неудовлетворенность идеологической и практической работой Киробкома в середине 20-х годов, а также заявление «тридцатки» (1925 г.), и тем более авторов программы и воззвания (манифеста) лидеров Социал-Туранской партии (начало 30-х годов), критиковавших тоталитарный режим «красных милитаристов»²⁶. Кстати, о последней партийной оппозиционной организации ничего не говорится даже во втором издании «Очерков истории Коммунистической партии Киргизии» (Фрунзе, 1979), и в третьем томе «Истории Киргизской ССР» (Фрунзе, 1986).

Из исторических работ уже нового поколения об общественно-политической обстановке в Кыргызстане в 20-30-е годы, работ, связанных с освещением репрессий, необходимо назвать следующие.

Во-первых, это сборник статей и очерков «Тридцать седьмой год в Киргизии» (с параллельным текстом на кыргызском и русском языках). Сборник подготовлен авторским коллективом под руководством К.К.Каракеева и В.М.Плоских, составитель И.Е.Семенов. В нем повествуется в основном о трагических судьбах видных партийных и советских работников в год «большого террора». Сборник включает очерки об Ю.Абдрахманове – премьер-министре и Т.Джолдошеве – министре просвещения республики, который являлся также одним из первых литературных критиков. В нем содержатся и интересные биографические материалы и сведения о творчестве поэта Дж.Боконбаева, подвергнутого преследованию, о репрессированном крупнейшем лингвисте нашего времени Е.Д.Поливанове, о деятелях партийной элиты, культуры и науки.

В 1994 г. вышла книга А.Джуманалиева «Политическое развитие Кыргызстана (20 – 30-е годы)», подготовленная по материалам его кандидатской диссертации. В книге описаны и результаты партийных «чисток» и карательных репрессий органов ОГПУ – НКВД в эти два

драматические десятилетия, которые коснулись и различных групп кыргызской интеллигенции.

Два года спустя издан коллективный труд «У истоков кыргызской национальной государственности», подготовленный учеными-историками и обществоведами (под редакцией Т.К.Койчуева, В.М.Плоских, Т.У.Усубалиева). В ней повествуется о трудном пути восхождения народа к национальной государственности, представлена яркая галерея политических портретов «отцов-основателей», многие из которых являлись и талантливыми учеными – историками, этнографами, репрессированными в 30-е годы. Особый интерес для нас представляют два очерка – «Абдыкерим Сыдыков» и «Юсуп Абдрахманов».

В 1991 г. были изданы дневники и письма Ю.Абдрахманова, раскрывающие сложность политической ситуации и культурной жизни в Кыргызстане в конце 20 – начале 30-х годов²⁷.

Уже с первых лет существования независимой Кыргызской Республики стали появляться статьи в периодической печати и документальные сборники очерков об отдельных представителях оппозиции официальному курсу из среды кыргызской интеллигенции, приуроченные к их юбилейным датам.

Так, к 110-летию со дня рождения Ишеналы Арабаева был издан сборник статей о нем (Бишкек: Илим, 1992) на кыргызском и русском языках «Молдоке национальной интеллигенции» – так почтительно называли И. Арабаева его кыргызские коллеги-педагоги. В сборнике разносторонне описана нелегкая жизнь, проанализирована научно-просветительская и политическая деятельность одного из основателей научной лингвистики и автора первого кыргызского букваря. Репрессирован в начале 30-х годов.

Годом позже была издана книга В.М.Плоских «Манас не признал себя виновным» (Бишкек, 1993) – о А.Сыдыкове и его сподвижниках. «Манас» – псевдоним А.Сыдыкова – политического деятеля, историка и экономиста, известного твердостью своих убеждений среди едино-

мышленников по Социал-Туранской партии. Книга написана по первым рассекреченным материалам из архива ОГПУ – НКВД о репрессированных политических лидерах и деятелях культуры Кыргызстана. Опираясь на обнаруженные материалы, автор подробно осветил зарождение и гибель этой оппозиционной организации, считавшейся поначалу почти мифической²⁸, репрессии карательных органов не только в отношении ее участников, но и «приписанных» к ней. Опубликован текст восстановленных по памяти репрессированными участниками программы и воззвания (манифеста) СТП, приведены биографические данные наиболее влиятельных политических и культурных деятелей Кыргызстана – членов СТП: Турды Акуна Сопиева, Султана Курманова, Аджимана Шабданова, Ишеналы Арабаева. Как соучастники движения были обвинены уже находившиеся в застенках НКВД Касым Тыныстанов, Юсуп Абдрахманов, Торокул Айтматов и многие другие деятели науки и культуры. Следует отметить тотальность в тот период тенденции «приписки» неугодных режиму к какой-либо оппозиционной группе.

Выделяется своей основательностью научный труд З.К.Курманова «Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы», положенный в основу его докторской диссертации²⁹. В монографии использовано множество документальных и литературных источников. Главное же внимание в ней уделено оппозиционной политической деятельности А.Сыдыкова. Наряду с подробной биографией А.Сыдыкова излагаются также биографические сведения и характеристики из рассекреченных архивных материалов его единомышленников, противников и других участников развернувшейся в 20-е годы скрытой и явной (но неравной) борьбы партийцев-оппозиционеров официальному курсу Киробкома, возглавляемого представителями московского ЦК, слабо разбиравшимся в специфических местных условиях. Это основной стержень книги. Но ее содержание намного шире – в ней рассматриваются исторические периоды зарождения оппозиционного движения в Кыргызста-

не, его цели и задачи, попытки их осуществления, закончившиеся трагической гибелью А.Сыдыкова и его окружения по СТП, репрессированных карательными органами. В книге немало культурологических аспектов, перекликающихся с нашим исследованием.

Интересен и коллективный сборник очерков и статей, посвященных А.Сыдыкову, опубликованный в 1992 г.³⁰ В 1999 г. вышла в свет монография З.Курманова и В.Плоских о А.Сыдыкове (на кыргызском языке). То, что авторы посвятили свой труд исследованию жизни и деятельности именно Абдыкерима Сыдыкова, объясняется несколькими причинами. Во-первых, это был действительно выдающийся политический деятель, стоящий у самых истоков организации кыргызской национальной государственности. Был интеллигентом, как говорят, до мозга костей. Во-вторых, он был одним из первых серьезных кыргызских историков и экономистов, и оставил научные труды³¹, не потерявшие своего значения и сегодня. В-третьих, как репрессированный, он подвергся в советской историографии необоснованной и несправедливой критике, очернению, имя и труды его пытались предать забвению. Но правда должна быть восстановлена, а его научный вклад достойно оценен.

Безусловно, необходимо отметить и ряд публикаций доктора исторических наук Ч.Жакыповой, которые внесли свежую струю в застоявшиеся исторические оценки событий периода тоталитарного режима и дали толчок новому направлению в кыргызской историографии, многочисленным публикациям³².

Наконец, следует сказать и о научных изысканиях, связанных с трагической лингвистикой. Начало им было положено еще в 30-х годах трудами К.Тыныстанова, продолжением стали исследования и публикация крупнейшего русского ученого-полиглота Е.Д.Поливанова. Продолжение этот сюжет нашел и в 60-70-е годы, когда К.К.Юдахин и Б.М.Юнусалиев тщетно бились за историческую правду, но сами были обвинены в «буржуазном национализме», «отходе от исторической действи-

тельности» и «идеализации прошлого». Данная проблема освещалась лишь в отдельных статьях³³.

Наконец, последний парадокс в науке относится уже к 70-м годам и связан он с кыргызской этнографией и кыргызским литературоведением. Об этом как-то мало писали, да и сейчас стараются обойти молчанием эту тему.

В 1971 г. видный советский этнограф, основатель кыргызской этнографической науки Саул Менделевич Абрамзон публикует фундаментальную монографию, фактически подводящую итог его многолетним исследованиям, «Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи» (Л., 1971). Свои первые экспедиционные изыскания в области этнографии молодой ленинградский ученый начал еще в 1928 г., публиковал статьи о традиционном быте и социальной структуре кыргызского общества, о родоплеменном составе и традиционной хозяйственной деятельности кыргызов. Осторожный в науке и тишайший в жизни ученый, С.М. Абрамзон благополучно прошел через все периоды гонений в науке, шельмования и репрессий и не был причислен к «врагам народа» в 1937-1938 гг., не был обвинен в «буржуазном космополитизме» в конце 40-х начале 50-х, не уличили его и в «идеализации прошлого» в начале 70-х.

Выход капитальной монографии мэтра кыргызской этнографии сначала был встречен почти триумфально. Стали появляться положительные рецензии, автор получает поздравления от своих коллег. Но осенью следующего года на страницах партийной республиканской газеты «Советская Киргизия» появляется критический обзор книги видных кыргызских историков – К.К.Орозалиева, А.Г.Зима, С.И.Ильясова. Наряду с общей положительной оценкой авторы обзора указали и на ошибки, которые можно рассматривать как «идеологические». С.М.Абрамзон «неосторожно» употреблял в своем тексте выражения типа «колхозники из рода (такого-то), племени (такого-то)» и т.п. Понятно, речь шла о современниках, но подчеркивались родоплеменные истоки колхозников – традиционная деталь

этнографической науки. Подобные уточнения были замечены... и автора обвинили в искажении «социалистической действительности» и привнесении в современную жизнь давно отживших родоплеменных отношений.

И далее подобострастные ученые изыскивали в монографии только негативные моменты. В итоге книга была запрещена для изучения студентами. А автор вместо ожидаемого одобрения за свой полувековой труд получал только обструктивные разносы на устраиваемых в Кыргызстане, Москве и Ленинграде «ученых советах».

К чести кыргызских деятелей культуры (не науки!) надо сказать, что С.М.Абрамзон получал и поддержку. Но она выражалась лишь в дружеских письмах к автору. Письмах, которые никто не собирался публиковать. Такое теплое письмо, полное сочувствия и высокой научной оценки книги С.М.Абрамзона направил автору народный писатель Кыргызстана Чингиз Айтматов (это письмо, как нам известно, до сих пор не опубликовано).

С.М.Абрамзон скончался, так и не дождавшись от республики, от этнографической науки, которой он посвятил всю свою жизнь, ни признательности, ни должной оценки.

Только с 1989 г., когда ветер перемен коснулся не только России, но и Кыргызстана, положение изменилось. Труд С.М.Абрамзона был переиздан на русском и кыргызском языках с предисловием академика С.Т.Табышалиева. Воздано должное автору, соответственно оценена его подвижническая роль в становлении и развитии этнографической науки и подготовке кадров – этнографов для республики³⁴. Сегодня при поддержке Фонда «Сорос – Кыргызстан» переведены и переизданы все основные публикации С.М.Абрамзона на кыргызском языке, тем самым, республике возвращено все научное наследие большого ученого и друга кыргызского народа.

Другой сюжет касается попытки «переосмыслить», принизив значение поэтического творчества и вклада в культуру республики народного поэта Кыргызстана Аалы

Токомбаева. Уже в конце 80-х годов, накануне провозглашения суверенитета Кыргызстана, в годы первых волн свободомыслия и вседозволенности, на страницах кыргызских газет стали появляться критические обзоры творчества ранее боготворимого поэта. Из архивов «несвежей памяти» стали печататься «воспоминания» о якобы «зловещей его роли» в период репрессий, личное недоброжелательство переросло в огульное охаивание, которого он, как один из основоположников кыргызской профессиональной поэзии, явно не заслуживал. Поэт тяжело переживал происходящее и вскоре скончался.

К чести литературоведов и большинства коллег по перу, вскоре отношение к творческому наследию поэта позитивно изменилось. Стали переиздаваться его произведения и на одной из центральных площадей столицы, рядом с Музеем изобразительных искусств, напротив Театра оперы и балета был воздвигнут монументальный памятник поэту. На открытии его с теплой речью выступил Президент страны А.А. Акаев.

Нападки на поэта прекратились. Журнал «Литературный Кыргызстан» своими последними публикациями как бы отдавал должное одному из основоположников кыргызской профессиональной литературы. Честное имя было восстановлено³⁵.

Отсутствуют, к сожалению, и серьезные исследования, раскрывающие процесс реабилитации репрессированных в свое время представителей творческой и научной интеллигенции Кыргызстана. Но это дело уже недалекого будущего. Мы же наметим лишь основные вехи реабилитационного процесса.

Подробный историографический обзор степени научной изученности проблемы вызван стремлением к двуединой цели.

Во-первых, хотелось бы показать пионеров изучения отдельных аспектов данной проблемы, с плюсами и недочетами публикаций наших предшественников.

Во-вторых, выявить лакуны и ниши, оставшиеся для будущих исследователей, в частности, и для нас.

Подходя к вопросу о теоретической основе нашего исследования, его основных направлениях, хочется начать со следующего.

В 1991 г. увидела свет примечательная книга под названием «Репрессированная наука», под редакцией и с предисловием академика Д.С. Лихачева, с программной статьей М.Г.Ярошевского «Сталинизм и судьбы советской науки». В статьях и документах книги раскрываются теоретические основы негативных процессов и явлений в советской науке в 30-60-е годы под повсеместным воздействием командно-административной системы тоталитарного союзного государства. Исключительный интерес представляет воссоздание настроений в научной среде, включая деятелей общественных наук и крупных российских ученых, репрессированных по политическим и идеологическим причинам. Многие из них работали в Средней Азии и Казахстане, приезжая в экспедиции и командировки или продолжительное время плодотворно трудились здесь, а затем вновь возвращались в города центральной России, где подвергались гонениям и преследованиям за отстаивание научных истин и открытий.

В заслугу М.Г.Ярошевского и его соавторов по книге, поддержанных Д.С.Лихачевым, следует поставить введение в научный оборот неологизма «репрессированная наука», хотя некоторые оппоненты возражали против этого термина, считая возможным говорить лишь о репрессированных ученых, деятелях культуры, изъятых книгах, рукописях и т.п. Соглашаясь с расширительным толкованием такого словосочетания «репрессированная наука» и «репрессированная культура», мы считаем закономерным так писать о «репрессированной лингвистике» в Кыргызстане, вероятно и о «репрессированном литературоведении с эпосоведением», а может быть даже и о кыргызской «репрессированной историо-этнографии, генеалогии». Вспомним трагические судьбы первых кыргызских историков Осмоналы Сыдыкова и Белека Солтоноева, библиографа З.Л.Амитина-Шапиро, этнографов В.Н.Дублицкого, С.М.Абрамзона, лите-

ратуроведов Д.Богданову и Ж.Джакишева, эпосоведа Т.Байджиева, имена других известных и пока что мало известных деятелей культуры и ученых. Такой подход к рассматриваемой проблеме является новым для кыргызской историографии и культуроведения.

Нам представляется образцом страстно-полемического и то же время глубоко научного исследования проблемы репрессированной культуры книга Мара Байджиева «В битве за истину»³⁶. Художественная литература и героический народный эпос «Манас», писатели и сказители, ученые и деятели культуры, пострадавшие в годы тоталитаризма за стремление к истине, предстают на страницах талантливого автора живыми героями, неустанными исследователями и неустрашимыми борцами за правду в науке, литературе, культуре.

В последние годы в зарубежной печати появилось новое направление в исследовании проблем, названных нами «репрессированная культура», - «травмированная культура». Парадигма травмы медленно внедряется в сферу гуманитарных, но преимущественно социальных наук. Одна из сфер применения концепции культурной травмы относится к исследованию негативных, дисфункциональных последствий, которые мы назвали бы как последствия репрессии в культуре. Один из основоположников этого теоретико-методологического направления в социологии и культурологии польский ученый П. Штомпка опубликовал на эту тему ряд статей в научных журналах. Получили они признание и на прошедшем в июле 2002 г. XV Международном научном конгрессе социологов в Австралии³⁷. В связи с этим мы сочли приемлемым использование как термина «репрессированная культура», так и близкого по значению термина «травмированная» культура, наука, религия.

Особый, практически не исследованный пласт кыргызской историографии представляет история религии. Являясь страной государственного атеизма, СССР, со своим идеологическим прессингом, не допускал научно-объективных исследований по истории религии в стране. До-

пускались и выпускались только работы, признаваемые практически целесообразными в борьбе с «религиозными пережитками», поскольку религии в СССР, говоря словами пропагандистов тех времен, как таковой не должно было быть. Среди первых серьезных публикаций мы можем отметить только статьи этнографа С.М.Абрамзона, начавшего свои исследования в Кыргызстане в конце 20-х годов. Одна из первых его публикаций «Манапство и религия»³⁸ являлась данью классового подхода к изучению кыргызского общества и была направлена явно против религии. Однако как истинный ученый С.М.Абрамзон не мог оставить в стороне факты исламских воззрений кыргызов и роль в распространении религии как местных биев, манапов, так и пришлых узбекско-татарских мулл. Стоит назвать и статью первого кыргызского этнографа, будущего академика С.И.Ильясова, посвященную вакфам в Кыргызстане³⁹. Разбирая в основном вакфы дореволюционного периода, С.И.Ильясов описывает и окончательную ликвидацию этого института духовного землевладения в 20-е годы.

Их ученица Т.Дж.Баялиева обе свои монографии (написанные на базе кандидатской диссертации) посвятила вопросу преодоления религиозных пережитков у кыргызов в советские годы⁴⁰. Положение ислама у кыргызов было проанализировано в кандидатской и докторской диссертациях С.Дорженова⁴¹, в книгах М.Абдылдаева, С.Мамбеталиева, К.Атыбековой и некоторых других. Все они страдают односторонностью, так как написаны в ключе атеизма и борьбы с религией, и отличаются тенденциозностью воинствующего атеизма. Более серьезного внимания и положительной оценки заслуживает монография А.Табышалиевой, посвященная истории религий в Средней Азии. Однако период репрессий в Кыргызстане и в ней практически не освещается⁴².

Из нового поколения научных исследований по религии привлекает внимание брошюра Э.А.Урманова «Ислам и кыргызы»⁴³, но и она написана в традиционном плане и совсем не затрагивает репрессивной поли-

тики советского государства в отношении религий в Кыргызстане. В работе достаточное место отведено возрождению ислама в Кыргызстане после обретения им независимости.

Что же касается христианства, его основного направления в Кыргызстане – православия, то публикаций по этой тематике до конца XX в. практически не было⁴⁴. Появившиеся в конце 90 – начале 2000 годов работы принадлежат перу теологов, в основном архиепископу, позже – митрополиту Среднеазиатскому и Бишкекскому Владимиру (Иким)⁴⁵. Его книги о Русской Церкви в Туркмении и Кыргызстане, практически посвящены ее истории во всей Средней Азии, а его доклад на юбилее, посвященном 125-летию Туркестанской епархии, затрагивает и проблемы репрессий против христианства и православных священников в Средней Азии⁴⁶.

Имеется, правда, и ряд статей чисто пропагандистского характера (хотя и насыщенных историческими примерами), как, например, явно тенденциозная статья кандидата философских наук Ю.Г.Петраш⁴⁷.

Методологическую основу книги составляют принципы научного историзма и объективизма, а также такие исследовательские методы, как историко-культурный, системный, сравнительно-сопоставительный, биографический и другие общепринятые в гуманитарных исследованиях цивилизационного направления, пришедшего на смену марксистско-ленинскому формационному подходу. Концептуальный подход к решению поставленной научной задачи позволил осветить новые стороны проблемы, выявить общее и специфическое в явлениях союзного и республиканского масштаба.

Источниковую базу исследования составляют комплекс литературных и документальных источников. В основе их лежат архивно-документальные материалы Центрального государственного архива Кыргызской Республики (ЦГА КР) и Центрального государственного архива политической документации (ЦГА ПД КР), копии документов бывшего архива КГБ, ведомственно-

го архива НАН КР, документальные и другие материалы Института истории НАН КР, а также копийные архивные документы из личных архивов академиков НАН КР Б.М.Юнусалиева, К.К.Юдахина, С.Т.Табышалиева, В.М.Плоских, Д.Ш.Шукурова, Ю.Я.Яншансина, этнографа С.М.Абрамзона и других ученых.

В ЦГА ПД в фонде 10 выявлены документы и материалы, а также рукописи (в том числе неопубликованные), репрессированных общественно-политических деятелей Кыргызстана, представителей науки и культуры – К. Тыныстанова, «Заявление секретарю обкома ВКП(б) М. Белоцкому»; письма Белека Солтоноева, переписка Е.Д. Поливанова и многие другие.

В ЦГА КР содержатся материалы по культурному строительству в республике и участию в нем молодой кыргызской интеллигенции (фонды 72, 2597).

Документальные материалы из Архива Комитета национальной безопасности КР использованы нами в выписках и копиях, переданных ученым для исследовательской работы, а также по публикациям В.М.Плоских, З.Курманова и других историков. Материалы из следственных дел репрессированных рассказывают о кыргызских интеллигентах, ставших на путь оппозиции официальному курсу партии в вопросах государственного и культурного строительства. Таковы заявление «тридцатки», документы СТП, статья К. Тыныстанова «10 лет борьбы за новый алфавит (сжатый исторический очерк)» и другие.

В Архиве НАН КР хранится личное дело академика К.К.Юдахина с характеристиками на него и его помощников и соавторов по «Русско-киргизскому словарю» и «Кыргызско-русскому словарю» – Д. Шукурова и К. Карасаева. Их научную деятельность дополняют публикации этих лингвистов в изданиях Киргизского филиала Академии наук СССР и АН Киргизской ССР, а также личные и официальные письма академиков К. К. Юдахина и Б. М. Юнусалиева.

В рукописных фондах НАН КР хранятся копии семи рукописных тетрадей по кыргызскому языку Е.Д. Поливанова, стенограммы и протоколы конференций и

заседаний, связанных с оценкой творческого наследия заманистов и отдельных деятелей науки и культуры. Особую ценность представляет пока еще не обработанная коллекция палеоархеографических находок экспедиций Института истории, работавших под руководством В.М. Плоских. Дореволюционные книги, рукописи, генеалогии, письма и эпитафии на восточных языках, в том числе на кыргызском (более тысячи наименований) были собраны при участии ленинградских, московских и алмаатинских востоковедов – С.Г.Кляшторного, В.А.Лившица, Т.Тягусовой, В.Н.Настича и кыргызских ученых – Ч.Джумагулова, А.Мокеева, И.Молдобаева, А.Ормушева, Д.Нурмаматова и других. Многие из них пока еще остаются неисследованным пластом ценных первоисточников по истории письменной культуры кыргызов.

В Архиве НАН КР мы ознакомились с личными делами ведущих ученых довоенного времени и книгами приказов по институтам, что позволило уточнить и восполнить отдельные страницы биографий ученых и познакомиться с результатами их организаторской деятельности, в частности К. Тыныстанова и Е. Д. Поливанова.

Просмотрены также материалы Дома-музея Мухтара Ауэзова в Чолпон-Ате, связанные с периодом его научных контактов с кыргызскими учеными, начиная с 30-х годов, особенно по оценке эпоса «Манас».

В Доме-музее Аалы Токомбаева просмотрены документальные и литературные материалы о его жизненном и творческом пути, что позволило получить объективную характеристику его как поэта и гражданина, истинного патриота своей страны, беззаветно преданного поэзии и культуре своего народа. Об этом поведали дочь и родственники поэта, авторы юбилейного номера журнала, посвященного памяти А. Токомбаева (Литературный Кыргызстан. – 2000).

Изданные сборники документов и материалов по культурному строительству, становлению науки и кыргызской интеллигенции можно разделить на несколько групп.

К первой из них условно относятся те, содержание которых хронологически охватывает дореволюционный период истории Кыргызстана:

- Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древнейших времен до XX в.) / Сост. В. Воропаева – Бишкек, 1997;
- Кыргызстан – Россия: история взаимоотношений (XVIII-XIX вв.): Сб. док. и материалов / Ред. В. Плоских. – Бишкек, 1998.
- Исторические и архивные документы об Ормон-хане (1790-1854) / Автор обзора Ж.Токтоналиев. – Бишкек, 1999.
- Шабдан Баатыр. Эпоха и личность: Документы и материалы / Отв. ред. Ж. Абдылдабек кызы. – Бишкек, 1999.

Эти издания позволяют более широко и объективно судить о переходном времени, в которое жили и творили акыны-заманисты, а также о выдающихся исторических мыслителях, о которых они упоминают в своем творчестве. Здесь же опубликованы переписка кыргызов с соседними правителями, жалобы и прошения (на кыргызском языке).

Вторую группу (или подгруппу) составляют сборники архивных и статистических материалов, изданные в послевоенный период и включающие документы по культурному строительству в республике, свидетельствующие об отношении к этому процессу и деятелям культуры и науки партийного руководства Кыргызстана. Это в частности Культурное строительство в Киргизии: Сборник документов и материалов. Т. I (1918-1929 гг.); Т. II, ч. 1, 2 (1930-1941 гг.). – Фрунзе, 1957, 1960, 1972. Большинство из представленных в сборнике материалов хранятся в ЦГА КР.

Не утратили своего научного значения и сборники документов и партийных постановлений, такие, как «Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов обкома и ЦК». Ч. I, II, III. (Фрунзе, 1958, 1968, 1973.) Этот сборник укомплектован материалами бывшего Партархива при ЦК Компартии Киргизии (ныне ЦГА ПД КР). Среди опубликованных в части I этого сборника документах за 1924-1936 гг. приводятся партийные решения,

осуждающие «контрреволюционную» направленность творчества К.Тыныстанова и других кыргызских писателей и поэтов первой «литературной волны» в Кыргызстане, репрессированных органами ОГПУ – НКВД.

При всей тенденциозности отбора и «дозировки» спецредакторами публиковавшихся в названных и других такого типа изданиях преднамеренных пропусках материалов за 20-е годы, а особенно роковые для кыргызской интеллигенции и ее деятелей в области культуры и науки 30-е годы, все эти издания содержат ряд важных первоисточников о путях и методах формирования кыргызской интеллигенции и представителях ее национальных диаспор. Само же умолчание и пробелы в них служат знаковыми указателями на трагичность судеб кыргызских интеллектуалов, репрессированную науку да и литературу с эпосоведением.

Нами использованы материалы сборника документов «Судьба эпоса «Манас» после Октября» (Бишкек, 1995), изданного к 1000-летию юбилею героического эпоса кыргызского народа. Он составлен Т.А.Абдыкаровым и С.Р.Джумалиевым по материалам ЦГА ПД КР и ЦГА КР, отражающим историю изучения эпоса «Манас» в советское время. Для нас наибольший интерес представляют документы, характеризующие негативное отношение партийного руководства республики к эпосу и ученым, изучавшим его (ведь эпос считался «антинародным», идеологически вредным), а заодно и к исследователям творчества и языка «реакционных» акынов-заманистов – Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча, т.е. к Т.Саманчину, Д.Шукурову и другим акынам, языковедам и литературоведам (К.Карасаеву, К.К.Юдахину, К. Сооронбаеву, И.А.Батманову).

Третью, особо значимую группу первоисточников составляют сборники и другие издания, содержащие архивные документы, дневники, записки, статьи репрессированных кыргызских интеллигентов-интеллектуалов, прежде не публиковавшиеся или ставшие давно библиографической редкостью, большей частью преж-

де закрытые в спецхранах архивов или изъятые в свое время из-за «одиозных» имен их авторов. Таковы, например, издания о Юсупе Абдрахманове, Ишеналы Арабаеве, Торокуле Айтматове.

Научная ценность изданий подобного типа подкрепляется оставленными их составителями подробными хрониками жизни Ю.Абдрахманова, Т. Айтматова, перечнем публикаций историко-экономических работ А.Сыдыкова, трудов И.Арабаева. Все это позволяет полнее представить тернистый жизненный путь, важность их трудов и полное осознание горечи утрат и потерь для науки и культуры Кыргызстана, понесенных во времена сталинских репрессий.

Следующий круг источников составляют многочисленные энциклопедии (БСЭ, РИЭ, КЭ и др.) и другие научно-справочные издания. В том числе библиографические и биобиблиографические указатели и справочники. Так, в биобиблиографическом справочнике «Писатели Советского Кыргызстана» (Фрунзе, 1969), составленном Дж.Самагановым, вообще отсутствуют имена и сведения о многих первых кыргызских писателях и поэтах 20-х годов, гонимых и опальных, репрессированных, а в других случаях (как, например, А.Токомбаев), ничего не говорится о политических гонениях. Важно, однако, что помимо биографических сведений о писателях здесь приводятся библиография их произведений, а также литература о их жизни и творчестве.

В этом отношении надо отдать должное составителям краткого биобиблиографического справочника докторов наук Кыргызстана «Кто есть кто в кыргызской науке» У.А.Асанову, А.З.Жуманазаровой, Т.К.Чоротегину (под ред. У.А. Асанова – Бишкек, 1997). Составители опубликовали в сборнике как биографические сведения, так и основные труды не только благополучно работавших, но и репрессированных ученых.

В Кыргызской национальной библиотеке в отделе редких книг представлены некоторые произведения репрессированных писателей, переданные из спецхра-

на. Их дополняют газетно-журнальные публикации советского и постсоветского периодов. Первые, даже страдая односторонностью, все же позволяют извлечь из них биографические фактические данные о репрессированных, гонимых и опальных деятелях культуры, литературы и науки республики. Небезынтересна, например, публикация «Краткой биографии А. Токомбаева» (Балка) в газете «Советская Киргизия» (от 6 июля 1933 г.), а особенно при сопоставлении ее с другими публикациями о поэте в другие годы и в других изданиях. Подобного рода публикации следует считать не только источником, но и первоисточником.

Что касается источников по религиозным репрессиям, то они фактически отсутствуют. Нельзя же назвать серьезным сборник документов, опубликованный во Фрунзе по материалам ЦГА Киргизской ССР с одиозным названием «Против религиозного обмана и мракобесия»⁴⁸. Другое дело, отложившиеся в архивах отчеты и документы. Но они крайне незначительны, относятся в основном к военным и послевоенным годам. Нами использованы такие документы из ЦГА КР, Ошского госархива, Андижанского архива и материалы публикаций Туркестанской, позже – Среднеазиатской епархии.

Заключая обзор использованных в работе источников, заметим, что несмотря на большое различие в полноте некоторых групп источников и первоисточников, наличие в них пробелов и даже искажений, взятые в своей совокупности при объективно-критическом анализе и сравнительном сопоставлении они представляют в целом достаточную основу для исследования.

Фрагментарность же в некоторых сюжетах, их неполнота позволяют нам говорить лишь об отдельных, малоизученных страницах истории репрессированной и травмированной культуры Кыргызстана.

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КЫРГЫЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Формирование интеллигенции Кыргызстана: пути, методы и средства

Интеллигенция – огромная общественная и культурная сила. По качественному и количественному состоянию интеллигенции можно судить о культурном потенциале народа в целом. Ни одно государство нового времени не могло жить без обслуживавшего его интеллектуального потенциала – интеллигенции. Поэтому всякий раз, когда обостряются противоречия социального порядка, когда возникает необходимость определить роль и меру ответственности порядочного, образованного человека в критической ситуации, когда перед обществом появляется насущная необходимость выработать программу выхода из кризиса, общество обращается к проблемам интеллигенции.

Долгое время было принято считать, что понятие «интеллигенция» в литературу было введено писателем П.Д. Боборыкиным в 60-е годы XIX в. Однако многие российские ученые считают, что это понятие имело хождение еще в пушкинском кругу, и большинство из них находят «российские корни» этого понятия. В то же время западноевропейские и американские историки утверждают, что термин «интеллигенция» бытовал во Франции и Германии уже в 40-е годы XIX в.

Наверное, сегодня необходимо признать главный, ключевой, признак интеллигенции, признававшийся и в XIX-XX вв., – не столько профессиональную принадлежность, сколько выдающуюся гражданственность¹.

Интеллигенция всегда была духовным наставником общества: она просвещала, вдохновляла, вселяла веру

и надежду на лучшую жизнь; выстраивала идеи социального благосостояния, единения и даже спасения страны; определяла конечную цель, к которой должно стремиться общество. То есть, как считал Д.С.Лихачёв, «интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества»².

Интеллигенция социально неоднородна, но ее объединяют исторически неизменные признаки: ориентация на общечеловеческие ценности, приверженность идее справедливости, критическое отношение к существующим социальным формам правления, если они далеки от идеалов гуманизма и демократии. Истинный интеллект всегда критически осмысливает многие стороны и ценности жизни. И поскольку все революционные преобразования происходят под лозунгом гуманизма, интеллигенция искренне верит новым лидерам, но затем нередко разочаровывается, становится в ряды оппозиции и начинает искать социальную опору для реализации своих новых идей.

Эти общетеоретические основы формирования российской интеллигенции лишь в зародыше начали проявляться в Кыргызстане, имевшем в силу специфического пути развития свои особенности, особенности отсталого социально-экономического фактора.

Ленинский вариант «культурной революции», как этап, следующий за победой в политической борьбе, предполагал длительную, рассчитанную на десятилетия, работу по «внедрению культурности» в широкие массы трудящихся. Такая революция предполагала широкую просветительскую работу, ликвидацию неграмотности, распространение начального образования, научных и технических знаний. Реализация программы «культурной революции» возлагалась на «попутно создаваемую новую интеллигенцию».

Практически именно так шел процесс формирования интеллигенции как в целом в советской России, так и в Кыргызстане.

Строительство после победы революции 1917 г. нового общества, развитие которого направлялось созна-

тельно, обусловило огромные потребности советского государства в специалистах в целом, в работниках умственного труда в частности. Причем роль интеллигенции в поступательном движении общественной жизни объективно повышалась.

В основу формирования интеллигенции социалистического общества был положен идеологический принцип – новая интеллигенция по своим идейно-политическим убеждениям должна была в корне отличаться от интеллигенции свергнутого строя классово-антагонических, как тогда выражались, формаций.

Решалась же проблема формирования интеллигенции двумя путями: привлечением к хозяйственно-культурному строительству старой буржуазной интеллигенции; подготовкой специалистов-выдвиженцев из числа рабочих и крестьян.

В Кыргызстане до революции процент грамотных (в возрасте от 9 до 49 лет) составлял 3,1%, причем среди мужчин грамотных было 5 %, женщин – 0,8 %³. Советские историки объясняли столь низкий уровень грамотности среди кыргызов дискриминационной «просветительской политикой царизма». Но надо сказать, что до присоединения края к России, этот процент был в десятки раз ниже. Лишь со второй половины XIX в. и особенно в начале XX в. здесь стали открываться общеобразовательные школы, в том числе и конфессиональные⁴. К 1914 г. на территории Кыргызстана функционировало уже 107 школ, в них работало 216 учителей, а контингент учащихся составляли в основном дети переселенцев и байманаров⁵. Это было ничтожно мало, но факт остается фактом: грамотные все же имелись, что признавали даже советские историки, но приводя эти данные, по-своему их комментировали. Из работ того периода следует, что до революции «старых» специалистов в Кыргызстане почти не было. Из 216 названных выше учителей кыргызы составляли единицы, на 10 тыс. человек населения приходилось всего 0,2 врача и 0,3 работника средне-медицинского персонала, вовсе не назывались духовные

лица, писатели, переводчики, сотрудники научно-практических и культучреждений⁶.

Хотя, справедливости ради, нельзя не сказать, что те немногочисленные грамотные, что появились в Кыргызстане до революции (естественно, из бай-манапской среды), оставили свой след в истории культуры своего народа. К сожалению, официальная советская историография либо замалчивала, либо искажала такие факты, исходя из марксистско-ленинской классовой методологии. Лишь с конца 80-х годов начали появляться скромные публикации на эту тему, а в 90-х годах вышло даже несколько серьезных работ. О них речь пойдет ниже. Здесь же мы только назовем дореволюционных представителей кыргызской интеллигенции, которые в первые годы советской власти подверглись сначала моральному остракизму, а затем и физическим репрессиям. Кыргызский акын-письменник, яркий представитель заманизма Арстанбек и акын-демократ Тоголок Молдо, учитель, автор первого кыргызского букваря и редактор первых вышедших до революции кыргызских книг Ишеналы Арабаев, называемый ныне «молдоке (учитель) кыргызской интеллигенции», автор первых исторических книг на кыргызском языке Осмоналы Сыдыков, студенты Казанского университета Сарыкулаков и Джанузаков, ставшие политическими лидерами в начальный период советской власти, купец Узбек Бошкочев и переводчик Абдыкерим Сыдыков – эти и ряд других кыргызских интеллигентов, их имена и творчество, были возвращены в культуру своего народа лишь на закате XX в. Это были яркие, но единичные представители интеллигенции кыргызского народа. В целом же 98 % кыргызов оставалось неграмотными, и первоочередной задачей советской власти, провозгласившей социальное и национальное равенство всех народов бывшей Российской империи, стала ликвидация массовой неграмотности, инициирование подготовки ускоренными темпами специалистов для различных отраслей народного хозяйства, управления, образования и культуры.

В Кыргызстане более широко, чем в России в целом, применялись методы ускоренной подготовки остро необходимых для хозяйственного и культурного строительства специалистов. Это были прежде всего выдвиженцы на руководящую и организаторскую работу из числа рабочих и крестьян, овладевших общей и политической грамотой.

Выдвиженчество являлось новым в истории способом пополнения интеллигенции. «У нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом удесятить наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство не располагало и располагать не может. Это чудесное дело – привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством»⁷. Выдвижение, названное В.И. Лениным «чудесным средством», в стране в целом и в Кыргызстане в частности, начало применяться с первых лет советской власти. Оно обеспечивало быстрый количественный рост специалистов в различных областях. Но имело и отрицательный оттенок: вело не к образованности общества, а к «образованщине», как с сарказмом говорили истинно интеллигентные люди.

Наиболее распространенной формой ускоренной подготовки руководящих работников из выдвиженцев в Кыргызстане, как и по стране в целом, являлась курсовая система. Многочисленные курсы были разнообразны по характеру и срокам обучения: с отрывом и без отрыва от работы, длительные и кратковременные – 1-, 2-, 3-месячные, полугодичные, годовые. Они организовывались на предприятиях и в учреждениях, в ведомствах и наркоматах.

Важная роль в подготовке и переподготовке руководящих и пропагандистских кадров отводилась особым классовым учебным заведениям – советско-партийным школам. В Кыргызстане первая совпартшкола была открыта в феврале 1921 г. в Пишпекке. То была школа первой ступени с двухмесячным сроком обучения, контингент ее слушателей составлял не более 50 человек.

Двухгодичная областная совпартшкола второй ступени с подготовительным отделением была открыта осенью 1925 г. (с 1927 г. – республиканская). В областную совпартшколу принимались преимущественно члены партии, представители кыргызской национальности с образованием в объеме начальной школы, в объеме программы совпартшколы первой ступени или школы-передвижки. На подготовительное отделение поступали слушатели с однодвухклассным школьным образованием. Их обучение полностью финансировалось государством.

В 20-х годах началась планомерная подготовка руководящих кадров для республики в высших учебных заведениях страны. Большой вклад в это дело внес Среднеазиатский коммунистический университет. Он был организован в 1922 г. в Ташкенте. Несколько ранее, в 1922 г., в Москве начал готовить кадры для бывших национальных окраин Российской империи Коммунистический университет трудящихся Востока. Почти все известные первые руководители партийных и советских органов Кыргызстана прошли обучение в этих учебных заведениях.

Актуальнейшей в тот период являлась проблема подготовки учителей для школ Кыргызстана, причем не только начальных и средних (а их были единицы) школ системы народного образования, но и школ ликбеза – для взрослого населения.

Учитель, особенно в горном отдаленном аиле, нередко был единственным человеком, оказывавшим не только нравственно-культурное, но и политическое, идеологическое влияние на неграмотных сельчан. Образ одного из таких кыргызских учителей – энтузиастов новой жизни вывел в своем рассказе «Первый учитель» Ч.Айтматов.

Первые учительские кадры в Кыргызстане готовились на краткосрочных курсах. Они были организованы в городах Пишпеке, Караколе, Оше и Токмаке. И только осенью 1925 г. в Пишпеке был открыт Институт народного просвещения (ИНПРОС), преобразованный в 1928 г. в Центральный педагогический техни-

кум. В 1925 г. в Оше начал подготовку учителей для школ южных районов новый педагогический техникум. В этих учебных заведениях в течение семи лет (причем три из них – в подготовительных классах) проходили обучение будущие учителя для национальных школ.

Заметим, что многие из первых выпускников Центрального педтехникума (в 1929-1930 гг. его окончили 68 человек) впоследствии стали видными деятелями национальной литературы, искусства, культуры и поэзии. В их числе: народный артист СССР А.Малдыбаев, народный художник СССР и Киргизской ССР Г.Айтиев, известные писатели и поэты К.Джантошев, М.Элебаев, М.Абдукаримов, Дж.Джымгырчиев, К.Сасыкбаев, Дж. Боконбаев, А.Осмонов, К.Маликов, Р.Шукурбеков, К. Эшмамбетов, ученые – Т.Саманчин, З.Бектенов и др.⁸.

5 ноября 1932 г., в канун празднования 15-летия Октября, был торжественно открыт первенец республиканских вузов – Кыргызский государственный педагогический институт, предшественник Кыргызского государственного университета⁹.

Скорейшего решения требовала и проблема подготовки специалистов для развития сельского хозяйства Кыргызстана, разоренного за годы первой мировой и гражданской войн.

С 1923 г. низшая сельхозшкола в Прииссыккулье (открытая в 1918 г. на месте Иссык-Кульского монастыря) перешла на девятилетний срок обучения, а позднее стала зоотехникумом. Ее питомцами были и будущие поэты и писатели – Мукай Элебаев, Джусуп Турусбеков, Молдогазы Токобаев и Мамасалы Абдукаримов, а также ряд других известных деятелей народного образования, культуры и науки, в том числе один из организаторов науки – академик Курман-Гали Каракеев¹⁰.

В 1925 г. в Пишпекке и почти одновременно в Караколе на базе девятилетних школ с производственным уклоном были созданы специализированные сельскохозяйственные учебные заведения. Так, в год открытия Фрунзенского пединститута была организована и Высшая коммунистичес-

кая сельскохозяйственная школа (ВКСХШ), преобразованная в 1939 г. в колхозный техникум. В 30-е годы в республике появились и первые сельскохозяйственные вузы, выпускники которых внесли заметный вклад в развитие животноводства и земледелия. Так, на базе Фрунзенского сельскохозяйственного политехникума в 1933 г. был организован зооветеринарный институт, преобразованный в 1938 г. в Кыргызский государственный сельскохозяйственный институт.

С середины 20-х годов в Кыргызстане началась подготовка медицинских работников. Весной 1926 г. в Пишпеке были открыты акушерские курсы, на их базе вскоре организуется медицинский техникум, ставший основным учебным заведением по подготовке средних медицинских работников в годы первых пятилеток. В предвоенный период были открыты двухгодичная акушерская школа в г. Пржевальске, школы медицинских сестер в Оше, Джалал-Абаде, Токмаке. Ряд краткосрочных медицинских курсов был организован по линии общества Красного креста и Красного полумесяца – в Беловодске, Кызыл-Кие и других населенных пунктах. Наконец, в 1933 г. в столице республики был открыт Киргизский государственный медицинский институт, с набором на первый курс 200 студентов¹¹.

Процесс становления интеллигенции Кыргызстана проходил в обстановке тесного сотрудничества с Россией и другими республиками СССР – Украиной, Узбекистаном и др. Прием на учебу абитуриентов из Кыргызстана производился на льготных началах. Учитывая невысокий общеобразовательный уровень и слабое знание русского языка, для них были снижены требования при поступлении в учебные заведения. Число мест в таких вузах для кыргызстанцев бронировалось ежегодно. Для слабоподготовленных учащихся в республике организовывались предварительные подготовительные курсы, проводились дополнительные занятия, консультации.

Так, в 1928/29 учебном году в различных городах Союза ССР высшее и среднее специальное образование

получали 624 кыргызстанца, из них 38,3% – кыргызы, 23,2% – представители других восточных национальностей, проживавших в республике. В 1929/30 учебном году вне республики обучалось уже 904 студента, из них 47% – кыргызы.

В тот период особое внимание уделялось социальному положению поступающих на учебу. Для организации тщательного отбора абитуриентов с учетом классового принципа при агитпропотделе Кыргызского обкома партии была создана постоянно действующая комиссия, в которую входили представители партийных, советских и общественных организаций.

Численность молодежи из республики, обучавшейся в вузах и техникумах 25 центральных и среднеазиатских городов, увеличивалась из года в год. В самой же республике учебные заведения не могли быстро развиваться из-за острой нехватки педагогических кадров на местах. Поэтому в организации работы первых техникумов и вузов Кыргызстана большую помощь оказывали присланные в республику квалифицированные педагогические и научные кадры и прежде всего из РСФСР. Поскольку отсутствовали педагогические кадры, способные проводить занятия на кыргызском языке, преподавание в первых учебных заведениях республики велось в основном на русском языке. Следует отметить, что подобная ситуация была характерна не только для Кыргызстана, но и для многих других республик и регионов страны, не имевших своей национальной педагогической и научной интеллигенции. Очевидно, с этим связано и то, что первые студенты, а впоследствии и первые специалисты народного хозяйства, руководители предприятий и учреждений, художественная интеллигенция отлично владели русским языком¹². Они установили крепкие творческие и хозяйственные связи не только с центром страны, но и многими другими регионами. Так, благодаря российским педагогам был воспитан крупный отряд национальной интеллигенции, который затем стал той основой,

которая позволила осуществить коренизацию учебных заведений республики. Однако «молох» сталинщины в трагические 30 – 40-е и 50-е годы уничтожил почти всех первых выпускников российских и среднеазиатских учебных заведений – представителей новой интеллигенции Кыргызстана.

Такова наша история: горькую чашу, нередко смертельную, пришлось испить кыргызской (да и в целом советской) интеллигенции в годы тоталитарного режима. Но это долго замалчивалось. Сегодня, восстанавливая историческую правду, ученые и публицисты стараются исследовать и осветить вклад первых кыргызских интеллигентов в создание народного хозяйства, системы образования и культуры республики в советский период, таких, как Ишеналы Арабаев, Касым Тыныстанов, Аджиман Шабданов, Юсуп Абдрахманов, Торкул Айтматов, Баялы Исакеев, и многих других.

Из каких же общественных слоев преимущественно складывалась интеллигенция Кыргызстана в 20-30-е годы?

Известно, что характерной чертой дореволюционного российского общества являлась преемственность «интеллигентских» профессий, приобретаемых главным образом в средней и высшей школе. Студенты были выходцами в основном из семей, имевших в силу общественного положения достаточно высокий образовательный уровень (дворяне, буржуазия, научная и творческая интеллигенция и т.д.).

После революции эта традиция преемственности была прервана. Теперь костяк новой генерации интеллигенции составили представители рабочих и крестьян. Так было и в Кыргызстане, с одним отличием: здесь отсутствовала преемственность, и интеллигенция с первых шагов формировалась преимущественно из дыйканских масс и грамотных выходцев из бай-манапской среды. Появилась новая – советская – национальная интеллигенция, ставшая движущей силой в начавшемся культурном, хозяйственном и государственном строительстве.

В конце 1928 г. в Исполбюро Киргизского областного комитета партии была создана специальная комис-

сия для проверки социального происхождения учащихся Киргизского педагогического техникума во Фрунзе, а затем, и других учебных заведениях¹³. В результате «чистки» от учебы были отстранены 25 студентов – детей баев, манапов, мулл, считавшихся тогда «социально-чуждыми элементами». Подобные ограничения для этих категорий существовали и в 30-е годы. С точки зрения ревнителей и поборников теории и практики классовой стерилизации социального состава учащейся молодежи, курсантов и студентов такие «чистки» воспринимались как закономерное явление. На деле же коверкались судьбы молодых людей, которых отлучали от занятий и лишали права выбора будущей профессии, а республика в итоге не досчитывалась образованных профессионалов. Многие выходцы из «нетрудящихся» семейств были вынуждены скрывать свое социальное происхождение, как бы отказываясь от родни. В 1929/30 учебном году среди учащихся средних специальных учебных заведений преобладали в основном рабочие и их дети (14,24%), батраки (30,3%) и крестьяне-бедняки (40 %). И через 10 лет в 1939/40 учебном году обучалось рабочих и их детей – 43,5 %, служащих и их детей – 34,7 %, колхозников и их детей – 21,4 %¹⁴. Статистика не показала количества представителей интеллигенции – выходцев из манапских, байских и кулацких семей.

Создание новой интеллигенции было обусловлено не только стремлением к совершенствованию социальной структуры общества, но и необходимостью подготовки национальных кадров – специалистов для различных отраслей народного хозяйства и государственного и культурного строительства. Главной трудностью в этом процессе была почти сплошная неграмотность кыргызского населения, особенно женщин. В этих условиях главным источником пополнения профессиональных отрядов национальной интеллигенции стала местная средняя специальная и высшая школа, учитывавшая национальные особенности, особенности развития куль-

туры и менталитета кыргызского народа. Об этом свидетельствуют даже выборочные статистические данные.

Во второй половине 30-х годов среднее специальное образование становится доступным для кыргызской молодежи. Объяснялось это тем, что занятия уже зачастую велись на кыргызском языке. Учебных заведений такого типа стало гораздо больше, да и готовили они в основном специалистов для наиболее характерных для края отраслей народного хозяйства – прежде всего для сельского хозяйства или связанных с ним, или для отраслей, в которых было занято дыйканское население республики, главным образом национальное.

Так, в 1933/34 учебном году в Каракольском педагогическом техникуме 82% учащихся составляли дети колхозников, в ветовцеводческом техникуме – 71,5%, в Кыргызском педагогическом институте – 61,6%, в Кызыл-Кийском горном техникуме – 52,4%¹⁵. В 1939/40 учебном году колхозная молодежь составляла 72,6% учащихся педагогических училищ республики, 51,8% учащихся учебных заведений, подготавливающих работников культпросветучреждений, 60,9% учащихся зооветтехникумов и 30,9% – школ медсестер¹⁶.

Статистические данные неизменно свидетельствуют о приоритете принципа классовости при приеме в учебные заведения. «Регулирование» социального состава студенчества, классовый подход к комплектованию средних специальных заведений, а также вузов в Кыргызстане, как, впрочем, и во всей стране сохранилось в течение долгого времени. Так, в 1939/40 учебном году из 2 тысяч студентов вузов республики детей рабочих было 20,3%, детей колхозников – 50,8% и служащих – 22,8%¹⁷. Растет число национального студенчества. Перепись населения 1939 г. показала, что в Кыргызстане, равно как и в других республиках СССР, вырос и сформировался контингент высокообразованных специалистов-представителей коренных национальностей. Показательны следующие данные: в 1937/38 учебном году студентов-кыргызов в вузах обучалось всего 155, в 1940/41г.г. – уже 555; а в средних

учебных заведениях – соответственно 590 и 3448. Студенты-кыргызы в вузах и техникумах составляли в эти годы соответственно 22,2 и 44,8%. В 1940 г. в педагогических училищах республики (на стационарном отделении) учащиеся-кыргызы составляли 55,5%, в том числе девушки – 18%; в веттехникумах – соответственно 41,3 и 5,6%; в вузах – 17,7 и 4,5%¹⁸.

К 1 января 1941 г. в Киргизской ССР насчитывалось 3,7 тыс. специалистов с высшим образованием и 7,3 тыс. – со средним специальным образованием¹⁹. Приведенные статистические данные говорят о том, что в годы довоенных пятилеток в республике произошел интенсивный рост квалифицированных кадров – той самой интеллигенции, которая заложила основы последующего развития образования, культуры, искусства, сформировала политическую и интеллектуальную основу будущего республики. И это – несмотря на массовые репрессии и трагизм эпохи.

Сказанное позволяет сделать некоторые общие выводы.

В сложившейся в стране системе государственного регулирования студенческого состава в 20 – 30-е годы важной составной ее частью стала разверстка мест между республиканскими и ведомственными учреждениями и организациями для национальных республик Средней Азии, в том числе Кыргызстана.

На местах велась большая предварительная работа с целью увеличения численности учащейся молодежи, подготовленной к поступлению в средние специальные и высшие учебные заведения. Правильное сочетание подготовки специалистов у себя в республике с обучением вне ее способствовало росту численности студентов-кыргызов, поскольку кандидаты на обучение за пределами республики подбирались в основном из представителей коренных национальностей. И поскольку в дореволюционном Кыргызстане «старых» специалистов насчитывались единицы и рабочих было немного, то социальную базу для нового формирования национальной интеллигенции составило трудовое дыйканство.

Сформировавшаяся в 20-30-е годы XX столетия новая, интернациональная интеллигенция Кыргызстана послужила фактором последующего развития всех отраслей народного хозяйства, искусства и науки.

Таковы были пути, средства и методы формирования интеллигенции Кыргызстана в период формирования национальной государственности – от автономной области до союзной республики в условиях тоталитарного режима. Но интеллигенция Кыргызстана могла бы сделать гораздо больше для своего народа и республики, не будь в ее истории, как и в исторических судьбах всей интеллигенции Союза ССР, трагических страниц 20-30-х годов: массовых репрессий, недоверия к интеллигенции как к «прослойке» между классами, а не полноценной общественной культурной силой, которая определяет интеллектуальный потенциал любого народа и любой страны.

Художественная интеллигенция: литература и литераторы

Одной из предпосылок возникновения кыргызской национальной литературы являлось исторически развитое устное народное творчество. Известны и любимы в народе были великий эпос «Манас» и множество малых эпосов, широкое распространение получили народные песни, сказки, легенды. Именно народная поэзия стала предшественницей профессиональной национальной художественной литературы.

Молодая кыргызская литература также начиналась с поэзии, которая развивалась в двух формах – акынской и профессиональной. Исполнительское искусство акынов отражало изменявшиеся социально-исторические условия жизни народа, насыщалось новой идеологией. Известный кыргызский литературовед и критик С.Джигитов совершенно верно подметил одну из особенностей формирования кыргызской письменной литературы: дореволюционные акыны, даже владевшие письмом, не стали основателями профессиональной новой письменной ли-

тературы. Оставаясь в рамках устно-поэтической традиции, они принимали участие в развитии советской акынской поэзии, будучи современниками этого процесса²⁰.

Так, акыны-письменники Т.Молдо, А.Джутакеев, Т.Толкобиев, Алдаш Молдо свои произведения посвящали героическим и трагическим страницам национально-освободительного восстания 1916 года, славили Октябрьскую революцию 1917 года, большевиков и их вождя В.И. Ленина. Эти произведения первоначально бытовали в устной форме, печататься они стали в 1924 – 1925 гг. в журналах и газетах в Ташкенте и во Фрунзе с началом выхода там первой кыргызской газеты «Эркин Тоо» (1924 г.) и организацией Кыргызского государственного издательства (Киргосиздата). Но в общем развитие акынского творчества носило еще во многом инерционный характер.

«Что касается кыргызской советской поэзии в ее письменно-печатном выражении, – заключает С. Джигитов, – то она появилась на свет не как прямая преемница или наследница акынской поэзии, а как качественно новое художественное явление, вызванное к жизни совершенно новыми общественно-духовными потребностями»²¹. Профессиональное поэтическое творчество существенно отличалось от творчества акынов-письменников.

Вопросы воспитания национальных литературных сил впервые обозначились в постановлении Киробкома ВКП (б) «О кыргызской литературе» от 7 марта 1932 г. Постановка проблемы была весьма своеобразна: «Одной из первоочередных задач Кир. АППа считать вовлечение в художественную литературу передовых ударников колхозов, совхозов и промышленных предприятий, в особенности из коренного населения. Предложить партчасти Кир. АППа немедленно... организовать во всех крупных совхозах, промышленных предприятиях и учебных заведениях литературные кружки»²². В этом постановлении наглядно продемонстрировано стремление властей идеологическими, волевыми методами создать социально-послушный слой интеллигентов из дыйканско-пролетарской среды.

Постановлениями подобного характера партия демонстрировала свою «власть над творчеством» и пыталась решительно пресечь «попытки буржуазно-националистических и бай-манапских элементов протащить свою идеологию в кыргызскую литературу». Об этом с пафосом писали кыргызские историки даже более полувека спустя²³.

Партийное руководство республики всерьез полагало, что путем занятий в кружках из малограмотных передовиков труда можно вырастить настоящих мастеров слова. По существу, это была официальная ставка на развертывание национального литературного цеха в самостоятельном направлении, попыткой закрепления существующей системы стихийного формирования национального писательского труда и послушных отрядов интеллигенции.

И действительно, ядро писательской организации складывалось совершенно стихийно. Литературные первопроходцы вступали на творческий путь как бы «волнами». Наиболее видными представителями первой «волны» принято считать Сыдыка Карачева (1900-1937), Касыма Тыныстанова (1901-1938), Байсереке Калпакова (1883-1941), Касымалы Баялинова (1901-1979). Еще до национально-государственного размежевания Средней Азии они публиковали свои стихи и рассказы на казахском, узбекском и татарском языках. Их творчество несло в себе новаторское начало, хотя и не было лишено художественных недостатков. Придав новые стимулы развитию кыргызского поэтического искусства, оно составило исходное звено в цепи движения в новом направлении, послужило почвой, основой для новых литературных сил и способствовало пробуждению интереса к письменному стихотворчеству у учащейся молодежи первой «волны».

Наиболее ярким представителем поэтов переходной эпохи – от фольклорно-эпических (хотя и письменных) до профессионально-литературных произведений был Сыдык Карачев. Его творчество и жизнь в целом еще недостаточно изучены. Имеются сведения, что он ро-

дом с Иссык-Куля, учился в новометодной школе Пржевальска. До Октябрьской революции им была написана пьеса «Долг», а в 1917 г. в Уфе отдельным изданием вышел рассказ «Дербайк». Но оба произведения, как сообщает С. Джигитов, так и не были обнаружены²⁴.

Творчество поэтов первой «волны» не получило непосредственного продолжения после создания национальных органов печати. Почти все они из-за острой нехватки грамотных кадров в республике были мобилизованы на другие участки работы. Некоторые из них полностью посвятили себя партийно-советскому строительству и становлению народного образования, другие занялись журналистикой и лингвистикой. Самой яркой личностью, вступившей на поэтический творческий путь в это время, был Касым Тыныстанов (1901-1938). В Москве был издан сборник его стихов на казахском и кыргызском языках. Став активным корреспондентом газеты «Эркин Тоо», он затем занялся проблемами просвещения (был министром) и наукой. Надо сказать, что поэты, посвятившие себя литературному творчеству, позже работали и в других жанрах. Многие из первых литераторов были репрессированы, в их числе и К.Тыныстанов.

Вторая «волна» литературной интеллигенции объединяла тех, кто был призван в литературу первой газетой на кыргызском языке «Эркин Тоо». Поэты и писатели в основном были выходцами из народных низов, испытали сиротскую или бедняцкую долю и с детских лет подвергались социальному гнету²⁵. Это Аалы Токомбаев (1904-1988), Мукай Элебаев (1905-1944), Эркин Джума Джамгерчиев (1906-1944), Бёрю Кененсариев (1896-1964), Шарип Кокенов (1894-1951), Молдогазы Токобаев (1905 – 1971). Все они были коммунистами – таково было веление времени.

Первым кыргызским литературным критиком, печатавшимся на страницах «Эркин Тоо» был Токчоро Джолдошев (1902-1937)²⁶. Он же явился составителем поэтического собрания «красных поэтов» из стихов,

напечатанных в газете в первые три года. В 1927 г. сборник с этими стихами под названием «Красный цветок» был опубликован Центральным издательством народов СССР в Москве. Читатели сборника могли ознакомиться с «Интернационалом» в переводе на кыргызский язык К.Тыныстанова, стихотворениями А.Токомбаева и других поэтов. Большинство из них было посвящено В.И.Ленину, Октябрю, Первомаю, другим революционным праздникам и датам. Во многих стихах воспевались природа родного края и духовная красота народа. Завершался сборник стихотворением М.Лермонтова «Три пальмы» в переводе на кыргызский язык К.Баялинова.

По своим художественным достоинствам и поэтической выразительности стихи, вошедшие в сборник, были неравнозначными, различались они и по содержанию и оттенкам идеологических воззрений авторов. В целом же творчество первых поэтов – это отражение непростой картины жизни общества, процесса зарождения национальной письменной поэзии, постижения художественного мастерства молодыми кыргызскими литераторами²⁷. Поэтический сборник «Красный цветок» стал изданием, через которое заявила о себе новая плеяда национальной интеллигенции Кыргызстана.

Кыргызская поэзия второй половины 20-х годов отличалась государственно-политической направленностью тематики, лирических же произведений, выделявшихся высокими художественными достоинствами, было еще немного.

В 1927-1929 гг. в складывающуюся кыргызскую литературу вливается третья «волна». Это Джоомарт Боконбаев (1910-1944), Касымалы Джантошев (1904 – 1968), Муканбет Догдуров (1906-1968), Масыралы Кырбашев (1903-1947), Кубанычбек Маликов (1911-1978), Сатыбалды Нааматов (1905-1937), Джусуп Турусбеков (1910-1943).

В начале 30-х годов появляется четвертая «волна» молодых литераторов: Тугельбай Сыдыкбеков (1912-

1997), Толен Шамшиев (1913-2000), Райкан Шукурбеков (1913-1962), Касымбек Эшмамбетов (1910-1984), которые, тяжело пережив годы массовых репрессий 1937-1938 гг., сумели тем не менее как-то адаптироваться к условиям жизни и режиму.

Здесь нами названы лишь те, кто в 1924-1934 гг. сумел стать автором хотя бы одного или нескольких произведений, изданных отдельными книгами, или пьес, поставленных на сцене зарождающегося профессионального национального театра. Эти писатели принимали непосредственное участие в национальном литературном движении второй половины 20-х первой половины 30-х годов и внесли определенный вклад в создание основ кыргызской советской литературы и поэтому по праву могут быть отнесены к числу ее зачинателей. Они стали костяком новой советской национальной интеллигенции.

Были в ту пору и другие молодые авторы, печатавшиеся в альманахах, газетах и журналах, но в силу различных обстоятельств лишь немногие из них смогли со временем раскрыться и создать приметные художественные произведения.

Биобиблиографические источники свидетельствуют о том, что представители ранней кыргызской профессиональной литературы в основном получили образование в средних учебных заведениях разных типов, главным образом в педагогических техникумах. Только Б. Кененсариев еще до революции получил в домашних условиях религиозное воспитание и основательные светские познания. В высшей школе продолжили учебу К. Рахматуллин – в Среднеазиатском государственном университете, К. Баялинов – в Коммунистическом институте журналистики (Москва), О. Джакишев – в Московском редакционно-издательском институте²⁸.

Многие первые литераторы начинали свою профессиональную деятельность в системе книгоиздания и прессе – 20, в сфере народного просвещения – 10, в области практической политики – 2, в кыргызском театре – 1²⁹. При этом подолгу на одной должности они

не задерживались, часто работали и по совместительству. Быстрые перемещения происходили из-за нехватки образованных людей. Каждый кыргыз со средним специальным образованием был на виду, находился на учете у тех, кто занимался подбором кадров, направлялся в ту область общественно-культурной деятельности, где ощущался кадровый дефицит.

Большинство зачинателей кыргызской литературы были выходцами из народной гущи. По мере того, как вчерашние батраки приобщались к началам школьного образования, у них появлялось осознанное стремление учиться дальше. Под воздействием общения с преподавателями и студенческой средой, приобщения к систематическому чтению их самосознание поднималось на новый уровень. В такой ситуации складывались новые жизненные цели и мотивы деятельности, в том числе и стремление к литературному творчеству.

Чрезмерная общественно-политическая придирчивость в вопросах классовой принадлежности кыргызских литераторов первого поколения отнюдь не способствовала их творческому росту и нормальному становлению национальной литературы. Кыргызская литературная среда 20-30-х годов формировалась главным образом в городе Фрунзе, ставшем не только административно-политическим центром республики, но и колыбелью новой национальной духовной культуры и местом средоточия ее творцов. А редакции газет (в частности «Эркин Тоо» и «Ленинчил жаш») стали своеобразными центрами притяжения и сплочения литературных сил, в них же молодые литераторы «пробовали свое перо». Однако, сгруппировавшись вокруг газет, молодые литераторы не стремились как-то организационно оформиться, как это сделали их малочисленные русскоязычные коллеги, основавшие еще в 1925 г. самостоятельную Киргизскую ассоциацию пролетарских писателей (Кир.АПП – по образцу и подобию союзной РАПП).

Во второй половине 20-х годов в Кыргызском институте просвещения (впоследствии – Центральный

педагогический техникум), где получили образование некоторые из родоначальников кыргызской литературы, функционировал литературно-творческий кружок. По более поздним письменным и устным свидетельствам входивших в него участников, здесь обсуждались первые пробы пера начинающих писателей, опубликованные произведения, критические рецензии на них, рассматривались теоретические и практические вопросы литературного творчества. Кружковцы выпускали свою стенную газету и основали рукописный журнал, активно сотрудничали в газете «Кызыл Кыргызстан», с ними постоянно занимались преподаватели техникума, ответственные работники прессы и книгоиздания, руководители Наркомпроса и Академцентра – Б.Данияров, С.Карачев, К.Тыныстанов, Т.Джолдошев и другие.

В 1927 г. на базе этого студенческого кружка было организовано объединение кыргызских писателей «Кызыл учкун» («Красная искра») – начало будущего республиканского союза писателей³⁰. К сожалению, о его деятельности не сохранилось письменных свидетельств. Судя по скудным печатным материалам того времени, «Кызыл учкун», несмотря на объявление его объединением молодых кыргызских писателей, все-таки оставался преимущественно самодеятельным кружком студентов Кыргызского педтехникума. Литераторами уже работавшими в различных культурных учреждениях Фрунзе он всерьез не воспринимался. Они не поддерживали «Кызыл учкун», тем более, что «красно-искровцы», в среде которых лидировал А.Токомбаев, всерьез пытались критиковать творчество более опытных литераторов того времени, таких, как К.Тыныстанов, С.Карачев, К.Баялинов, Ш.Кокенов, Б.Кененсариев и др., пытаясь найти у них «контрреволюционные ошибки» и «байско-манапские идеи»³¹. Все это отражало сложную творческую и общественно-политическую обстановку, складывавшуюся в те годы. Позже эти отношения перерастут в антагонистические и спровоцируют доносы друг на друга, идеологическое шельмование, которые в конечном итоге завершатся репрессиями многих представителей противостоящих сторон.

И совсем не случайно М.Токобаев говорил о том, что объединение «Кызыл учкун» не является законной организацией с крепкими корнями и общекиргызским размахом, что оно не создавалось под руководством Кыргызского обкома партии, не утверждалось Всесоюзным бюро пролетарских писателей, что «Кызыл учкун» – всего лишь временная литературная группа, основанная молодыми писателями, как и Кир.АПП, организованная русскими писателями. Он предлагал объединить «Кызыл учкун» и Кир.АПП в одну интернациональную организацию всех республиканских писателей.

Вскоре, в августе 1930 г., эти две литературные группы слились в одну – Киргизскую ассоциацию пролетарских писателей, ответственным секретарем которой был избран критик и собиратель молодых киргызских литераторов И.Тойчинов³².

Косвенные факты из публикаций тех лет указывают на то, что с 1931 г. в Кир.АПП лидирующее положение занимал А.Токомбаев. Документальных материалов о деятельности Кир.АПП, однако, не сохранилось. Имеются лишь газетные объявления, приглашающие членов и кандидатов в члены Кир.АПП на ее собрания. Отсюда ясно, что литературная ассоциация все-таки работала. А в начале марта 1932 г. состоялась первая конференция Кир.АПП. Но и этой литературной организации не суждено было реально работать: вскоре партийные органы решительно вмешались в общесоюзный литературный процесс.

Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 25 апреля 1932 г., как и всякий партийный документ директивного характера, явилось сигналом к «быстрому реагированию» на местах. Так, Средазбюро ЦК ВКП(б) оперативно принимает постановление «О перестройке литературно-художественных организаций в Средней Азии». Постановляющая часть его звучала следующим образом:

«1. Ликвидировать Среднеазиатскую и республиканские ассоциации пролетарских писателей (СААПП, РАПП).

2. Объединить всех писателей Средней Азии, стоящих на платформе советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, создав в них коммунистические фракции.

3. Поручить ЦК национальных компартий:

а) провести немедленную перестройку литорганизаций и других видов искусства в республиках на основе постановления ЦК ВКП (б) и создать оргкомитеты по руководству литературным движением и по созыву республиканских съездов советских писателей;

б) усилить партийное руководство литературным движением, создав в составе культпропов секторы художественной литературы и языка и укрепив их квалифицированными работниками»³³.

В Кыргызстане, где в тот период отсутствовали литературные группы с различными идейно-политическими платформами, речь могла идти только о преобразовании единственной интернациональной Киргизской ассоциации пролетарских писателей в Союз советских писателей (ССП) Киргизии. Однако 16 июня 1932 г. Киробком партии, выполняя постановления ЦК ВКП(б) и Средазбюро ЦК ВКП (б), принял директивный документ «О перестройке литературно-художественных организаций (?!) в Киргизии», который санкционировал лишь роспуск Кир.АПП и создание Оргкомитета ССП Киргизии во главе с А.Токомбаевым³⁴.

До середины 1933 г. Оргкомитет не имел собственного делопроизводства и помещения. О его деятельности можно судить лишь по газетным публикациям. В частности, его актив пытался пропагандировать партийные решения о перестройке литературных организаций, устраивал во Фрунзе литературные вечера, принимал участие в работе оргкомитетов ССП Средней Азии и СССР и их пленумов, занимался организационными вопросами созыва первого съезда писателей Киргизии. Его проведение вначале планировалось не позднее 5 июня 1933 г. Однако из-за переноса даты созыва первого всесоюзного писательского фо-

рума республиканский съезд состоялся лишь 22 апреля 1934 г. Съезд образовал Союз советских писателей Киргизии, руководителем которого стал А. Токомбаев. На этом организационное оформление творческих сил кыргызских литераторов и закончилось. Но процесс дальнейшего расширения организации национальных писателей, профессионального становления их, самоопределения и оформления членства был трудным и долгим.

С официально-партийной точки зрения, рождение письменной национальной литературы увязывается с возникновением национальной прессы в 1924 г. Однако кыргызское художественное слово, ориентированное на письменно-профессиональное развитие, существовало до появления национальной печати. Его истоки уходят в дореволюционное время, официальная же печатная база начала формироваться только после установления советской власти.

В 1918-1924 гг. в казахской и узбекской печати Туркестанской АССР публикуются стихи, статьи первых школьных учителей и партийно-советских работников-кыргызов, слушателей краткосрочных курсов по подготовке национальных кадров. Наиболее творчески активными они были в период обучения на курсах и в учебных заведениях Алма-Аты и Ташкента. Среди курсантов сразу выделились О.Лепесов, К.Мажитов, М.Байчериков, З.Миесов, И.Максутов, А.Ахунбаев, И.Кудайбергенов, А.Токомбаев, К.Баялинов и другие³⁵.

Следует отметить, что А.Токомбаев и К.Баялинов первоначально не проявляли особой творческой активности, но время выдвинуло их в зачинатели и творцы профессиональной литературы. Остальные же, за исключением, может быть, Б.Калпакова, больше не возвращались к литературной деятельности.

К сожалению, документальных и литературных свидетельств о жизненном и творческом пути названных выше «самодельных» поэтов, писателей, журналистов сохранилось немного. Вот что нам удалось собрать.

Известно, например, что **Орозакул Лепесов** – выходец из Тюпского района Прииссыккуля, где учитель-

ствовал, позже работал в местных организациях союза «Кошчи». Он оставил небольшое стихотворное наследие, которое занимает основное место в подготовленном в 20-30-е годы К. Мифтаховым сборнике «Песни революции» («Озгоруш ырлары»). До сих пор неопубликованный, этот сборник находится в рукописных фондах Национальной академии наук. Стихи О.Лепесова проникнуты революционным пафосом, несут в себе мысли и чувства его современников – дыйкан, отражают меру их восприятия и понимания идей Октября и мероприятий советской власти. Примечательно то, что О.Лепесов, будучи человеком без солидного политического опыта и образовательного багажа, сумел не только устоять против искушения распространяемых тогда националистических идей, но и верно разобраться в сложностях своего времени. Тем не менее, в 1937 г. он был, как и многие его соратники, репрессирован. Умер в тюремных стенах. Реабилитирован посмертно.

Б.Калпаков оставил несколько стихотворений, напечатанных в казахоязычных газетах и сборнике «Красный цветок» (1926 г.), а также рукопись пьесы «Эскиден калган энчилер» («Остаточные явления прошлого»), которая также хранится в фондах рукописей НАН КР. Пьесы Б.Калпакова в 20-е годы ставились самодеятельными драматическими кружками. В 1937 г., как и О.Лепесов, он был репрессирован. В 1941 г. умер в заключении. Реабилитирован посмертно. Во многом оказались схожи его судьба и судьбы других первых интеллигентов из кыргызской глубинки.

Активное участие в литературном процессе во второй половине 20-х годов принимал **Сатыбалды Нааматов** (1902-1937) – уроженец Атбашинского района Нарынской области. В 1925 г. окончил Казахский педагогический техникум в Алма-Ате. В 1929 г. издал сборник детских рассказов «Жаворонок и удод», 1930 г. публикует рассказ «Тынымкан». В трех номерах журнала «Жаны маданият жолунда» («На путях новой культуры») за 1928-1929 гг. была напечатана повесть С.Нааматова «Безвозвратный путь».

В рукописных фондах НАН КР хранится машинописный вариант его пьесы «К полной победе». Специалисты-литературоведы считают, что произведения С.Нааматова не отличаются особыми художественными достоинствами, но в настоящее время они представляют большой интерес в историческом аспекте. В 30-е годы С.Нааматов занимался составлением школьных учебников. В 1937 г. репрессирован. Реабилитирован посмертно.

В 1930 г. были изданы книги **Шарипа Какенова** «На классовом пути» и «К новой жизни». И хотя они не обладали высокими художественными качествами, но были насыщены политическими страстями тех лет.

В 20-е годы в кыргызской поэзии активно работал **Берю Кененсариев** (1896 – 1964). В коллективный сборник «Кызыл гюль» («Красный цветок») вошло 16 его стихотворений. Довольно часто стихи Б.Кененсариева публиковались на страницах периодических изданий того времени.

В числе первых национальных интеллигентов Кыргызстана, вступивших на путь профессионального литературного творчества, был **Сыдык Карачев** (1900 – 1937) – сын бедняка-скотовода, уроженец села Джыллуу-Булак Тюпского района Иссык-Кульской области. В детстве служил мальчиком на побегушках у учителя-татарина в г. Караколе. Здесь же и учился в джадидской (новометодной) школе, где получил начальное светское образование. Можно полагать, что он чувствовал себя одним из первых кыргызских интеллигентов, призванных заботиться о приобщении народа к просвещению и культуре. В казахской среде литераторы с такими устремлениями назывались «миллятистами».

«Миллят» можно перевести словом «нация», – пишет **Сабит Муканов**. – Миллятист совсем не обязательно националист. Понятие это включало любовь к родному народу, понимание его нужд, стремление освободиться от колониального угнетения, тяготение к свободе. Миллятизм не был, бесспорно, цельным течением. В нем много внутренних противоречий... В рево-

люционные годы прошло дальнейшее и окончательное размежевание миллятистов. Байско-феодалная его часть решительно выступила против Октября, демократы – одни раньше, другие позднее, стали на социалистический путь»³⁶. Как «миллятист» был заклеен С.Карачев на всю его жизнь, этот же ярлык был навешен и на все его произведения.

Известно, что в 1918 г. С. Карачев вступил в ряды Красной Армии, участвовал в ликвидации антисоветских сил в годы гражданской войны. В 1919 г. являлся литературным сотрудником газеты «Кемек» («Помощь»), выходившей в Алма-Ате на казахском и татарском языках. В 1920 – 1923 гг. учился в Ташкентском военном училище. В 1923 – 1924 гг., оставив учебу по состоянию здоровья, начал работать ответственным сотрудником в каракольской уездной организации союза «Кошчи». В середине 1924 г. был официально вызван в г. Ташкент для подготовки к выпуску первенца киргизской национальной прессы – газеты «Эркин Тоо», то есть фактически являлся организатором этой газеты.

Литературное наследие С.Карачева довольно значительно. Им опубликовано несколько рассказов и стихотворений на татарском и киргизском языках. Он – автор оригинальных повестей, пьес, изданных отдельными книгами в 1928 – 1930 гг., которые вошли и в сборник С.Карачева «Эркисиз кундордо», изданный в 1963 г.³⁷.

В 30-е годы – годы усиливающегося тоталитаризма – произведения С.Карачева получали резко критические отзывы. Особенно подвергались критике стихи, опубликованные на страницах татарской и казахской прессы в первые послереволюционные годы. Утверждалось, что они несут в себе идеи националистического толка. Так, в докладе, сделанном на первом съезде писателей Киргизии (в 1934 г.), говорилось, что в татароязычных стихах С.Карачева часто повторяются слова «ах, миллетим» («ах, моя нация»), не свободные от налета идей пантюркизма. В критических статьях отмечалось, например, что в стихотворении С.Караче-

ва «Тоска по ушедшим дням» содержится «идейная несообразность»³⁸. Не располагая текстами этих стихов, можно лишь предполагать, что, если в стихах Карачаева и есть налет «миллятизма», то это еще дореволюционное влияние на автора этих идей.

В 1932-1937 гг. С.Карачев работал редактором в Кыргызском государственном издательстве. В 1937 г. репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Одним из зачинателей кыргызской профессиональной литературы, первым ученым-лингвистом и составителем школьных учебников по родному языку был **Касым Тыныстанов** (1901-1938). Тыныстанов родился в селекции Чырпыкты (совр. Иссык-Кульский район). Начальное образование получил в дореволюционные годы в аильном мусульманском мектебе и в городской русско-туземной школе в Караколе. В 1919-1924 гг. учился в Казахско-кыргызском институте (техникуме) просвещения в Ташкенте. В 1924-1925 гг. работал ответственным секретарем и председателем Киргизской научной комиссии при Академическом центре Туркестанской АССР. В 1925 г. – ответственный редактор газеты «Эркин Тоо». В 1927 – 1930 гг. – народный комиссар просвещения Киргизской ССР. Эту работу в 1928 – 1931 гг. он совмещал с обязанностями главного редактора журнала «Жаны маданият жолунда». В 1930 – 1937 гг. К.Тыныстанов работал научным сотрудником и директором Кыргызского института культурного строительства. В то же время (1932-1937 гг.) он преподавал в Кыргызском пединституте (1932 г. – доцент, с 1936 г. – профессор). В 1937 г. репрессирован и в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Касым Тыныстанов является автором первых школьных учебников кыргызского языка: «Книга чтения» (1924 г.), «Букварь для взрослых» (1926 г.), «Родная речь» (1927 г.), «Морфология кыргызского языка» (1934 г.), «Синтаксис кыргызского языка» (1936 г.)³⁹. Он активно работал над созданием кыргызской письменности на основе арабского, латинского и русского ал-

фавитов, в разработке терминологии по общественным наукам, принципов кыргызской орфографии и пунктуации. Теперь заслуги К. Тыныстанова как выдающегося лингвиста, основателя научного кыргызского языковедения, как талантливого литератора широкого профиля общепризнанны.

Литературной деятельностью К.Тыныстанов занимался уже в 1919-1924 гг. Как свидетельствуют современники, еще до октября 1917 г. он писал лирические песни любовного характера. Создал Тыныстанов и скорбную поэму о трагических событиях 1916 года. Но тексты этих произведений не дошли до наших дней⁴⁰.

Около трех лет, с 1919 г., К.Тыныстанов активно выступал на страницах казахской газеты «Орис» («Подъем»). С 1922 г., когда забрезжила надежда на создание кыргызской национальной печати, он стал писать на родном языке.

Все стихотворные произведения К.Тыныстанова, напечатанные в 1919-1924 гг., включены в его первую и единственную поэтическую книгу – «Сборник стихов Касыма», изданную арабской графикой в Москве в 1925 г.⁴¹ В сборник включено 12 стихотворений на казахском языке и 21 стихотворение и поэма «Джаныл Мырза» – на кыргызском. Примечательно, что эта книга начиналась стихотворением «Заря», в котором небесная заря символизировала наступление Октябрьской революции. А заканчивалась книга обращением «К алашу» – призывом приветствовать утро наступающего нового дня.

Те, кто читал книгу по ее выходе, и литературоведы наших дней отмечают, что как в стихотворениях «К алашу», «Гумбез Манаса», а также в лирических отступлениях и в последних строках поэмы «Джаныл» можно уловить печаль о прошлом казахского и кыргызского народов, тоску и скорбь об ушедших временах. Этого было вполне достаточно, чтобы объявить о стремлении автора к идеализации прошлого, об отходе от марксизма-ленинизма и обвинить поэта, в лучшем случае, в аполитичности, в худшем – в призыве к возврату прошлого.

Однако в стихах Тыныстанова затрагиваются и другие темы: темы революции – в стихотворениях «К девицам-сестрицам» и «День сегодняшний»; в стихотворениях «Иссык-Куль», «Джайлоо», «Ала-Тоо» воспеваются красоты родного горного края; здесь же и поэтические пейзажные зарисовки – «Ночь в горах», «Зима» и «Весна».

В книгу вошло около десяти лирических стихотворений, посвященных женщине, любовным переживаниям. Таковы стихи «К луже», «К подснежнику», «Жизнь соловья немислима без розы». Они навеяны восточной книжной лирикой или созданы под впечатлением раздумий о родине. А «Не пой, красавица, не мучь», ассоциируется с пушкинским «Не пой, красавица, при мне...». Здесь и другие лирические стихи – «К стройной и красивой», «Обманутая красавица», а также «Почему, дугобровая, не подаешь о себе вестей?» и «Где твоя клятва, скрепленная пожатием рук?»⁴².

Как видим, тематический диапазон стихов К.Тыныстанова довольно широк и разнообразен, впечатляющи и художественно-поэтические средства выражения их тем. Публикация этих поэтических творений могла бы стать значительным событием в художественно-культурной жизни Кыргызстана 20-х годов (как и переиздание их в переводе на русский язык в наши дни⁴³), но, к сожалению, этого не случилось – лишь какая-то часть его наследия опубликована в двух книжечках в 2001 г., – в год столетнего юбилея К.Тыныстанова.

Наш современник, доктор филологических наук В.Шаповалов высоко оценивает первый сборник стихов К.Тыныстанова: «Эта маленькая книжка томов прежних тяжелее», потому что впервые именно в ней появилась как культурно-исторический фон кыргызская – не фольклорная, не устная, но литературная поэзия, потому что в ней даны первые образцы авторской лирики и помещена первая кыргызская поэма, которую можно назвать романтической – «Джаныл-Мырза»⁴⁴.

Но из-за «идейных заблуждений», как тогда оценили «Сборник стихов Касыма», он стал объектом суровой кри-

тики тотчас после издания. С тех пор и до начала 90-х годов литературное наследие К. Тыныстанова неизменно подвергалось осуждению почти во всех трудах по истории кыргызской советской духовной культуры, художественной литературы и общественно-политической мысли.

По-иному, но также отрицательно отнеслись в свое время к появлению «Стихов Касыма» литературные собратья К.Тыныстанова. Уже одно упоминание о политически одиозном «алаше», даже название «Гумбез Манаса» или лирические отступления в поэме «Джаныл-Мырза» воспринимались литературно-партийными критиками как сожаления автора о далеких патриархально-родовых временах и, что еще более абсурдно, – как призыв и попытка их реставрации.

В начале 30-х годов, в период коллективизации и ожесточенной борьбы против кулачества и бай-манапства, началась новая кампания против драматургических произведений К. Тыныстанова – печально известных «Академических вечеров» и их постановки в Кыргызском национальном театре.

Считаем необходимым подробнее остановиться на этом, ранее искажаемом и замалчиваемом факте, обращаясь к опубликованным в последнее время документам партийных органов, касающихся К. Тыныстанова.

Так, 7 марта 1932 г. на заседании секретариата Киробкома ВКП(б) был заслушан доклад Джаманкулова «О киргизской литературе». Накануне было опубликовано письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», которое послужило сигналом для «широкого наступления партии на идеологическом фронте». Секретариатом была принята и соответствующая резолюция, в которой отмечалось, что «в результате проработки» письма И.В. Сталина были выявлены «антипартийные искажения в киргизской литературе»⁴⁵.

И далее в резолюции говорилось: «С начала создания киргизской литературы шла борьба за гегемонию пролетарской идеологии против контрреволюционной, националистически-буржуазной.

Классовые враги (бай-манапы), их агентура пытались и пытаются сопротивляться социалистическому наступлению на идеологическом фронте».

Сущность этой борьбы, как подчеркивалось в документе Киробкома, в литературе выражалась в следующем:

- «а) В протаскивании контрреволюционных, буржуазно-националистических идей алаш-орды в киргизской литературе (Тыныстанов);
- б) В отражении бай-манапской идеологии, направленной против интересов пролетариата и его авангарда – Коммунистической партии (Карачев, Кокенов, Кененсариев и т.п.)».

В числе основных недостатков работы на литературном фронте указывалось на «отставание литературы от темпов социалистического строительства».

В области художественной литературы подчеркивались идеологические недостатки: «В значительной части изданной художественной литературы протаскивалась контрреволюционная националистическая, бай-манапская идеология (Сборник стихов Тыныстанова, «Невольные дни» Карачева, «Аджар» и стихи Баялинова, стихи Кененсариева и др., помещенные в сборнике «Красный цветок»).

Издание так называемого народного творчества, ретаврирующего националистические идеи, и издание этой литературы без марксистско-ленинской критики.

Отсутствие развернутой марксистско-ленинской критики, протаскивание антипартийных взглядов под видом марксистско-ленинской критики. Наблюдается тенденция со стороны отдельных членов Кир.АПП превратить марксистско-ленинскую критику и самокритику в беспринципную и нездоровую обстановку на почве личных моментов».

В числе задач в области издательской работы, издания учебников, социально-экономической и общественно-политической литературы бюро Киробкома ВКП(б) определяло:

«Сборник стихов Тыныстанова из использования изъять, как реакционную поэзию.

Поручить культпрому ОК и научно-исследовательскому институту проработать вопрос об использовании «народного» творчества вообще и «Манаса», в частности»⁴⁶.

Документ подписал секретарь Киробкома Шахрай.

Вскоре, менее чем через месяц, – 1 апреля 1932 г. на заседании секретариата Киробкома ВКП(б) был заслушан доклад Джаманкулова по вопросу «Об академическом вечере Кирнацтеатра». Было принято следующее – «половинчатое», с точки зрения истинных последователей генеральной линии ЦК ВКП(б), решение в области литературы и художественного творчества:

- «1. Одобрить инициативу научно-исследовательского института в организации академических вечеров на основе использования устного народного творчества как разоблачающего социально-экономическую сущность военно-феодальной эпохи («Манаса») и роль манапства («Шабдана» и другие).
2. Вместе с тем указать тов. Тыныстанову (автору академических вечеров) и ...Кирнацтеатру на необходимость устранения больших недочетов в постановке вечеров. В особенности необходимо:

- а) в постановке «Манаса» особо резко выявить эксплуататорскую цель походов в Китай. Не просто грабеж в Китае, и экономические последствия походов – новая форма межнациональной кабалы для угнетенных, как для киргиз, так и для китайцев»⁴⁷.

Документ подписал секретарь Киробкома Шахрай.

Через год в Кыргызстане развернулась новая кампания по избиению национальной литературной интеллигенции, непосредственно затронувшая К. Тыныстанову и его коллег по творчеству. Она велась под флагом «выкорчевывания остатков националистической идеологии, а также фактических их носителей».

29 марта 1933 г. на заседании бюро Киробкома специально рассматривался вопрос «О передовой ц. о. ЦК ВКП (б) «Правда» – «Выше знамя пролетарского интернационализма» и о статье тов. Мануйлова в «Правде» – «Разбить до конца остатки буржуазно-кулацкого национализма».

Разумеется, бюро обкома, подтвердив «своевременность» сигнала ЦК партии о необходимости энергичной борьбы против уклонов в национальном вопросе, избрало и на этот раз объектом самой резкой критики Касыма Тыныстанова за его «Академические вечера». Приведем выдержку из протокола этого заседания, поскольку ее содержание прямо касается рассматриваемого нами вопроса о гонениях на национальную литературную интеллигенцию:

«1. Бюро обкома ВКП (б) считает совершенно правильной оценку, данную «Правдой» творчеству Касыма Тыныстанова в его академических постановках на сцене Кирнацтеатра «Манас», «Шабдан», как проявление буржуазно-кулацкого национализма.

Под флагом академических вечеров тов. Тыныстанов (в соавторстве с тов. Коженовым, Сапиевым⁴⁸, Джантошевым) со сцены Кыргызского национального театра вел открытую пропаганду национализма, открыто реставрировал идеологию байства и манапства, феодально-родового строя. Открытая работа националистов могла идти лишь вследствие, с одной стороны, притупления массовой бдительности, а с другой – вследствие примиренчества в борьбе против уклонов в национальной политике партии».

Бюро Киргизского обкома партии, напоминая о своем предыдущем решении – от 7 марта 1932 г., где партийная организация призывалась к особой бдительности на фронте идеологической борьбы, критически заключало в своей постановляющей части:

«Однако решение Секретариата от 7 марта 1932 г. об академических вечерах не вскрыло политического существа постановок академических вечеров в Кирнацтеатре («Манас», «Шабдан») и не разоблачило вылазок остатков буржуазно-кулацкого национализма и тем ослабило борьбу с проявлениями местного национализма, а потому решение Секретариата от 7 марта 1932 г. об академических вечерах отменить...

Снять с постановок в Кирнацтеатре «Манас», «Шабдан». Поручить культпрому Обкома обеспечить постановку в театре пьес, отражающих классовую борьбу в

деле социалистической переделки сельского хозяйства, борьбу против остатков феодального быта»⁴⁹.

Не обошел своим пристальным «вниманием» Киробком деятельность кыргызских литераторов и события на «литературном фронте» и в мае 1933 г. – перед первым съездом Союза писателей Киргизии, и в октябре 1935 г., когда было принято решение «О работе Союза писателей Киргизии», возглавляемого Аалы Токомбаевым. В этом «историческом» документе особо подчеркивалось: «Борьба за идейную чистоту и принципиальность в творчестве, за социалистический реализм, за повышение художественного мастерства и культурного уровня писателей, создание творческой атмосферы в писательской среде, решительная борьба с пережитками и проявлениями бай-манапской контрреволюционной националистической идеологии в литературе – вот основные задачи, стоящие перед писателями Киргизии на ближайший период»⁵⁰. А по сути это было идеологическое обоснование для развертывания массовых репрессий против якобы инакомыслящей творческой интеллигенции Кыргызстана и в первую очередь против литераторов. Что вскоре и произошло – в трагическом 1937 г.

Зарождение национальной литературы и начало творческой деятельности К.Тыныстанова исторически совпали. Его творчество представляло собой значительное явление в молодой кыргызской литературе. Оно отличалось новизной мировосприятия, образностью выражения, стихосложения. «Стихи Касыма последних лет, написанные на чистом кыргызском наречии, исключительно изящны, – писал Б.Данияров в предисловии к «Сборнику стихов Касыма». – Они ценны, прежде всего, своим прекрасным слогом, который может служить наглядным примером того, как наш несуразный, художественно еще не обработанный язык должен использоваться для нужд будущей национальной литературы»⁵¹.

Поэзия К.Тыныстанова опережала свое время, предвосхищала тот уровень стихотворной техники, которого достигла кыргызская поэзия позднее. Тем большим

оказался урон, нанесенный кыргызской литературе после огульного политического обвинения К. Тыныстанова, его ареста в 1937 г. и физического уничтожения в ноябре 1938 г.

Трудно воссоздать историю становления и развития национальной интеллигенции Кыргызстана без такой ее знаковой фигуры, как **Аалы Токомбаев** (1904 – 1988). Он стоял у истоков рождения и развития кыргызской печатной и профессиональной литературы в 20 – 30-е годы. В его творчестве не только поэзия, но и такие новые формы кыргызской литературы, как проза, драматургия и публицистика. Аалы Токомбаев, как и Касым Тыныстанов, – наиболее яркие и видные представители кыргызской интеллигенции исследуемого периода. Первый – крупнейший поэт и писатель, организатор молодых литературных сил Кыргызстана (в числе его учеников был и Алыкул Осмонов). Второй – родоначальник кыргызской научной лингвистики и активный деятель народного просвещения, обладавший незаурядным поэтическим даром. Будучи еще молодыми людьми – студентами, они почти одновременно вступили на литературную стезю, привлекая внимание своих коллег по зарождающемуся литературному цеху. В дальнейшем их судьбы складывались непросто, и когда случалось, что их творческие интересы и идеологические позиции пересекались, их жизнь осложнялась политическими баталиями. Для обоих это имело тяжелейшие драматические последствия. Оба побывали за свои взгляды в тюрьме как «враги народа», хотя искренне считали себя последователями ленинизма, певцами Октября, Ленина и новой жизни. Для Касыма Тыныстанова все это завершилось трагически.

Тяга к стихотворчеству у А.Токомбаева проявилась (как, впрочем, и у К.Тыныстанова) рано, о чем свидетельствуют его первоначальные поэтические опыты, которые пришлось на время учебы в совпартшколе в Ташкенте, а затем в Среднеазиатском коммунистическом университете (САКУ).

В стенгазете и рукописной газете студентов-комсомольцев «Интернационал» в САКУ, в рукописном литературно-художественном журнале «Птенец» («Балапан») помещались первые стихи А. Токомбаева. В числе ранних его стихотворений и «Первые строки». А программное стихотворение «Эхо Октября» увидело свет в первой кыргызской газете «Эркин Тоо» 7 ноября 1924 г. В дальнейшем образ В.И. Ленина, темы большевистской партии, социалистических преобразований в городах и аилах Кыргызстана стали ведущими в его поэзии 20 – начала 30-х годов. Характерны для тех лет стихотворения «Бери свою землю», «Луговая», «Дехканин», а так же «Рождение города» (1931 г.), отражающее перемены в жизни республиканского центра – г. Фрунзе.

Заняв положение признанного лидера кыргызской литературной интеллигенции, как знаток «Манаса», А.Токомбаев оттеснил от издания К.Тыныстанова, которого открыто критиковал и осуждал в статьях⁵².

И хотя в печати появились новые, наиболее значимые произведения Аалы Токомбаева в стихах и прозе, авторские сборники, над его головой сгущаются грозные тучи. Надо сказать, что впервые «гроза» пронеслась еще в 1927 г., когда К.Тыныстанову попала на отзыв рукопись юношеского поэтического сборника А.Токомбаева «О Ленине». Письменный отзыв К.Тыныстанова был сугубо отрицательным. Рецензент считал, что поэт неверно толковал образ Ленина как вождя революции. Резкая рецензия К.Тыныстанова послужила преградой к изданию книги в Кыргызстане. Правда, сборник все же публикуется в том же году Истпартом Средазбюро ЦК ВКП(б).

В 1933 г. в газете «Кызыл Кыргызстан» появилась статья литературоведа К. Рахматуллина, восхваляющая изданный шесть лет назад сборник А. Токомбаева «О Ленине». Прежняя отрицательная рецензия К. Тыныстанова на сборник в ней квалифицировалась как «контрреволюционная». Впрочем, навешивание политических ярлыков и взаимные обвинения в прессе тогда были в духе времени. Лозунг «обострение классового сопротив-

ления врага по мере успехов социализма» (по известной «теории» И.В. Сталина) вел к большому террору, как в центре Союза, так и в национальных республиках. Начались гонения на творческую свободомыслящую интеллигенцию и политических оппонентов.

Надо сказать, что вскоре 6 июня 1933 г., в той же газете выступил молодой журналист М. Догдуров, но уже в поддержку позиции К. Тыныстанова. Он считал необходимым изъять сборник А.Токомбаева из обращения, как вредно влияющий на умонастроение трудящихся.

Противостояние продолжалось. Накал идеологической борьбы усиливался, чему способствовал развернувшийся по всей стране сталинский террор.

1936 год. На этот раз А. Токомбаев объявляется еще и националистом за то, что, будучи членом подготовительной комиссии по составлению проекта конституции республики (комиссия была образована 29 июня 1936 г.), предложил внести в нее пункт о государственном языке: «Киргизский язык должен быть государственным языком, русский же язык, как язык революции, пусть остается всеобщим...». Предложение Аалы Токомбаева было решительно отклонено членами комиссии (забегая вперед, скажем, что лишь по Конституции суверенного Кыргызстана (1993 г.) киргизский язык стал государственным языком в нашей стране).

8 февраля 1937 г. в разгар «большого террора», К.Тыныстанов обратился с письмом к первому секретарю Киргизского обкома ВКП(б) М.Белоцкому. В нем он сетовал на то, что обком так и не принял в свое время «решения» по статье К.Рахматуллина и считал, что А.Токомбаеву и К.Рахматуллину следовало бы осудить в печати свои «неправильные взгляды».

Инициатива «националиста» Аалы Токомбаева на подготовительной комиссии по проекту конституции, критические нападки в печати, письма и доносы в партийные и карательные органы республики привели к тому, что А.Токомбаев был арестован и как «враг народа» два года отбыл в тюрьме.

1 августа 1937 г. был арестован и К.Тыныстанов.

А. Токомбаеву удалось выйти из тюрьмы. К.Тыныстанов был расстрелян.

В эти самые страшные дни террора Аалы написал стихотворение, как бы обращаясь к А.С.Пушкину. В нем есть строки, которые могли бы быть адресованы и Касыму:

...Мой старший друг,

Случайны ль совпадения

И двух имен и судеб наших двух?

И я, как ты, безвинно оклеветан...

Мой враг труслив... О, ты меня поймешь!...

В такой обстановке происходило становление кыргызской литературной интеллигенции, судьбы которой мы постарались проследить на примере личностей и творчества зачинателей кыргызской литературы, творивших под жестким прессингом партийно-советской тоталитарной системы.

Становление научной интеллигенции

Истоки формирования и становления научной интеллигенции Кыргызстана приходятся на середину 20 – начало 30-х годов. Этот процесс во многом связан с образованием первых форм национальной государственности кыргызского народа и ее упрочением. Тогда самой жизнью выдвигались вопросы создания национальной письменности кыргызского общества, реформирования алфавита и дальнейшего «языкового строительства» (создание и совершенствование литературного языка), с чем напрямую связано появление и развитие кыргызской прессы и книгоиздательства. Появилась необходимость организации научных исследований.

Наряду с масштабной, массовой «борьбой» за ликвидацию неграмотности населения, проводились мероприятия по организации первых научно-практических ячеек (метео- и сейсмостанций, лабораторий, музеев и т.п.), научных учреждений и органов управления ими. В эти же годы возникали и реорганизовывались цент-

ры по руководству и координации научной работы как местных учреждений и добровольных обществ, так и ежегодно направляемых в Кыргызстан из центральных городов России, Украины, Узбекистана и Казахстана экспедиций по изучению природы и производительных сил, истории и этнографии населения, вынашивались и реализовывались идеи создания первого высшего учебного заведения Кыргызстана.

В истории культуры и науки Кыргызстана советского периода немало знаковых дат, событий и имен ученых-просветителей, реформаторов, зачинателей и организаторов первых научных исследований в горном крае. Простой их перечень, даже в хронологических рамках интересующего нас времени, занял бы немало места. Но о некоторых из них, оставивших заметный след в изучении кыргызского языкознания, истории, этнографии и экономики Кыргызстана следует сказать подробнее. Тем более, что жизнь многих из пионеров, организаторов науки в республике была безжалостно исковеркана и даже раздавлена в ходе массовых репрессий, а имена, труды и деяния их преданы забвению.

В годы перестройки и после провозглашения Кыргызстаном независимости были рассекречены некоторые архивные документы и снят запрет на публикации об этих деятелях культуры и науки. Мы имеем в виду прежде всего научные работы И.Арабаева, А.Сыдыкова, К. Тыныстанова, Е.Поливанова и многих других просветителей-ученых, которые были подвергнуты репрессиям, их научные труды изымались из обращения, а имена – из истории отечественной науки. Вновь выявленные источники позволяют нам в общих чертах восполнить историю зарождения и становления научной интеллигенции и деятельность ее лучших представителей на ниве просвещения, культуры и науки.

Известно, что первым учреждением, координировавшим научно-исследовательскую работу в Туркестанской АССР (1918 – 1924 гг.), включая и Кыргызстан, был Государственный ученый совет (ГУС) с научно-педагоги-

ческими комиссиями⁵³. После национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. из ГУСа был выделен Академический центр с узбекским, казахско-кыргызским и другими отделениями, занимавшимися проблемами культуры среднеазиатских народов, включая кыргызов, а также вопросами их языка и письменности. С образованием Кара-Киргизской автономной области (ККАО, с 25 мая 1925 г. – КАО) Кыргызское отделение Академического центра было переведено из Ташкента в Пишпек. В свое время Туркестанский ГУС, а затем как его «наследники» – Научная комиссия и Академический центр, учитывая острый недостаток на местах в высококвалифицированных специалистах и научных кадрах, привлекали к изучению природных ресурсов и культуры Кыргызстана российских ученых и научные учреждения РСФСР. В частности, была начата работа по записи лучших произведений кыргызского фольклора⁵⁴.

Еще в декабре 1924 г. при Наркомпросе КАО была образована Научная комиссия для руководства научно-исследовательской работой. В ее задачи входила организация сбора и записи образцов кыргызского фольклора и вариантов эпоса «Манас» в устном изложении сказителей и акынов – манасчи, а также материалов и воспоминаний участников двух антиколониальных восстаний в Кыргызстане и сопредельных с ним областях Туркестана – в 1898 г. (т. н. Андижанское восстание в восточной части Ферганской области) и в 1916 г. (в Средней Азии и Казахстане). В ее работе принимал самое активное участие как председатель Национальной комиссии **Арабай уулу Эшеналы (И.Арабаев)**.

Будучи членом Джетысуйского (Семиреченского) облревкома, И.Арабаев весной 1920 г. возглавил особую комиссию по сбору памятников местного казахского и кыргызского населения. 5 июля того же года по его докладу областному ревкому был составлен план работы по сбору памятников народного творчества местного населения. Под его же руководством в годы пребывания в Ташкенте была начата запись кыргызс-

кого героического эпоса «Манас». Тогда И.Арабаев преподавал в Среднеазиатском государственном университете и вместе с С.Карачевым, А.Сыдыковым и К.Тыныстановым принял участие в подготовке к изданию первой кыргызской газеты «Эркин Тоо». Как газета, так и «Букварь для взрослых», разработанный И.Арабаевым⁵⁵, были отпечатаны в Ташкенте арабской графикой. И.Арабаев является автором 19 книг, в том числе и научных, они были изданы в Ташкенте, Москве, Уфе, Троицке, Фрунзе и других городах.

В 1925 г. его учебное пособие по кыргызскому языку, дополненное и переработанное, было переиздано. А в 1928 г. в связи с переходом на новый алфавит И. Арабаев совместно с С.Карасаевым издают букварь «Жанылык» («Новинка»)⁵⁶ уже латинской графикой. Эти книги сыграли большую роль в обучении взрослого кыргызского населения грамоте на родном языке в период движения за ликвидацию неграмотности коренного населения. И.Арабаев активно участвовал в научно-практических конференциях ученых-тюркологов: в 1924 г. – в Оренбурге – по проблемам казахского и кыргызского языков, где выступил с докладом, в 1925 г. – на первом съезде учителей Кыргызстана он выступил с докладом о применении научных терминов; важные научные вопросы он поднял и на всероссийском съезде тюркологов в Баку в 1926 г.⁵⁷

Во второй половине 20-х начале 30-х годов И.Арабаев подготовил учебные пособия по арифметике и природоведению для начальных классов, перевел на кыргызский язык начальный курс географии и немало общественно-политической литературы, включая биографию В.И.Ленина⁵⁸.

В свое время молодые кыргызские педагоги неизменно отзывались о И.Арабаеве как о своем Учителе, называя его с уважением не иначе, как «Молдоке кыргызской интеллигенции». В 1933 г. жизнь этого видного представителя кыргызской интеллигенции и культуры, много сделавшего для просвещения своего народа, трагически оборвалась в тюремной камере ОГПУ⁵⁹.

Кыргызская наука и культура понесла невосполнимую утрату. Ныне его доброе имя восстановлено: в 1993 г. в республике было торжественно отмечено 110-летие со дня его рождения, его именем назван Кыргызский педагогический университет, в республике проводятся «арабаевские научные чтения».

В 1927 г. произошел ряд особо важных событий, повлиявших на культурную и научную жизнь республики, на становление и судьбы научной интеллигенции Кыргызстана.

Во-первых, 7-12 марта 1927 г. состоялся I Учредительный съезд Советов Кыргызской АССР, провозгласивший Декларацию об ее образовании. Съезд принял постановление «О борьбе с байством, манапством и кулачеством» (напомним, что в числе интеллигентов первого поколения Кыргызстана имелись выходцы из названных «нетрудящихся» слоев населения, что и было одним из поводов для последовавших против них репрессий), а также о переводе кыргызской письменности с арабского алфавита на латинский.

Во-вторых, вместо ликвидированной Научной комиссии был образован Академический центр при Нацкомпроксе КАСР. На него возлагалась обязанность публикации собранных и записанных ранее сотрудниками Научной комиссии произведений кыргызского народного творчества и исторических материалов, а также сбор новых материалов.

В-третьих, востоковедом академиком В.В. Бартольдом был написан исторический очерк «Киргизы», изданный Академическим центром⁶⁰. В нем впервые дана научная периодизация и изложена история кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до середины XIX в., широко использованы восточные источники – китайские, арабские и персидские. По этому историческому очерку первые представители кыргызской интеллигенции изучали историю своего народа.

В 1928 г. вышел в свет первый номер республиканского педагогического журнала «Жаны маданият жолун»

да» и было положено начало изданию ежемесячного сельскохозяйственного журнала «Дехканин» (на русском и кыргызском языках). В 1928 г. (7 октября) был образован первый в Кыргызстане Научно-исследовательский институт краеведения при республиканском Совнаркоме (НИИ краеведения при СНК Кирг. АССР). Базой для его открытия послужили созданные еще в 1926 – 1927 гг. первые научно-исследовательские ячейки: сейсмическая станция, метеорологическое бюро, Фрунзенская ветеринарно-бактериологическая лаборатория, селекционная и сельскохозяйственная опытные станции, почвенно-ботаническое бюро и Центральный музей Кыргызстана. В них трудились десятки специалистов-практиков и ученых, научных работников. Вновь образованный коллектив НИИ краеведения начал изучение почвы, флоры и фауны Кыргызстана, приступил к составлению учебников и методических разработок на кыргызском языке, содействовал введению нового латинского алфавита.

Переход к новому алфавиту – от арабской графики к латинской – проходил непросто. Отдельные представители кыргызской интеллигенции вполне обоснованно считали, что сначала следует завершить начатый процесс ликвидации неграмотности с использованием арабского алфавита, поднять культуру населения, а уже потом постепенно переходить к новому алфавиту (латинскому)⁶¹. Но сторонникам этой точки зрения быстро навесили ярлык принадлежности к бай-манапству и исламу, и отстранили их от реформ. Через 10 лет начался переход на новый алфавит – уже на основе кириллицы, и малограмотным пришлось вновь переучиваться.

В этот период в республике остро ощущался недостаток опытных и квалифицированных кадров. Поэтому к научным исследованиям привлекались ученые из центральных городов Союза, в первую очередь из Москвы и Ленинграда, а также Ташкента и Алма-Аты⁶².

Лидером партийной и научной интеллигенции, не угодной официальной партийно-советской элите Кыргызстана, выступал в 20-х начале 30-х годов **Абдыкерим**

Сыдыков. Он был изгнан оппонентами из Кыргызстана и обосновался в Ташкенте. Там же он осуществлял и научно-творческую деятельность (1926-1932 гг.), которая оказалась достаточно противоречивой, и его труды издавались в основном за пределами республики.

В Ташкенте были опубликованы его основные труды, важные и актуальные для своего времени. Сегодня они представляют интерес и как исторический и как фактологический источник. Это «Краткий очерк и история развития киргизского народа» (1926 г.), «Родовое деление киргизов» (1927 г.), «Организация выпаса скота в кочевой группе» (1930г.), «О джуге и бескормице в Средней Азии» и другие труды, преданные забвению после репрессии автора. Работы эти были переизданы, а некоторые вообще впервые опубликованы лишь в суверенном Кыргызстане в 1992 г.

С 1926 г. А. Сыдыков работал на сельскохозяйственном факультете Среднеазиатского государственного университета, был заместителем декана факультета водного хозяйства Среднеазиатского хлопкового института. В 1932 г. его приглашают в качестве ректора КУИ, и назначают заместителем Госплана Киргизской АССР. Однако уже в следующем году А.Сыдыков как лидер Социал-Туранской партии был объявлен «контрреволюционером» и арестован⁶³.

Одной из «первых научных ячеек» в Кыргызстане являлся и областной краеведческий музей (ранее Центральный музей, ныне Исторический). Он занимался в первую очередь сбором историко-бытовых коллекций, их обработкой, описанием и публикацией статей историко-этнографического и социального плана. В конце 20-х начале 30-х годов директором музея был ведущий этнограф-кыргызовед **С.М. Абрамзон**. По материалам экспедиции в Алайскую долину 1927 г. (в отличие от предыдущих горных экспедиций в Кыргызстан из Москвы, Ленинграда и других городов Союза в ней участвовали сотрудники музея) в журнале «Жаны маданият жолунда» в 1928-1929 гг. сотрудниками музея

была опубликована серия статей на кыргызском языке, посвященных материальной и духовной культуре кыргызского народа. Сотрудником экспедиции Д. Шукуровым были собраны ценные материалы по алайским говорам и фольклору⁶⁴, использованные им позже в кандидатской диссертации.

По материалам последующих экспедиционных работ музея С.М.Абрамзоном в 1930-1932 гг. были написаны статьи об алайских кыргызах, серия очерков под названием «У истоков манапства» (Советская Киргизия. – 1930-1932), а также две научные статьи – «Современное манапство в Киргизии» и «Манапство и религия», (Советская этнография. – 1931. – №3 – 4; 1932. – №2).

В Кыргызстане, до переезда в Ленинград, С.М.Абрамзон работал также заместителем директора Кыргызского научно-исследовательского института краеведения и директора Кыргызского НИИ культурного строительства при Наркомпросе Кыргызской АССР⁶⁵.

Среди российских этнографов, изучавших жизнь и традиционный быт кыргызского народа в 20-30-е годы в числе предшественников и современников С.М.Абрамзона следует назвать сегодня уже почти забытые имена, ученых, таких, как Ф.Л.Фиельструп, Н.П.Дыренкова, М.С.Андреев, М.Ф.Гаврилов, П.И.Кушнер (Кнышев). С их рукописными экспедиционными отчетами и некоторыми публикациями можно ознакомиться в рукописных фондах Национальной академии наук.

Сегодня уже известно и имя ученого-самоучки **Белека Солтоноева** – первого кыргызского этнографа, просветителя и литератора, создателя уникального в своем роде труда по истории кыргызов, написанного в 1895-1935 гг. на основе местных этнографических, генеалогических сведений и материалов русской кыргызоведческой литературы. К сожалению, его рукопись, написанная на кыргызском языке арабской графикой – «История красных кыргызов» («Кызыл кыргыз тарыхы» или иначе «Кызыл казах тарыхы») – так и не увидела свет при жизни этого исключительно трудо-

любивого автора, репрессированного в 1937 г. и погибшего в 1938 г. (Реабилитирован посмертно в 1955 г.). Двухтомный труд Белека Солтоноева издан только в независимом Кыргызстане в 1993 г.

Научно-просветительская деятельность и биография ученого Б.Солтоноева достойна самостоятельного исследования. В 1920-1924 гг. он занимался просвещением местного населения в северных районах Кыргызстана, во втором десятилетии советской власти вплоть до ареста работал научным сотрудником в различных учреждениях при Правительстве Кыргызской Республики⁶⁶.

В ряду кыргызских ученых-просветителей, выдвинувшихся в конце 20-х годов, особое место занимал **Аджыман Шабданов** – внук известного кеминского манапа Шабдана Джантаева, коллега и ближайший соратник А.Сыдыкова по СТП. После окончания Джегтысуйского института А.Шабданов преподавал в общеобразовательных школах и педтехникуме. С 1928 по 1932 г. он – сотрудник Научно-исследовательского института просвещения, где наряду с другими проблемами разрабатывались и актуальные вопросы кыргызской письменности.

В 1930 г. на основе нескольких отделов Института просвещения был создан Институт языка и письменности, позднее в нем образованы и два новых отдела – вначале отдел литературы, а с 1932 г. – отдел истории. Однако преследуемый из-за своего происхождения и за независимые взгляды, А.Шабданов был переведен из столичного научного учреждения в Ошский педтехникум. Известно, что затем он занимался просветительской деятельностью среди кыргызов Горно-Бадахшанской области Таджикистана, где и был арестован.

1928-1932 гг. были исключительно плодотворными в научно-просветительской деятельности А.Шабданова. Им были созданы учебники по кыргызской грамматике, орфографии, терминологии и синтаксису. Его «Синтаксис кыргызского языка» («Биздин тил») пользовался особой популярностью среди местного учительства.

Некоторые из учебников А.Шабданов написал в соавторстве: совместно с С.Напатовым был издан «Букварь для неграмотных женщин» (1929 г.); с М. Элебаевым и Дж.Джымгырчиевым – «Книга для чтения третьеклассников» (1930 г.), которая была издана десятитысячным тиражом; в соавторстве с И.А. Батмановым – «Элементарная грамматика кыргызского языка» для русскоязычных.

В 1932 г. в столице республики открылось первое в истории кыргызского народа высшее учебное заведение – Кыргызский государственный педагогический институт. Подготовительная работа по его созданию велась в правительственных кругах Российской Федерации и Кыргызстана уже с 1930 г. Так, 31 мая 1930 г. в постановлении Совнаркома РСФСР «О хозяйственном и культурном строительстве и перспективах развития Киргизии» по докладу кыргызского правительства говорилось: «В целях подготовки квалифицированных кадров из среды коренного населения проработать вопрос об организации на территории Киргизии педагогического высшего учебного заведения»⁶⁷. В составе пединститута на момент начала занятий были исторический, литературный и биологический факультеты. Здесь обучалось 73 студента. В 1933 г. был организован физико-математический факультет⁶⁸. В институте открылось и заочное обучение студентов, в основном для учителей сельских школ, не имевших вузовского образования, что в тот период было явлением распространенным.

Трудно переоценить значение первого вуза для подготовки кадров кыргызской интеллигенции, специалистов с высшим образованием, из которых вышли и многие будущие видные научные работники Кыргызстана. Первый выпуск пединститута состоялся в 1936 г.

Преподаватели вуза занимались не только воспитанием и обучением будущих квалифицированных учителей, но и научными разработками. В числе преподавателей-ветеранов вуза, многие из которых прибыли из центральных городов России, была и супружеская пара

историков – **Б.М. Зима** и **А.Г. Зима**, приехавших во Фрунзе весной 1935г. Борис Михайлович был назначен ассистентом на кафедру всеобщей истории, а Анна Гавриловна – на кафедру истории партии. Многие годы они читали в институте (а позже в университете) лекционные курсы и вели практические занятия. Б.М. Зима занимал и различные административные должности. Но всегда на первом плане у него была научная и педагогическая деятельность⁶⁹.

Через год после первого выпуска студентов исторического факультета по инициативе Б.М. Зимы и под его руководством в 1937 г. состоялась историко-археологическая экспедиция пединститута. Она обследовала многие памятники истории и культуры древней и средневековой истории на большей части территории Кыргызстана. Экспедиция была организована Комитетом наук при правительстве Киргизской ССР⁷⁰. Примечательно, что, во-первых, экспедиция эта была осуществлена местными научными работниками, в отличие от экспедиций 20-х и первой половины 30-х годов, проводившихся научными учреждениями и учеными РСФСР, Узбекистана и Казахстана (кроме экспедиций музея краеведения во главе с С.М.Абрамзоном); во-вторых, она положила начало традиции последующих историко-археологических экспедиций пединститута (позже – Кыргызского государственного университета). В частности, в 1938-1941 гг. Б.М. Зима вместе со своими коллегами-преподавателями и студентами-историками пединститута приняли участие в экспедициях Комитета наук при СНК Киргизской ССР и сделали ряд научных открытий наскальных рисунков, памятников эпохи бронзы на юге Кыргызстана и на Иссык-Куле⁷¹.

Среди преподавателей Кыргызского пединститута большую склонность к научно-педагогическому творчеству проявил **Сатыбалды Наматов** – один из первых просветителей Кыргызстана того времени. Число его публикаций за 1929-1935 гг. насчитывает свыше четырех десятков. С.Наматов выступал сторонником политехнизации

преподавания в общеобразовательной средней школе. В учительских кругах большим признанием пользовался его учебник по методике преподавания кыргызского языка «Метод преподавания детского букваря», изданный латинской графикой во Фрунзе в 1932г. Прекрасное владение русским языком позволило ему профессионально заниматься переводческой деятельностью. Он перевел на кыргызский язык произведения русских пролетарских писателей – М. Горького и А.Фадеева. С. Наматов поддерживал деловые и дружеские связи с К.Тыныстановым, Е.Д. Поливановым, Т.Актановым и другими языковедами и просветителями Кыргызстана. Как и многие другие, он был расстрелян в разгар «большого террора», и кыргызская лингвистика потеряла одного из самых талантливых ученых своего времени⁷².

С 1937 г., т.е. со времени своего образования, уже упоминавшийся Комитет наук при СНК Киргизской ССР проводил большую координационную работу в научно-исследовательских учреждениях республики, включая различного рода «опытные поля» и «участки» сельскохозяйственного значения, Сейсмическую и Метеорологическую станции, Ботанический сад и другие. Комитет оказывал разностороннюю организационную и практическую помощь научным экспедициям не только Кыргызского госпединститута, но и крупным комплексным экспедициям и стационарным исследованиям, которые велись местными учеными в содружестве с научными сотрудниками Академии наук СССР. В числе заслуг Комитета перед кыргызской наукой следует признать и проводимую его учеными подготовку к будущему открытию Киргизского филиала Академии наук СССР⁷³. О своевременности этого события неоднократно говорило руководство АН СССР и в частности президент АН СССР академик В.Л.Комаров. Создание Киргизского филиала АН СССР – бесспорное свидетельство поступательного развития кыргызской науки, хотя именно с 1937-1938 гг. ее молодые и лучшие представители уже понесли серьезные потери от незаконных репрессий тоталитарного режима.

Крупнейшим ученым-языковедом, поэтом, драматургом и общественным деятелем Кыргызстана 20-30-х годов XX века был без сомнения **Касым Тыныстанов** – человек трагической судьбы, оставивший неизгладимый след в истории и культуре кыргызского народа, гордость кыргызской интеллигенции. Без сомнения, он был одним из самых ярких ее представителей в 1920 – 1931 гг. Как о просветителе и литераторе мы о нем уже писали в предшествующем параграфе. Здесь остановимся лишь на его учебниках и научной работе.

Будучи студентом Казахско-киргизского института в Ташкенте, Касым Тыныстанов создал первый учебник кыргызского языка («Окуу китеби», 1924) арабской графикой, приспособленной для кыргызского языка. В 1924 г. Тыныстанов работал секретарем, а затем председателем отдела Академического центра Туркестанской АССР, в 1925 г. – редактором газеты «Эркин Тоо». Как уже отмечалось, в 1926 г. участвовал в работе тюркологического съезда в Баку, где выступил с докладом о кыргызской письменности, с предложением о ее переводе с арабской графики на русскую кириллицу. Однако это не нашло поддержки у ведущих тюркологов России и национальных республик, предлагавших взамен русского латинизированный алфавит. К.Тыныстанов стал самым активным проводником этого пути реформирования кыргызской письменности. В том же 1926 г. был издан его учебник «Чондор учун алиппе», в 1927 г. - учебник по кыргызской грамматике – «Биздин тил», а в 1928 г. – учебник «Эне-тилибиз» (уже латинской графикой). В последующие три года К.Тыныстанов работал научным сотрудником, потом директором Кыргызского института культуры в 1932 г. преобразованного в Институт культурного строительства. Серия трудов К.Тыныстанова, изданных в 30-е годы («Кыргыз тилинин терминологиялык создугу», 1933; «Кыргыз тилин морфологиясы», 1934; «Кыргыз адабий тилинин синтаксиси», 1936 и др.) заложила основы кыргызского языкознания⁷⁴.

В 1934 г. Касым Тыныстанов, пользуясь своим еще большим авторитетом в научных кругах, пригласил на работу в Кыргызстан виднейшего представителя нового направления в лингвистике – сравнительного языковедения, профессора и полиглота **Евгения Дмитриевича Поливанова**. Е.Д.Поливанов, бывший уже в научной оппозиции к официальному марровскому языковедению и под идеологическим надзором властей, принял это приглашение и переехал работать в г. Фрунзе в институт, которым руководил К.Тыныстанов⁷⁵. Далее, до конца своих дней оба ученых согласованно трудились на ниве кыргызской науки, преимущественно в сфере кыргызской и общетюркской лингвистики и эпосоведения.

В 1935 г. К.Тыныстанов вместе с Т.Джолдошевым выступил инициатором проведения первого широкомащтабного совещания («конференции») по эпосу «Манас» и проблем его стилистики и перевода. С докладом выступил также Е.Д. Поливанов, уже в течение года активно занимавшийся переводом эпоса (основного его раздела «Великий поход». «Поход на Бейджин»). Если К.Тыныстанов основное внимание уделил сюжетной структуре эпоса и определению его датировки (по его мнению – 600 лет), то Е.Д.Поливанов попытался выявить особенности поэтики эпоса, форм его стихосложения. К сожалению, стенограмма совещания (от которого уже был отстранен – по политическим мотивам – Т.Джолдошев) так и не опубликована⁷⁶. Мы пользовались ксероксной копией, любезно предоставленной архивом МНБ КР в 90-е годы.

Последний научный труд К.Тыныстановова – «Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии» – датирован автором 10 мая 1937 г. С арестом ученого (1 августа 1937 г., в один день с Е.Д.Поливановым) работа оказалась в следственных органах и так и не была опубликована. Только в конце 2001 г. на основе копии архива МНБ КР она увидела свет в одной книге с неизданными ранее «кыргызскими тетрадами» Е.Д.Поливанова⁷⁷.

В эти же годы, преодолевая множество искусственных, в основном идеологических и политических пре-

пятствий, над кыргызско-русским и русско-кыргызским словарями активно трудились Е.Д.Поливанов, его ученик К.К.Юдахин, его друг и коллега К.К.Карасаев, в области русско-кыргызской лингвистики работал И.А.Батманов, над сопоставительным русско-кыргызско-дунганским словарем – Ю.Я.Яншансин.

Многие ученые подверглись репрессиям и были казнены (К.Тыныстанов, Е.Д.Поливанов), некоторым пришлось отсидеть в лагерях определенный срок (К.К.Карасаев), другим посчастливилось избежать прямых репрессий (К.К.Юдахин, И.А.Батманов, Ю.Я.Яншансин). Оценивая с сегодняшних позиций их вклад в науку, поражаешься не только энтузиазму и вере в науку, но и тому, как в условиях жесточайшего идеологического прессинга эти ученые сумели столь много сделать для развития кыргызского языкознания и эпосоведения. Как далеко могли бы пойти вперед эти отрасли науки, если бы достижения тех лет не оказались под цензурным запретом и не были бы изъяты из научного обращения.

Перечень достояний и потерь среди первых ученых-просветителей кыргызского народа 30-40-х годов XX в. останется неполным, если в нем не будут названы имя и вклад в народное образование Кыргызстана **Т.Актанова – Тойчу Кулунтай уулу**, погибшего на фронте в 1942 г. Сегодня имя его почти неизвестно.

Окончив в 1930 г. Ташкентский педагогический институт, Т.Актанов лишь спустя восемь лет – в 1938 г., вступил на педагогическое поприще, начав работать преподавателем во Фрунзенском педучилище, он занимался научными исследованиями кыргызской лингвистики и одновременно исполнял обязанности редактора Киргосиздата. Годом ранее, в 1937 г., в соавторстве с К.О.Бакиевым им был опубликован труд «Кыргыз тилинин синтаксинин конспектеси» (латинской графикой). Особенно результативным для научной деятельности молодого ученого был 1938 год. Издаются его «Учебник кыргызского языка для VI и VII классов неполных и средних русских школ» (в 1939-1940 гг. выш-

ли 2-е и 3-е издания его). С его участием опубликован словарь кыргызской орфографии. Всего за несколько предвоенных лет Т.Актановым было подготовлено и издано 10 учебников⁷⁸.

Тяжелые испытания выпали и на долю **Тазабека Саманчина** – ученого-литературоведа, переводчика.

Будучи студентом Московского государственного педагогического института, он подготовил и опубликовал в 1937 г. «Букварь для взрослых» – «Чолдор учун алиппе» (латинской графикой), вышедший позже в 1937 – 1938 гг. еще двумя изданиями – во Фрунзе и Казани (в это время он уже учился в аспирантуре Института языков народов СССР)⁷⁹. Последующие его научные исследования были посвящены жизни и творчеству Молдо Кылыча.

Таковы вклад в науку и человеческая судьба самых ярких представителей кыргызской интеллигенции периода её становления и взлета. Но только сегодня, в суверенном Кыргызстане начато полное исследование творческого наследия первых деятелей науки и культуры страны.

Это были яркие природные дарования кыргызского народа, но все же это были лишь единицы. Общих данных о числе интеллигенции в Кыргызстане в довоенные годы практически не сохранилось (это был даже не класс, а «социальная прослойка», к тому же весьма опасная для тоталитарного режима).

Следует отметить, что каких-либо обобщенных статистических данных о постепенно возрастающей численности научной интеллигенции Кыргызстана ни за определенные периоды, ни в целом до начала 30-х годов не обнаружено. По косвенным сведениям, исходя из наличия научных учреждений, можно сделать предположение о нескольких десятках представителей ее, но не более сотни человек. Со временем их численность неизменно росла. Так, если в 1928 г. в республике было всего четыре научных учреждения, то в 1940 – уже 13⁸⁰. Научно-педагогической работой занимались 323 человека, в том числе 13 докторов и 45 кандидатов наук,

из них 131 специалист работал в научных учреждениях. Кроме того, еще 27, преимущественно представители местной национальности, обучались в аспирантуре⁸¹. Таков был научный потенциал Кыргызстана к началу Великой Отечественной войны.

Это позволяет утверждать, что становление научной интеллигенции Кыргызстана к 1941 г. состоялось, при всей ее относительной малочисленности по сравнению с другими отрядами национальной интеллигенции, особенно с учительством.

* * *

Проведенные изыскания по проблеме становления кыргызской интеллигенции в 20-30-е годы, позволяют выделить следующие особенности этого процесса.

1. Кыргызская советская интеллигенция не была преемницей предшествующей эпохи. Она явилась порождением коренной ломки прежних социально-экономических устоев. Родилась и сформировалась в 20 – 30-е годы в новых общественных условиях, как *социалистическая* социальная общность на коммунистической идеологической платформе. Едва начав формироваться, новая интеллигенция была уничтожена массовыми репрессиями конца 30-х годов.
2. Первые представители национальной интеллигенции не были узко специализировавшимися профессионалами. Их условно можно назвать «энциклопедистами». Они вынуждены были быть и практиками, и теоретиками, и писателями, и издателями, и организаторами научных учреждений, и научными исследователями. Такова была эпоха. Таковы были запросы нового общества в условиях коммунистической идеологии.
3. Все представители новой интеллигенции уже в молодом возрасте достигли таких успехов, о которых можно было бы только мечтать (что вообще является характерной чертой революционных эпох: так было во

Франции в конце XVIII в., так было в России после революции 1917 г., так было во всех центральноазиатских республиках). Они рано осознали, что идут не по тому пути, о котором мечтали, в их стране происходят не те преобразования – даже на общесоюзном фоне, не ту идеологию им навязывают, не тот образ жизни, какого они хотели для народа. И они стали первыми оппозиционерами утвердившейся тоталитарной системе, партийному диктату и сталинской деспотии.

И они первыми подверглись репрессиям режима.

Представители национальной интеллигенции были истинными патриотами своего народа.

Академик С.Т. Табышалиев, который в период реабилитации репрессированных состоял во всех возможных комиссиях, в том числе и по культурному наследию, приводит слова одного из выживших репрессированных интеллигентов, который в 1937-1938 гг. сидел в одной камере с К. Тыныстановым. По воспоминаниям этого человека, Касым, при жесточайших допросах соглашаясь со всеми абсурдными обвинениями, просил своих палачей только об одном: сохраните народу мои учебники, поставьте любого автора, пусть по ним учится народ. Пусть забудут и даже проклянут меня, но не закрывайте им путь к свету грамоты⁸².

РЕПРЕССИРОВАННАЯ КУЛЬТУРА

Кыргызская письменность: от отрицания до признания

В советской исторической (да и в целом культурологической, как и лингвистической науке) вплоть до 1988 г. господствовал парадоксальный тезис (а для историко-партийной науки он был аксиомой) о том, что кыргызы до революции 1917 г. не имели своей письменности. Партийными решениями кыргызы были отнесены к тем народам бывшей Российской империи, которые и национальную письменность, и художественную литературу, и другие виды культуры и искусства обрели лишь в годы советской власти. Тем самым официальная идеологическая установка закрыла изучение этой малоисследованной, но научно актуальной проблемы истории кыргызского народа.

Парадокс заключается в том, что партийные решения фактически отказывали кыргызскому народу в праве на признание его и так небогатого письменного наследия. Хотя «на поверхности» лежали факты наличия письменных документов дореволюционных времен (с XVIII и более ранних веков), сохранились единичные рукописные книги кыргызов и о кыргызах, мало того, до нас дошли печатные книги кыргызов начала XX в. Другое дело, насколько чисто кыргызскими были эта письменная литература и эпистолярное наследие, насколько там присутствовали или довлели чагатаизмы, элементы казахского языка, татарского и т.д. Но это-то как раз и следовало выяснить, не отвергая огульно самой сути проблемы.

Надо сказать, что некоторые основания для скепсиса имелись. У кыргызов при богатейшем устном народном творчестве не было в общепринятом понимании письмен-

ной художественной литературы, а также своего национального алфавита или, по крайней мере, приспособленного для письменного воспроизводства именно кыргызской речи. Отдельные изданные книги или рукописи признавались опубликованными или написанными не на кыргызском, а на казахском, татарском или чагатайском (староузбекском) языке арабской графикой. Никто специально проблемой дореволюционной кыргызской письменности не занимался, этому препятствовал партийно-идеологический барьер (боязнь обвинения в «национализме», отходе от «партийной линии» и т.д.). Начало систематическому исследованию проблемы было положено лишь в 1988 г. на V Международном конгрессе тюркологов, прошедшем во Фрунзе, на котором с докладами выступили известные ученые – тюрколог Э.Тенишев и историк В.Плоских. Участники конгресса пришли к заключению: у кыргызов до революции была письменность.

Следует отметить, что в течение многих лет лингвисты активно изучали древнетюркскую руническую письменность, сирийские эпитафии и наскальные уйгурские тексты. Разрабатывалась тема средневековых письменных памятников как источника общетюркской исторической грамматики (по «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и «Диван-лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари). Но проблемы кыргызской письменности XVI – начала XX в. выпадали из круга исследований как лингвистов, так и историков (за исключением редких публикаций Дж.Шукурова, Б.М.Юнусалиева, М.Богдановой, Т.Саманчина и некоторых других)¹.

Напрашивается вопрос, почему отрицалось наличие письменности у кыргызов до Октябрьской революции и эта проблема вообще не изучалась? Ответ дает заказная партийная статья видных академических ученых, опубликованная в газете «Советская Киргизия» к полувековому юбилею образования Союза ССР. Цитируем: «Как известно, во многих партийных документах, в том числе в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Респуб-

лик» отмечается, что более 40 национальностей и народов СССР обрели свою письменность в годы Советской власти... 7 ноября 1924 года, как известно, вышел первый номер газеты «Эркин Тоо». Эту дату у нас принято считать началом киргизской письменности. И это действительно так»². Но далее, вопреки логике, авторы как бы вынужденно отмечают, что у кыргызов были «немногочисленные печатные и рукописные памятники, относящиеся к дореволюционному периоду, письменные источники, зафиксированные арабским алфавитом». Значит, письменность все-таки была?! Тогда ученые не могли утвердительно ответить на этот вопрос, но не могли и отрицать факты. Вынуждены были их просто замалчивать. В результате целый пласт кыргызской духовной культуры оставался невостребованным, не исследовался и вообще оказывался за бортом истории. Попробуем разобратся в причинах этого подробнее.

Письменность, или письмо, согласно общепринятому энциклопедическому определению – есть «средство закрепления речевой информации при помощи начертанных знаков или изображений»³. Поэтому, имея на руках дореволюционные документы, письма кыргызов XVIII-XIX вв., рукописные санаты Молдо Нияза, опубликованные произведения Молдо Кылыча, О. Сыдыкова, отложившиеся в архивах кыргызские генеалогии – санжира, постановления съездов народных судей – эреже, немногие сохранившиеся кыргызские эпитафии, можно и должно говорить о наличии письменности у кыргызского народа с дореволюционных времен.

Еще в 30-е годы первый кыргызский профессор-лингвист Касым Тыныстанов с осторожностью писал, что до революции «бай-манапская верхушка начала разрабатывать киргизский литературный язык..., причем было выпущено несколько названий книг на получага-тайском языке, который общая масса не понимала»⁴. Он не рисковал дать прямой ответ.

Профессор Е.Д.Поливанов, крупнейший специалист по сравнительному языкознанию, находившийся под

подозрением у властей еще до приезда в Кыргызстан, а теперь – тем более, не без оглядки на официальную точку зрения писал: «Если не иметь в виду гипотезу киргизского происхождения древнейшей из турецких – «енисейской» письменности (о чем см. ниже), то можно утверждать, что письменности на киргизском языке вообще не существовало до революционной эпохи, и именно до момента национального размежевания (1924 года): печатавшиеся для байско-манапских кругов «кара-киргизские» издания дореволюционного времени были написаны, в сущности, на чагатайском языке, по общему орфографическому трафарету чагатайской письменности, и лишь в слабой степени отражали в себе особенности киргизской речи»⁵. В «слабой», но ... «отражали»!

Признавая, в соответствии с партийной установкой, дату рождения киргизской письменности 7 ноября 1924 г. (выпуск газеты «Эркин Тоо»), и К.Тыныстанов, и Е.Поливанов, однако, оговаривали, что «чагатайская» письменность в некоторой степени отражала киргизскую речь. Несмотря на то, что отдельные книги Осмоналы Сыдыкова и Молдо Кылыча были к тому времени опубликованы, никто из ученых-историков и лингвистов не мог в то время серьезно проанализировать лингвистически эти дореволюционные издания памятников письменности, созданные киргизами.

В 1957 г. известный лингвист-киргизовед И.А.Батманов признал, что до Октября 1917 г. киргизы имели письменность, но она не отражала существенных особенностей их языка. Язык книг О.Сыдыкова и М.Кылыча, писал он, «нисколько не приближается к киргизской народной речи и относится к типичному среднеазиатскому жаргону, отражая стремления в области создания единого литературного языка для тюркоязычных народов, задержавшие прогресс литературного оформления как киргизского, так и других языков Средней Азии»⁶. При этом И.А.Батманов все же отметил: «Памятники письма, принадлежащие киргизам и относящиеся к периоду с XI-XIX вв., еще не найдены,

но мы не сомневаемся в том, что со временем они найдутся»⁷. И действительно, позже они были выявлены и введены в научный оборот. Но об этом ниже.

Известнейший кыргызский лексикограф К.К.Юдахин в предисловии ко второму изданию «Кыргызско-русского словаря» (1965 г.) высказал свою заветную мечту заняться историей дореволюционной кыргызской письменности и языка. «Большим своим долгом перед киргизоведением и перед дореволюционной киргизской культурой, – писал К.К.Юдахин, – я считаю также тщательное исследование дореволюционной киргизской письменности и ее языка. К этой теме я уже приступил вместе со своим неизменным товарищем по работе К.К.Карасаевым»⁸.

К.К.Юдахин и К.К.Карасаев совместную работу начали еще в 30-е годы, когда приступили к подготовке кыргызско-русского и русско-кыргызского словарей. В этот период уже господствовал официальный тезис об отсутствии до Октябрьской революции письменности у кыргызов. Жесткий идеологический прессинг вызвал массовые репрессии, в результате которых пострадали учитель К.К.Юдахина Е.Д.Поливанов и его друг – первый кыргызский профессор К.Тыныстанов, был арестован и К.Карасаев. И еще много лет подготовленный к печати кыргызско-русский словарь не увидел света. К.К.Юдахин продолжал борьбу за опубликование труда, но настаивать на такой идеологически опасной теме, как пересмотр (или опровержение) партийных решений по проблемам кыргызской письменности, он не мог. К тому же еще не были известны кыргызские письма, записанные родовые генеалогии – санжыра, постановления съездов кыргызских биев – эреже, кыргызские эпитафии конца XIX – начала XX в. и немногие другие письменные памятники, которые были обнаружены в архивах гораздо позднее.

В настоящее время уже выявлена и даже частично опубликована коллекция кыргызских писем и других документов и рукописей XVII–XIX вв. Это официальные

письма, обращения, жалобы, записи родовых санжыра, отдельных судебных и административных распоряжений кыргызов и т.п. Обзор кыргызско-русских посольских взаимосвязей XVIII – середины XIX в. свидетельствует о наличии значительного пласта документальной переписки, совместных договорных актов на кыргызском и русском языках. Такие документы были понятны кыргызам, хотя и несли отпечаток официального канцелярского стиля, присущего российской и кокандской администрации. К ним относятся и официальные «присяги» представителей кыргызского народа (от племен бугу с Иссык-Куля, черик из Центрального Тянь-Шаня и т.п.) на подданство России во второй половине XIX в.⁹ Эти документы еще подлежат всестороннему анализу специалистов-лингвистов, но уже сейчас ясно, что все они могут быть признаны памятниками кыргызской письменности, хотя и написаны письмом на основе арабской графики с использованием традиционных элементов чагатайского правописания.

Одно из первых упоминаний о переписке кыргызских биев Ферганы, в частности вождя племени кушчи Кубат-бия, с кашгарскими ходжами в середине XVIII в. содержится в нарративном сочинении «Тазкира-и ходжаган» («Жизнеописание ходжей») Мухаммед-Сыдыка Кашгари, написанном в 1768-69 гг. В сочинении приводятся письма белогорских ходжей Кашгара кыргызскому бию Кубат-мирзе с просьбой о помощи. Несмотря на то, что имеющиеся письма одностороннего направления – только кыргызским биям Андижана, а ответных писем кыргызских биев пока не обнаружено, факт взаимной переписки бесспорен. Свидетельством этому служит названное «Жизнеописание ходжей» М.Кашгари. Извлечения сведений о кыргазах, в том числе письма кыргызам из «Тазкира-и ходжаган» в русском переводе опубликованы востоковедом М.А.Салахетдиновой¹⁰. Однако определенной концепции по поводу того, на каком языке велась переписка, пока нет, и хотя сам источник написан на общепринятом в то время «чагатайском» языке, ученые склонны предполагать, что переписка велась либо на уйгурском, либо на кыргызском языке, что более вероятно.

Свидетельства о наличии дореволюционной кыргызской письменности уже давно привлекают внимание ученых. Тема, поднятая в 70-80-е годы XX века академиком В.М.Плоских, сегодня получила свое развитие и новые доказательства. Над ней плодотворно трудятся Э.Тенишев, Д.Сапаралиев, С.Мамытов и другие.

Самое раннее из дошедших до нас кыргызских писем датировано 10 декабря 1775 г. Письмо адресовано российской императрице Екатерине II. После разгрома Китаем Джунгарского ханства группа кыргызов вместе с частью калмаков бежала в Южную Сибирь, а затем в Астраханскую губернию. Обращаясь к русской императрице с письмом, кыргызы жаловались на свое тяжелое положение¹¹. Имеются в оригинале и в переводе первые кыргызские письма – обращения к России с просьбой о покровительстве. Это два письма Атаке-бия Екатерине II и сибирским властям (датированные летом 1785 г.), отправленные с первым кыргызским посольством в Россию¹².

Целый ряд писем, составленных на кыргызском языке, был направлен кыргызами-бугинцами с берегов Иссык-Куля сибирским властям в первой трети XIX века¹³. Они свидетельствуют об интенсивной переписке между западносибирскими властями и кыргызскими биями, установившейся в 20-е годы XIX в. в связи с расширением взаимных посольских связей. Переписка между кыргызами и западносибирскими, а затем туркестанскими властями усиливается накануне и в процессе присоединения Кыргызстана к Российской империи (50-70-е годы XIX в.).

Некоторые исторические исследования сообщают о переписке кыргызских биев между собой. В частности, источники свидетельствуют о письмах Алымбека-датки тянь-шаньским манапам и биям (правда, в оригинале они пока не обнаружены). Н.А.Аристов упоминает о том, что Якуб-бек, правитель Йеттишара, лично писал письма и воззвания к некоторым манапам рода бугу¹⁴.

Кыргызские языковеды Д.Шукуров и позже С.Кудайбергенов провели лингвистический анализ несколь-

ких писем 60-х годов XIX века¹⁵. Лингвисты полагают, что, по крайней мере, некоторые из сохранившихся до нас писем написаны самими кыргызами и на кыргызском языке.

Среди старинных книг, рукописей и писем различного характера, собранных палеоархеографической экспедицией, возглавляемой с 1976 г. В.М.Плоских, имеются письма и даже фрагменты исторических рукописей на кыргызском языке. В частности, объемная рукопись по истории алайских кыргызов, написанная в конце XIX в. на Алае на кыргызском языке. Среди алайцев бытует версия о том, что в свое время «алайская царица» Курманджан-датка имела целый сундук таких книг, но до сих пор они не найдены. Однако в узбекском архиве историками обнаружено письмо алайской родоправительницы, датированное 1885 г., в котором она жалуется о потере печати, которой, по кокандской традиции, полагалось скреплять письмо, и поэтому подписывается собственноручно¹⁶. Известно, что Курманджан-датка была грамотной, переписывалась с майором Ионовым – ошским уездным начальником, а затем ферганским губернатором.

В последнее время все чаще появляются публикации (особенно в связи с 3000-летним юбилеем города Оша) о том, что Курманджан-датка была не только грамотной правительницей Алая, но и писала стихи (под псевдонимом Зыйнат), имеет два рукописных сборника (дивана) стихов, которые хранятся в Институте востоковедения Узбекистана. Тема грамотной Курманджан, поэтессы Зыйнат впервые была заявлена узбекским востоковедом, знатоком кокандских рукописей XIX в. Х.Бабабековым¹⁷, продолжена в работах В.Плоских¹⁸, развивается в публикациях С.Мамытова¹⁹, хотя имеет и своих скептиков и противников. Турсунай Омурзакова, защитившая кандидатскую диссертацию по теме «Курманджан и ее эпоха» в Институте истории Национальной академии наук, даже приводит образцы стихов «алайской царицы» (на кыргызском языке и в русском переводе), но, к сожалению,

не ссылается на первоисточник и никак не комментирует этот факт²⁰. И хотя многие историки гипотезу о Курманджан-поэтессе не исследуют вообще²¹, проблема заявлена и ждет своего решения.

Целенаправленный специальный поиск в архивах, рукописных восточных хранилищах позволит обнаружить письменное эпистолярное и поэтическое наследие Курманджан-датки. Имеются и другие подвижки в плане изучения личности «алайской царицы», ее времени и деятельности. Так, в республике создан Благотворительный фонд имени Курманджан-датки, который возглавляет энтузиаст Ж.Джолдошова. Фонд кроме благотворительных дел, направленных на изучение положения социально уязвимых слоев населения, проводит работу по пропаганде и увековечению имени и памяти великой Курманджан – мудрой правительницы, наконец – поэтессы. Обнадёживает и заявление С.Мамытова о том, что «у нас имеются новые материалы о поэтическом даровании Курманджан-датки, которые заслоняют монолитные факты»²².

В 50-е годы академик Б.М.Юнусалиев обнаружил на юге Кыргызстана две рукописи кыргызского акына-писменника XIX в. Молдо Нияза. В 1988 г. на Алае была найдена еще одна его рукопись²³. Произведения написаны в жанре санат – поучение, мудрое изречение, песня, состоящая из рифмованных афоризмов.

Биографических сведений о Молдо Ниязе нет ни в документальных источниках, ни в его рукописях, что с сожалением констатируют все исследователи его творчества (Б.Юнусалиев, А.Эркебаев, В.Плоских, Т.Назаралиев и др.). По косвенным данным можно вывести, что образование он получил в одном из медресе г. Кашгара, что прожил более 70 лет (годы жизни предположительно 1820-1896). Со своими песнями Молдо Нияз объездил почти все кыргызские айлы, территорию Каратегина и Восточного Туркестана.

Санаты Молдо Нияза не имеют единого системного стержня. Собранные в определенном порядке, они

объединяют несколько тем. В санатах много бытовых и исторических сценок, нравоучительных повествований, рассказов о временах кокандских ханов, о власти биев, о кашгарском бадаулете Якуб-беке, они отражают нравственно-моральные стороны жизни кыргызов. И хотя при описании исторических событий Молдо Нияз не поднялся до обобщения или анализа фактов²⁴, его санаты представляют огромную ценность. Как подчеркнул академик Б.М.Юнусалиев, Молдо Нияз оставил рукопись, которая является единственным историческим сочинением представителя кыргызского народа 50 – 60-х годов XIX в. Еще одна, возможно, главная, ее ценность состоит в том, что она *написана кыргызом «на кыргызском языке с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей его юго-западного (ичкиликского) диалекта (выделено нами. – С.П.)»*. Санаты принадлежат к тем письменным памятникам кыргызского народа, которые имеют «первостепенное значение не только для изучения истории языка, но и для изучения политической, экономической и культурной жизни народа той или иной эпохи»²⁵.

Несколько иную, отличную от этой, языковую характеристику санатам Молдо Нияза дает известный исследователь тюркской лингвистики Э.Р.Тенишев: «Основу языка поэмы Молдо Нияза составляет общий для многих тюркоязычных народов чагатайский язык...

Чагатайская основа поэмы бытовала явно в казахской среде...

Этот специальный язык (имеется в виду язык санатов Молдо Нияза. – С.П.), который можно назвать и староказахским литературным языком, был мастерски использован Молдо Ниязом для написания поэмы.

Язык поэмы, естественно, *насыщен элементами кыргызского языка»* (выделено нами. – С.П.)²⁶.

Что ж, каждый ученый имеет право на собственную оценку, и Э.Р.Тенишев, кыргызский специалист в области исторической тюркологии признает «элементы» кыргызского языка в санатах, называя их поэмой.

Несколько произведений другого видного акына-писменника конца XIX – начала XX в. – Молдо Кылыча – Шамырканова (1866 – 1917) было издано в 1911, 1925 и 1946 гг. Отрывки из них вошли в антологию кыргызской поэзии. Противоречивое по содержанию творчество Молдо Кылыча было предметом обсуждений – осуждений и политических оценок почти в течение всего XX века. Еще в 1935 г. Аалы Токомбаев говорил о Молдо Кылыче: «В произведениях Кылыча можно видеть лицо тогдашнего господствующего слоя киргиз. Почти все его произведения построены в основном на базе религии, в духе тогдашнего нарождающегося пантюркизма. Из его произведений первым вышло в 1911 г. в г. Уфе «Зилзала» («Землетрясение»), которое указывает более прогрессивность Кылыча. Стихи Кылыча остры, яркие. Язык его начал портиться на базе своей идеологии на фоне пантюркизма (на чагатайском языке). Основные произведения Кылыча в свет не вышли. К изучению крупного поэта, как Кылыч, мы приступим только сейчас»²⁷. (Стиль и орфография этого устного выступления, отложившегося в архиве, сохранены.)

Однако творчество Молдо Кылыча до сих пор в полной мере не подвергалось научному анализу ни филологами, ни историками. Впрочем, в 40-е годы его произведения частично исследовались Т.Саманчиным, М.Богдановой, Д.Шукуровым, но тогда некоторые их объективные оценки были отвергнуты, а потом и забыты. В 60-70-е годы творчество Молдо Кылыча становится объектом идеологических спекуляций, рассматривается как «буржуазно-националистическое». Его сторонники в науке подвергаются партийному шельмованию и политической дискриминации. В научных, особенно официальных исследованиях известна в целом либо двойственно-противоречивая либо отрицательная оценка всего творчества Молдо Кылыча. Такова она и в «Истории Киргизской ССР» (Т. II. 1986 г.) и в «Истории киргизской советской литературы» (Т. I. 1987 г.) на кыргызском языке. И только в конце 80-х годов

негативный тон литературной и лингвистической критики уступает место более объективной оценке роли и места Молдо Кылыча в кыргызской культуре.

Молдо Кылыч – кыргызский поэт-мыслитель, поэт-письменник, внесший существенный вклад в развитие художественной культуры. Но он – человек своего времени, мулла, проповедник основ ислама.

В «Зар-Замане» читаем:

*Пишу, поскольку я мулла,
Беря перо стальное в руки...*

При всей «раздвоенности» мировоззрения акына, признававшего, в частности, и позитивные, и негативные стороны общения кыргызов с русскими, его произведения представляют немалую художественную ценность и имеют историко-познавательное значение, в том числе и для выяснения сути рассматриваемой нами проблемы. По оценкам литературоведов, творчество Молдо Кылыча выходило далеко за пределы устной поэзии, определяло вехи кыргызской письменной литературы. Современный литературовед А.Эркебаев оценивает Молдо Кылыча как одного «из видных акынов-письменников, внесших ценный вклад в процесс перехода киргизского словесного искусства от изустной поэзии к рукописной»²⁸.

Как талантливый акын-письменник Молдо Кылыч доказал своим творчеством, что кыргызский язык был не только устным средством выражения фольклорной поэзии, но имел возможность и был способен в письменной форме отражать литературный процесс, творчество кыргызских писателей (и до революции!). Сам Молдо Кылыч входит в плеяду талантливых дореволюционных интеллигентов, завершая ряд акынов-заманистов.

Разумеется, поэты-письменники сыграли свою подвижническую роль в развитии кыргызской лингвистики и литературы. Но не менее важный след в письменном творчестве оставили историки-прозаики.

В начале XX века в Уфе выходят в свет две книги по истории кыргызов, уроженца Кемина **Осмоалы Сыды-**

кова (1877-1940)²⁹. О.Сыдыков – воспитанник новометодной школы, в основу своих книг положил устные родословные предания – санжыра и жизнеописания крупных манаров. Следуя традиционной исламской литературе, от Хасрата (Адама) и Хавы (Евы), автор по мере своих сил пытается показать историю кыргызов, исходя из генеалогических преданий о кыргызских родоправителях – Ормон-хане, Джантае, Шабдане и других.

Обращаясь к читателю, автор говорит о смысле своего труда: «чтобы узнали мой народ я повествую о том, что видел и знаю»³⁰. Оба сочинения созданы в духе среднеазиатской рукописной традиции. Но их ценность, во-первых, в том, что книги написаны кыргызом на кыргызском языке; во-вторых, обе повествуют об истории кыргызов, пусть и исходя из несколько наивных, традиционных воззрений генеалогических преданий; в-третьих, обе книги – первые памятники исторического письменного творчества. Почти все XX столетие творчество О.Сыдыкова замалчивалось, предавалось забвению, а автора числили в рядах буржуазно-националистических реакционеров. Можно сказать, что только в 90-е годы книги О.Сыдыкова полноправно влились в кыргызскую историографию и широко комментируются, цитируются. Сегодня они изданы на кыргызском языке.

Основное сочинение Сыдыкова – «История кыргызского раздолья» («Тарых-и кыргыз шадмания»³¹) – вышло с предисловием, точнее – с благословением Ишеналы Арабаева. Начиная свой труд с риторических вопросов: «Зачем нам знать историю?» и «Какая польза от истории?», он сам на них отвечает: «Знающие историю уподобляются тем, кто собственными глазами видел быт прежних людей, ибо историк знает столько, сколько знает человек, проживший несколько тысяч лет». И далее философски заключает: «Кто изучал историю – знает, если же не изучал, как может знать?»³².

Являясь представителем племени сарыбагыш, О.Сыдыков особо превозносил деяния его правителя манара Шабдана Джантаева, а заодно и других родоправите-

лей. Осмоналы Сыдыкова сегодня принято считать первым национальным историком кыргызского народа. Но его «Краткая история кыргызов», естественно, далека от общепринятых ныне исторических сочинений. Основанная на генеалогии родоправителей, она имеет свою структуру и свое предназначение, свои особенности. Но это была первая история кыргызов.

Признанный авторитет кыргызской исторической лингвистики К.К.Карасаев, говоря о языке «Краткой истории кыргызов» – («Мухтасар тарых-и киргизия»), определил, что «книга написана на чистом литературном кыргызском языке. Даже сохраняет особенности диалекта»³³.

Автор же исследования-реконструкции древнекыргызского языка московский тюрколог Э.Р.Тенишев несколько иначе отзывается об особенностях языка второй книги О.Сыдыкова «Тарых-и кыргыз Шадмания» (которую переводит как «История кыргыза Шабдана»), отмечая, что она изложена «литературным языком, отвечает требованиям смешанности и традиционности. Речь идет о морфологическом уровне языка и немного о графике и фонетике»³⁴. И далее: «... совмещение в одном тексте элементов чагатайского и татарского языков образует ткань поволжско-татарского варианта «тюрки». В эту ткань искусно вплетаются элементы кыргызского языка. В результате возникает единое целое – один из региональных вариантов *старокыргызского литературного языка* (выдело нами. –С.П.). Он создан либо творческим актом самого Осмоналы Сыдыкова, либо Сыдыков имел перед собой какой-либо образец подобного рода и ему следовал»³⁵.

Резюмируя в целом мнения разных авторов о языке творений О.Сыдыкова, Э.Р.Тенишев заключает: «Они написаны на чагатайском языке, на казахском языке, на кыргызском языке (чагатайско-кыргызским письмом), на чистом (нукура) кыргызском языке. *Сам Осмоналы Сыдыков уверяет, что писал на настоящем (нагыз) кыргызском языке* (выделено нами. – С.П.)»³⁶.

Исследователям истории Кыргызстана известны такие письменные кыргызские памятники, как тексты, выполненные в конце XIX – начале XX в. на кайраках арабской графикой на кыргызском языке (надгробные эпитафии на камнях). Кроме основных вех жизни покойного, дат рождения и смерти, тексты эпитафии содержат стихи из Корана, «крылатые слова» и выдержки из книг или произведений устного народного творчества кыргызов³⁷.

Примечательна эпитафия из гумбеза – уникального мавзолея в Большом Арале Сокулукского района Чуйской долины³⁸. И эпитафия, и гумбез, посвящены кыргызскому феодалу Джаркинбаю Сагынбекову – сподвижнику Шабдана Джантаева. Надпись на камне (в расшифровке востоковеда В.Настича) гласит: «Нет бога, кроме Аллаха... в начале (?) ... 1330 г. в месяц рамадан 13 числа (27 августа 1912 г.) в понедельник утром во время восхода солнца Падж ал-Кармен (венец обоих запретных городов) Джаркинбай сын Сагынбека в возрасте 63 лет ушел в мир вечности, прощенный, к бедным... [далее – арабские восславия]. По милости Аллаха, аминь!». Сбоку камня выбита надпись: «Сын Сагынбека»³⁹.

В Кеминской долине на могильных памятниках Шабдана сына Джантая (1912 г.) и его брата Мамыта сына Джантая (1910 г.) имеются две эпитафии. Эти эпитафии несут ценную информацию о родословной манапов до пятого колена и указание на их родоплеменную принадлежность. Любопытно, что воинский чин Шабдана Джантаева «войсковой старшина» передан порусски, но арабскими литерами. Эпитафии исполнены муллой Балдаком. Судя по надписи, он был не только профессиональным резчиком и писцом, но и весьма образованным для своего времени человеком. Стихоподобное дополнение к надписи, куда мулла включил свое имя, говорит о том, что он владел несколькими языками: родным – казахским, местным – кыргызским, литературным – тюрки, традиционным арабским, обязательным для образованного духовного лица. Имя муллы

Балдакбая встречается довольно часто. Все надписи он заканчивал словами «тамман» («конец» или «окончено»), как и переписчики средневековых рукописей⁴⁰.

Кыргызские эпитафии – бесспорное употребление штампов исламской литературы и бытового обиходного текста как письменных памятников, оставленных кыргызами на арабской графике.

Отметим, санжыра – родословные предания и эреже – законоположения, решения биев, основанные на адате, до революции записывались самими кыргызами или в кыргызской среде на кыргызском языке. Генеалогии, описывая происхождение племен и предания, нередко сообщают о торговых, культурных, экономических, этических и политических связях кыргызов в прошлом. Особый интерес представляет рукопись «Санжыра-ий насаб наме-ий илатия» на кыргызском языке, написанная во второй половине XIX в. на основе не только устных преданий, но и более ранних, не дошедших до нас записей генеалогии кыргызов. Название рукописи переводится как: «Родословное древо и происхождение кочевых племен». Описание и перевод текста рукописи сделаны историком-востоковедом А.М.Мокеевым и хранятся в рукописных фондах НАН Кыргызской Республики.

К сожалению, в санжыре ничего не говорится ни об авторе, ни о дате ее составления. Однако по косвенным свидетельствам А.М.Мокеев предположил, что санжыра является наиболее ранней записью родословий кыргызского народа. Рукопись была обнаружена во время археографической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР в 1987 г.

Следует отметить, что в ряде исторических исследований есть упоминание о том, что кыргызы в прошлом столетии имели свои юридические книги с записью важных судебных решений биев или съездов биев по спорным делам. Так, в предисловии к книге, опубликованной Н.И.Гродековым – сырдарьинским военным губернатором, отмечается, что собиратель материалов (и, вероятно, фактический автор книги) А.Вышнегорс-

кий запрашивал через туркестанских чиновников материалы и рукописи об обычаях и происхождении кыргызов. В феврале 1887 г. начальник Аулиеатинского уезда В.А.Каллаур передал Вышнегорскому 15 рукописных книг с текстами разных решений волостных биев и чрезвычайных съездов кыргызов, кочевавших в долине реки Чу. Они содержали записанные нормы по юридическому быту кыргызов и казахов, которые и были использованы при написании книги⁴¹. Это еще одно свидетельство применения кыргызами письменности в бытовой и юридической практике.

В архивах сохранились отдельные экземпляры написанных на кыргызском языке эреже – решений съездов кыргызских биев. Имеются записи о чрезвычайном съезде биев иссык-кульских кыргызов и казахов Большой орды (Старшего жуза), состоявшемся в Верном 6 июля 1865 г.⁴² Другой чрезвычайный съезд биев решал спорные дела иссык-кульских и чуйских кыргызов с казахами Верненского уезда⁴³. Сохранилось постановление Токмакского чрезвычайного съезда биев, состоявшегося 1-15 мая 1893 г. В нем регламентируются порядок судопроизводства, сроки давности, меры подсудности и т.д.⁴⁴

Обращает на себя внимание одна характерная деталь, имеющая отношение к письменности кыргызов. Если до включения Кыргызстана в состав Российской империи эреже выносились, как правило, устно и апелляции практически исключались, то со второй половины XIX в. такие решения записывались, причем на кыргызском языке.

Как видим, потребовалось более полувека, прежде чем вопрос о наличии кыргызской письменности до революции был решен положительно. Кыргызские памятники письма заняли свое место в культурном фонде народа и в принципиальном плане сегодня вопрос о наличии кыргызской письменности до революции уже выяснен. Для такого суждения имеется немало фактических свидетельств. Это, однако, не исключает необходимости продолжать поиск новых рукописей, письменных докумен-

тов и других памятников письменности. Впереди комплексное и всестороннее их исследование усилиями кыргызоведов самых различных направлений.

* * *

Историки и лингвисты двух предвоенных десятилетий не придавали большого значения проблемам наличия или отсутствия в дореволюционный период у кыргызов письменности. В переписке и в рукописной литературе они использовали лексику кыргызского языка или чагатайского-тюрки, арабского, персидского, татарского или же других языков. В то же время практических работников народного образования, представителей творческой интеллигенции, в том числе журналистов и издателей, полиграфистов волновала проблема создания своей национальной письменности, литературного языка, реформа алфавита, истоки и перспективы письменности.

Именно на этом и на сопричастности к практическому решению проблемы деятелей национальной художественной культуры и кыргызской лингвистики следует остановиться подробнее. В свое время (1989 г.) по просьбе Института истории республиканской Академии наук, когда завершался процесс реабилитации безвинно репрессированных, из архива бывшего КГБ Кыргызской ССР была выдана ксерокопия последней научной работы Касыма Тыныстанова «Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии» (датированно 10 мая 1937 г.) Рукопись теперь уже опубликована. Она содержит важные исторические данные о языковом строительстве в Кыргызстане. Анализ этих данных заслуживает особого внимания.

Отбросив в сторону лозунговые наслоения – необходимая дань времени, остановимся на научной сути.

«История киргизской национальной письменности начинается лишь в 1924 г., с момента национального размежевания бывшей Туркестанской республики»⁴⁵, –

писал К.Тыныстанов, не выходя за рамки партийных решений своего времени. В последующем все историки и лингвисты, как правило, связывали создание кыргызской письменности с выходом газеты «Эркин Тоо». Газета была напечатана на кыргызском языке арабским алфавитом. В таком полиграфическом исполнении вскоре начали выходить другие кыргызские газеты, учебная и художественная литература. При этом предпринимались попытки реформирования арабского алфавита с тем, чтобы лучше приспособить его к кыргызскому языку. То были первые важные шаги в развитии национальной письменности кыргызского народа с использованием арабской графики.

Одновременно выдвигаются альтернативные варианты: использовать латинский или русский алфавит. «Арабский алфавит, – считал К.Тыныстанов, – прежде всего не мог обеспечить перспективу развития киргизского литературного языка потому, что он не отражал всех особенностей этого языка»⁴⁶.

Сам К.Тыныстанов был сторонником перевода кыргызской письменности с арабской графики на латинскую, вполне резонно считая, что переход на русскую графику мог ассоциироваться с политикой русификации «туземцев» царизмом. За сохранение арабской графики выступали автор первого кыргызского букваря И.Арабаев и авторитетный в Казахстане лингвист А.Байтурсунов, автор учебников казахского языка (на основе арабской графики). Они отстаивали идею совершенствования и приспособления арабского алфавита к кыргызскому языку. Их поддерживали представители правительства и интеллигенты, преимущественно выходцы из духовенства и бай-манапства, получившие образование в мектебах и медресе на арабском языке.

Вопрос о переходе с арабского на другой, «более усовершенствованный алфавит» дискутировался на особом совещании ответственных работников Киргизской автономной области в мае 1925 г. Совещание приняло следующий протокол:

«Слушали: 1. О ликвидации арабского алфавита и переходе на один из европейских алфавитов в связи с созывом первого областного съезда КАО (доклад Тыныстанова).

Постановили:

1. С мнением Тыныстанова согласиться.
2. Вопрос о переходе к латинскому алфавиту разрешить поставить на областном педагогическом съезде.
3. Дальнейшую реформу арабского алфавита прекратить.
4. Поручить т. Тыныстанову поставить вопрос на съезде так, чтобы *никакого политического ропота не поднялось* (выделено нами. – С.П.)»⁴⁷.

Первый областной научно-педагогический съезд КАО после жарких дискуссий счел необходимым ликвидировать арабский алфавит и перейти к новому алфавиту на европейской (латинской) основе»⁴⁸.

Первый Всесоюзный тюркологический съезд в Баку (февраль – март 1926 г.) высказался в поддержку латинского алфавита для письменности кыргызского и других народов тюркского корня. А во второй половине 1926 г. на сессии облисполкома КАО было принято решение об организации специального комитета по руководству внедрением нового алфавита. Председатель КирЦИК А.Орозбеков стал председателем Комитета нового кыргызского алфавита.

На первом Учредительном съезде Советов Киргизской АССР (1927 г.) был определен срок его введения – пять лет, утверждается план введения ново-кыргызского, т.е. латинизированного, алфавита.

В январе 1930 г. было принято постановление ЦИК КАССР об окончательной ликвидации арабского алфавита. Он был изъят из употребления на два года раньше, чем определялось съездом.

Процесс становления и утверждения кыргызской письменности и современного литературного языка в исторически сжатые сроки был бы невозможен без разработки лингвистами принципов и правил орфографии, грамматики и синтаксиса ново-кыргызского письменного языка

и без издания учебно-методической литературы и словарей. И в этом непреходящая заслуга в первую очередь Касыма Тыныстанова, его коллег и последователей. Достаточно сказать, что благодаря их трудам в 20-30-е годы кыргызский язык обрел свою орфографию, терминологию, грамматику и синтаксис. Но первые кыргызские фонетика, орфография и грамматика, разработанные К.Тыныстановым, были изданы Киргосиздатом алфавитом на основе арабской графики.

Раздел морфологии кыргызской грамматики был также разработан К.Тыныстановым, и работа издана в Москве в 1930 г., а затем переиздана в 1934 г. Труд по синтаксису кыргызского языка издан в 1936 г. уже на латинизированном алфавите. После ареста К.Тыныстанова (1 августа 1937 г.) все его книги и учебники изымаются из оборота и уничтожаются. Да и само имя ученого пытались вытравить из памяти народа. Лишь полвека спустя было восстановлено честное имя К.Тыныстанова. Его книги стали переиздаваться, а научные разработки по морфологии и синтаксису недавно выпущены на латинской графике в Турции. Инициатором этого выступила ведущий кыргызский лингвист, академик Б.О.Орузбаева, предисловие к новому изданию написано Президентом Кыргызской Республики А.А. Акаевым⁴⁹.

Развитие и укрепление разносторонних связей между Киргизской ССР, Российской Федерацией и другими союзными республиками выдвинули задачу перевода кыргызской письменности с латинской графики на русскую – кириллицу. По мнению интеллигенции того времени, перевод на кириллицу должен был способствовать успешному овладению русским языком кыргызской учащейся молодежью, быстрейшему приобщению к богатейшей культуре России, к достижениям мировой цивилизации. 20 сентября 1936 г. проходило совещание представителей интеллигенции г.Фрунзе, на котором обсуждались перспективы перехода кыргызской письменности с латинизированного алфавита на русский. На совещании были приняты обращение к директивным органам Кыргызста-

на об ускорении реализации этих мероприятий и призыв к интеллигенции республики развернуть широкую разъяснительную работу среди населения о значении нового алфавита в дальнейшем прогрессе культурно-хозяйственного строительства.

Мнения К.Тыныстанова по этому вопросу мы не знаем. Да и вряд ли оно было иным, поскольку в те годы не допускалось никакого инакомыслия. Можно лишь предположить, что К.Тыныстанов оставался на прежних позициях – был сторонником латинизированной кыргызской письменности. На это была нацелена и последняя его работа, посвященная десятилетию борьбы за латинский алфавит. В статье ничего не говорится о возможном переходе на русский алфавит. Видный ученый, деятельный организатор-практик языкового строительства в своей стране К.Тыныстанов, как никто другой, знал, сколько усилий потребуется для перехода к новой письменности: в третий раз предстояло заняться ликвидацией неграмотности. Но он также знал, что в новых условиях пытаться противостоять сложившейся идеологии не только бесполезно, но и опасно. И ... промолчал. Точнее – иносказательно обозначил свое отношение в работе «Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии», ставшей последним научным трудом в его жизни.

На IV съезде КП(б) Киргизии, проходившем 12-16 марта 1940 г., было принято решение о переводе кыргызской письменности на русский алфавит. В июле 1940 г. союзное правительство одобрило «просьбу» партийно-советских органов Киргизской ССР о переводе кыргызской письменности с латинизированного алфавита на русский, утвердив сроки перевода делопроизводства в республике на новый алфавит в 1941 г., а обучение на нем – с началом занятий во всех учебных заведениях республики. Верховный Совет Киргизской ССР специальным указом от 12 сентября 1941 г. утвердил свод правил по новой кыргызской орфографии. Ответственные государственные организации обязыва-

лись принять директивы правительства к безоговорочному и неукоснительному исполнению в намеченные сроки.

* * *

Рассмотрение вопроса о кыргызской письменности позволяет выделить следующие особенности этого процесса.

1. Отрицание дореволюционной письменности в советской историографии привело фактически к исключению из кыргызского культурного наследия огромного пласта письменных документов, письменной художественной и научной литературы (как рукописной, так и печатной). А это в свою очередь вело к отрицанию факта наличия достаточно образованных представителей дореволюционной интеллигенции. Разумеется, представлены они были единицами, но предание их забвению является не только актом антинаучным, но преступным по отношению к историческому прошлому и культуре народа.
2. Долг и труден был путь к признанию целого пласта дореволюционной художественной культуры. Представители первой советской национальной интеллигенции пытались противостоять идеологическому прессингу тоталитарного режима. Но большинство из них подпадали под репрессии и были физически уничтожены. Лучшие представители кыргызской, подлинно народной интеллигенции были вырваны из жизни в 1937-1938 и в 50-е годы. Потребовалось полвека, чтобы честные имена необоснованно репрессированных были реабилитированы, чтобы подвергнутое остракизму и преданное забвению культурное наследие вернулось к кыргызскому народу и в мировую культуру.
3. Настало время всестороннего аналитического исследования всех видов письменных памятников, в чем мы видим долг современных ученых-кыргызоведов: историков, культурологов, лингвистов, манасоведов, фольклористов и других. Что же касается признания дореволюционной письменности у кыргызов —

это стало уже фактом кыргызской исторической лингвистики (закрепленным последними фундаментальными монографическими трудами К.К. Карасаева) и кыргызской историографии (от осторожного признания А.Асанканова⁵⁰, что кыргызы к началу века не имели «развитой» письменности, до учебного издания «Истории кыргызов и Кыргызстана»⁵¹, констатирующего наличие письменности).

4. Видится необходимым, и в суверенном Кыргызстане имеются все условия для подготовки и издания «Исторической антологии памятников письменности кыргызов» – в оригинале, в переложении на современную кыргызскую графику и в переводе на русский язык. Только в таком издании памятники станут достоянием мировой культуры и науки. Структуру будущей антологии определить вполне возможно и наш анализ позволяет предложить следующие основополагающие сюжеты:

- а) рунические средневековые памятники, начиная с эпитафии Барс-бегу;
- б) эпистолярное наследие (переписка кыргызов с российскими властями, соседними правителями, между собой, жалобы в судебные инстанции и т.п.);
- в) дореволюционные рукописи исторического содержания, записи акынской поэзии (заманистов и др.);
- г) генеалогические предания (санжыра) и судебные постановления (эреже);
- д) опубликованные книги дореволюционных кыргызских авторов – поэтов и историков (Молдо Кылыч, Осмоналы Сыдыков).

Думается, государственная власть должна возглавить работу, организовать ученых и деятелей культуры для издания в кратчайшие сроки такой «Исторической антологии памятников письменности кыргызов». Она будет востребована не только теми, кто занимается изучением исторического прошлого Кыргызстана, но и всеми теми, кто думает и печется о его будущем.

Заманизм и борьба вокруг его наследия

Историю кыргызских заманистов, этих истинных интеллектуалов своего времени, и их литературно-философского наследия можно назвать одной из наиболее трагических страниц кыргызской духовной культуры. Выдающиеся представители кыргызского народа XIX столетия уже после смерти подверглись «изгнанию» из памяти народа и преданию их духовного наследия забвению в XX в. Все это происходило в острой идеологической борьбе, которая велась в советском литературоведении, в исторической науке Кыргызстана в 20-30-е годы и даже позднее – вплоть до 80-х годов XX в., которая обернулась крупными потерями для национальной интеллигенции и культуры в целом.

Закономерно возникают вопросы: Что представлял собой *заман*? Кем были кыргызские *заманисты*? Какие ценности они провозглашали и какое творческое наследие оставили потомкам? Почему вокруг них развернулась идеологическая борьба?

Ученые, исследующие историю и культуру кыргызского народа, пришли к выводу: *заман* – это целостное культурное направление, наложившее свой отпечаток на всю кыргызскую поэзию XIX – начала XX в., сложное и порой весьма противоречивое мировоззренческое отношение акынов к жизни, в основе которого лежало пророчество «судного дня», «конца света». Это – своего рода историко-философское литературное течение, долгое время не являвшееся предметом специального объективного исследования⁵².

Буквальное значение слова *заман* (араб.) – «время», «эпоха». В литературном понимании *заман* – это жанр дореволюционной письменной поэзии: короткие бессюжетные стихотворения, выражающие отношение акына к действительности. Именно так определил *заман* К.К.Юдахин⁵³. В большинстве заманов выражается недовольство современностью и забвением требований

ислама. Поэты-заманисты восхваляли прошлое как «золотой век», порицали новую эпоху как «эпоху скорби» («зар заман»), трудное время («тар заман»), предвещали конец мира («акыр заман»).

Не приемля нового, скорбя о разрушении устоев патриархально-феодального общества, заманисты отрицательно относились и к нововведениям, вызванным присоединением края к Российской империи, а через это и ко всем русским – иноверцам. Этого было достаточно, чтобы долгое время клеймить носителей идей заманизма как выразителей антинародных чаяний, как певцов бай-манапства, не изучать, не издавать, вычеркнуть из памяти народной громадный пласт культурного наследия.

Течение идейного упадничества было характерно не только для поэзии кыргызов, но и для казахов и некоторых других народов Центральной Азии. Проявлялось это течение в основном через акынское творчество. Наиболее яркими представителями направления заманизма в кыргызской акынской поэзии были Калыгул, Арстанбек и Молдо Кылыч. К ним примыкали некоторые другие представители как письменного, так и устного творчества XIX в. В этот период широко использовались такие формы устно-поэтических народных произведений, как санат (поучительные четверостишия, наполненные пословицами и поговорками) и насыят (нравоучительные поэмы), широко распространенные в кыргызской среде, любимые народом и включавшиеся в импровизированные выступления почти всех без исключения дореволюционных кыргызских акынов.

Корни заманизма уходят в глубь веков, как и само слово «заман», заимствованное из наиболее ранних канонических источников. Понятие, передающееся выражением «акыр заман» как представление о «конце света», можно обнаружить и в Библии, и в Талмуде, и в Коране – этих трех величайших памятниках мировой культуры, сосредоточивших в себе религиозные догмы христианства, иудаизма и ислама. В конечном итоге это идея Апокалипсиса – конца мира, страшного суда. Если мы обратимся к древ-

нейшему индийскому памятнику культуры – эпосу «Махабхарата», уходящему корнями в еще более древнюю священную книгу индусов «Веды», то и здесь через все хитросплетения повествования проступает главная тема – ощущение нависшей опасности, обреченности мира. Да и в кыргызском эпосе «Манас» рядом с жизнеутверждающим оптимизмом соседствуют пессимистические настроения, сюжеты о неизбежности смерти.

Надо сказать, что это ощущение не только старо, но и ново: мы живем во времени, когда гипотетическая возможность гибели всего человечества может стать реальностью. Поэтому не только обращением к прошлой культуре важны идеи замана, они – не только отживший субстрат, который можно «сдать в архив» и поручить историкам. И сейчас, в начале третьего тысячелетия, появляется глобально новое осознание и ощущение возможного «конца мира», мира, судьба которого зависит уже не от Бога, а от человека, овладевшего атомной энергией и генной инженерией, бактериологическим оружием и террористическими методами ведения войны. Трагедия Чернобыля и террористические акты в разных странах мира свидетельствуют о том, что это – не миф, а реалии цивилизации, и судьба человечества, может оказаться страшной, даже необратимой. Мы являемся сегодня свидетелями возрождения на разных уровнях всевозможных спиритуальных идей, сект и течений. И вновь встают вопросы: Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? И реанимируются идеи судного дня⁵⁴. Это ли не заманизм в новых условиях?

Заманистам XIX столетия было легче: они призывали к возврату в старину. Заманистам нового времени можно уповать лишь на разум человечества в стремлении избежать всемирной катастрофы. Здесь мы наблюдаем диалог веков и связь времен.

Идеализируя отходящие в прошлое патриархальные обычаи, заманисты XIX в. призывали уважать и сохранять традиции прошлого как «золотого века», завещанного дедами и отцами. Они наивно полагали, что проти-

воречия и неравенство между богатыми и бедными (а социальные мотивы в их творчестве занимают немалое место) могут быть уничтожены лишь возвращением к прошлому, к следованию заветам отцов и дедов, восстановлению родовых законов (адата) и законов шариата.

В средневековье заманизм был представлен целым направлением среднеазиатской общетюркской поэзии XI – XII столетий. Родоначальник тюркской поэзии Юсуф хас-хаджиб ал-Баласагуни (1018-1070) в своем «Благодатном знании» («Кутадгу билиг») писал:

*На нынешний век, о премудрый, взгляни,
Все стало иным, переменчивы дни!
Кто мудр, тот унижен, подавлен совсем,
Разумный обижен, затравлен и нем.
В развале закон, и разрушен обычай,
Меж белым и черным не стало различий...
Вся сила – у тех, кто душою черствы,
А кротким – от бед не поднять головы!
Грядет судный день – нет вернее примет,
Приходит событие за вестью вослед.
Господь да хранит нашу веру: о Боже,
Сгуби смуты – беды и все, что негоже!⁵⁵*

Тюркский поэт XII в. Сулейман Бакыргани – один из первых религиозных мыслителей Средней Азии вложил идеологическое содержание в свое понимание завершения бытия мира. В назидательной поэме «Охирзамон китаби» («Книга о крушении мира») он призывал к религиозно-мистическому осмыслению явлений мироздания, к безропотной покорности и аскетизму⁵⁶.

На протяжении всего средневековья различные направления ислама черпали из идеи «акыр заман» отдельные, необходимые им положения и использовали их в политических целях. К концу средних веков течение «заман» было широко распространенным в Средней Азии и Казахстане. Сильное влияние идей заманизма явственно прослеживается в песенном творчестве казахских поэтов и мыслителей XII-XX вв. – А.Яссави, А.Югна-

ки, Бухар-Жырау, Насан-бая, Шал-акына, Досходжи, Кудери, Байтока и др.⁵⁷ В поэтической форме заманисты высказывали сожаление об исчезновении «золотого века», некогда царившего в степи. Предрекая близкий «конец мира», они, тем не менее, искали реальные пути выхода из критического состояния своей эпохи, избавления человечества от страшного конца.

Эти идеи в XIX в. были подхвачены и развиты в своеобразной поэтической форме кыргызскими акынами-мыслителями Калыгулом, Арстанбеком и Молдо Кылычем.

Одна из первых исследователей творческого наследия заманистов в Кыргызстане Медина Богданова (еще до партийной критики ее) характеризовала творчество заман как поэзию пессимизма и безысходности. «Попражнение народных прав, овладение киргизскими землями и превращение страны в царскую колонию, – писала М. Богданова, – все это приводило акынов в пессимистически-горестное состояние, заполняло поэзию безысходной тоской и унынием и некоторых из них заводило в тупик, лишая возможности разглядеть в совершившихся событиях то прогрессивное, что несло с собой включение киргизского народа в орбиту влияния русской культуры»⁵⁸.

Идеологические компоненты заманистского течения в Кыргызстане имели свои особенности, позволяющие по-разному интерпретировать концепцию кыргызского замана.

Во-первых, понятия «тар заман», «зар заман», «акыр заман» «оживали» в переломные эпохи истории, а в благоприятные исторические периоды они как бы отступали на задний план.

Во-вторых, понятие «заман» было вкраплено в разные течения исламской идеологии, но и там оно не всегда служило воспитанию покорности, строгого следования догматам религии.

Идеи «конца мира» свидетельствовали о крайнем неблагополучии общества, о том, что людям необходимо серьезно задуматься над жизнью и возможным крахом

мира. Не только задуматься, но и постараться изменить свою жизнь призывали акыны-заманисты, чье творчество приходится на эпоху исторических потрясений.

Сегодняшнее неблагоприятное положение общества, кризисное состояние экономики, когда, как говорится, не видно «света в конце туннеля», также обуславливают пессимистическое отношение к жизни и вызывают определенные исторические ассоциации. Здесь та же переключка идей и умов, что лишней раз свидетельствует о необходимости извлечения уроков из прошлой истории.

Так кто же они – заманисты? Еще совсем недавно о них многие, даже образованные люди, ничего не знали. Те же, кому довелось соприкоснуться с их творчеством, чаще всего были ограничены рамками идеологических оценок: считалось, что заманисты вроде бы идеализировали патриархальные порядки, воспевали феодализм – «золотой век» прошлого.

С идеями заманизма непосредственно связан и такой замечательный этап в истории кыргызской литературы, как выделение индивидуальной акынской поэзии из фольклора, зарождение письменной литературы у кыргызов⁵⁹. Творчество первых кыргызских акынов-заманистов и письменников отличали сложность, неоднозначность и противоречивость мировоззрения. Это было следствием сложности и противоречивости самой эпохи с ее проблемами выживания в противоборстве с внешними силами – Джунгарией, Китаем и Кокандом при постоянных родоплеменных междоусобицах и поисках союзников, чаяниях лучшей жизни.

В советской исторической науке, в истории философии и литературоведении идеи заманизма оценивались отрицательно. Они серьезно не исследовались и без всяких аргументов причислялись к реакционным философским течениям⁶⁰.

Справедливости ради, скажем, что до 1950 г. еще предпринимались робкие попытки объективного подхода к представителям заманистского направления. В частности, М.Богданова и Т.Саманчин, не замалчивая упадни-

ческих настроений в поэзии Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча, негативно оценивая идеализацию ими прошлого, отмечали и большое художественное значение их творчества, которое выражалось в традиционных са-натах и насыятах.

Однако в контексте и духе «исторических», как тогда писали, постановлений ЦК ВКП(б) 1946 – 1948 гг. по идеологическим вопросам, в частности, «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме «Большая жизнь»» и в Кыргызстане произошла резкая переоценка ряда устоявшихся положений в истории и литературе. Редакционная статья литературно-художественного альманаха «Киргизстан» (1950 г.) категорично констатировала: «Уже отмечались серьезные ошибочные положения в книге о киргизской литературе (М.Богданова, У.Джакишев, Саманчин и Рахматуллин, редактор Д.Шукуров)»⁶¹.

В этой книге, как отмечалось, наиболее ярко проявились «буржуазно-националистические теории» Т.Саманчина, автора наиболее трудного раздела книги о кыргызской дореволюционной литературе. И несколькими строками ниже снова «развенчание» взглядов Т.Саманчина⁶²: «Националистические взгляды Т.Саманчина нашли свое законченное развитие в оценке творчества акынов XIX века Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча. Поэзия этих акынов была реакционной, так как была устремлена в прошлое и идеализировала его. Это была поэзия, воспевающая старые отжившие феодальные отношения, поэзия, реакционная по всей идеологии, ибо всеми корнями была связана с патриархально-родовым и феодальным строем».

Позволительно спросить: почему это «буржуазный националист» поднимал на щит творчество акынов, крайне резко относившихся даже к предпосылкам появления ростков капитализма в кыргызском хозяйстве, противников буржуазного пути развития края, которое несло с собой вливание экономики Кыргызстана во всероссийский рынок?

Не совсем увязывается с логикой и следующая сентенция: «С позицией Кылыча перекликалась поэзия Калыгула, которая была по существу призывом вернуться к прошлому, кокандскому колониальному периоду, тормозившему экономическое и культурное развитие киргизского народа, это был протест против новых отношений, развившихся в связи с присоединением к России»⁶³.

Во-первых, Кылыч был наследником и лишь в некоторой мере последователем Калыгула, который жил раньше. И чья поэзия с чьей перекликалась? Естественно, не поэзия Калыгула с поэзией Кылыча, а, наоборот, – поэзия Кылыча с поэзией Калыгула.

Во-вторых, Калыгул не мог призывать к возврату к прошлому, кокандскому колониальному периоду, так как был его современником и, напротив, обличал этот период, указывая на его пороки.

В-третьих, Калыгул не мог видеть «новых отношений», развивавшихся в связи с присоединением Кыргызстана к России, потому что умер в 1855 г., в год, когда только бугинцы присягнули на подданство России, а сарыбагышы – род Калыгула – еще оставались независимыми и от России, и от Китая, и ... фактически от Коканда.

Вряд ли стоит теперь критиковать анонимных авторов вступительной статьи альманаха (подписей под редакционной статьей не оказалось). Следует однако подчеркнуть, что односторонняя негативная оценка творчества акынов, данная в этой статье, стала устоявшейся, и все последующие исследователи – А.Алтмышбаев, Б.Аманалиев, К.Молдобаев и другие – могли только комментировать ставшую официальной точку зрения на кыргызскую поэзию XIX в.

Тазабек Саманчин был репрессирован и умер в ГУЛАГе. Медину Богданову заставили униженно каяться и отрекаться от своих прежних оценок. В статье «О некоторых вопросах истории киргизской литературы XIX и нач. XX в.»⁶⁴ М.Богданова была вынуждена «признать»:

«Сделав попытку дифференцировать идейное содержание творчества акынов и, указав на отдельные реакционные стороны творчества Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча, я, тем не менее, не разграничила существовавшие два противоположные направления в кыргызской литературе того периода, став, тем самым, на путь порочной теории «единого потока». Вместо того, чтобы раскрыть реакционную сущность творчества Калыгула, Арстабека, Молдо Кылыча и им подобных акынов и противопоставить им творчество подлинных народных акынов Токтогула Сатылганова и Байымбета Абдрахманова (Тоголока Молдо), я неверно изобразила их выразителями народных интересов, искусственно соединив в одну группу с подлинно народными акынами». М. Богданова имела в виду свои работы – «Киргизские акыны XIX и начала XX веков» (опубликована в литературно-художественном альманахе «Киргизстан» за 1946 г.) и очерк «Киргизская литература» (опубликован издательством «Советский писатель» в 1946 г. в Москве).

Надо сказать, что еще совсем недавно, когда наступил период перестройки, когда уже переосмысливалась история, в академическом издании истории кыргызской советской литературы Калыгул, Арстанбек и Молдо Кылыч все еще классифицировались как «представители реакционного течения, проповедники упадничества, прославители аристократов»⁶⁵.

Сегодня настала пора, когда необходимо восстановить историческую справедливость, во всем серьезно разобраться, без ярлыков и эпитетов, воздать каждой исторической личности должное и определить соответствующее ей место в истории и культуре. Было бы справедливо отметить, что в 60-е годы Б.М.Юнусалиев и К.К.Юдахин попытались вернуть объективную оценку творчеству акынов-заманистов, но успеха инициатива эта не имела. Видные лингвисты, академики, сами подверглись идеологическим гонениям (об этом будет сказано далее).

Кыргызские заманисты представлены плеядой замечательных акынов, начиная от легендарных Токтогула ырчы (XIV – XV вв.) и Асана Кайгы (XV в.) и кончая Нурмолдо, Женижоком и другими (1860 – 1916 гг.). Но центральными фигурами кыргызского заманизма, вызвавшими споры и подвергшимися остракизму в XX в., являлись три ярких представителя акынской поэзии XIX века – Калыгул, Арстанбек и Молдо Кылыч.

Дошедшие до нас отрывки произведений Калыгула свидетельствуют о том, что даже будучи неграмотным, акын был знаком со среднеазиатской и вообще старовосточной литературой. Он, как считает М.Богданова, являлся «одним из самых умных и образованных людей своего времени», как бы сейчас сказали, был «интеллектом» в полном смысле слова. Калыгулу приписывается множество произведений, но авторство лишь немногих из них бесспорно. Это «Калыгулдун созу», «Ыссык-Кол тууралуу айт каны», «Терме⁶⁶, санат⁶⁷ ырлары», «Насият, санат ырлары». И программное его произведение – «Акыр заман» («Конец мира»)⁶⁸.

Творчеству Калыгула свойственны не только реалистические описания событий и их оценки, но и религиозно-мистические мотивы. И это естественно, поскольку он жил в мусульманской среде, исповедовал ислам. Скорбя о безвозвратно уходящей старине, Калыгул взывает к религиозным чувствам мусульман, предупреждает: люди, позабывшие свои корни, станут жестокими, перестанет слушать старшего младший, все станут бессердечными.

В своем программном произведении «Акыр заман», навеянном борьбой между сарыбагышскими и бугинскими манапами, вспыхнувшей в момент приближения русских, акын пытается предугадать грядущую жизнь, предсказывает деградацию, упадок идеалов человечества.

Обращаясь к поэзии Калыгула и оставаясь объективным, невозможно отрицать народные истоки его творчества, хотя именно это до недавнего времени ставилось ему в вину. Его произведения пронизаны состраданием к

угнетенным и призывом к борьбе с внешними врагами, предостережением против братоубийственных раздоров. В то же время в его поэзии хорошо просматриваются тревожные настроения родоплеменной знати, ее беспокойство за свое место и благополучие, страх перед грядущими переменами.

Как истинный поэт, Калыгул нередко поднимался выше сословно-классовых интересов и становился выразителем чаяний и надежд всего народа. Но будущее казалось ему еще более мрачным и тяжелым, чем реальный окружавший его мир. Отсюда и упаднические мотивы замана, отсюда и само название основного произведения Калыгула «Акыр заман» («Конец мира»). Однако, как уже отмечалось, в его творчестве не только мотивы беспросветно-мрачного будущего.

Творчество Калыгула вплоть до конца XX в. оставалось практически неизвестным. Его произведения не издавались, а тенденциозная оценка личности, атмосфера идеологического диктата не позволяли дать достойную оценку как самому течению заманизма, так и его основателю в Кыргызстане Калыгулу Бай уулу. Партийный остракизм сделал свое дело: в течение почти всего XX века кыргызы были лишены возможности читать и изучать творчество одного из лучших акынов-импровизаторов XIX столетия.

Произведения Калыгула впервые увидели свет лишь в начале 90-х годов XX в, его творчество наконец достойно оценено⁶⁹. Объективная оценка личности и творческого наследия Калыгула дана в книге кыргызского литературоведа академика А.Эркебаева. По его мнению, Калыгул был первым известным нам кыргызским акыном, историческая личность которого бесспорна. Обладая незаурядными качествами мудреца, он своим творчеством реально участвовал в общественно-политической жизни. Как основатель заманистского течения акынской поэзии XIX в. Калыгул занял достойное место в истории кыргызской литературы⁷⁰.

До наших дней сохранился гумбез акына. В начале 1992 г. бывший первый секретарь ЦК КП Киргизии,

затем персональный пенсионер, а ныне депутат Жогорку Кенеша, правнук Калыгула Турдакун Усубалиевич Усубалиев на свои средства установил памятник – две монолитные плиты с изречениями поэта. В свое время даже первый человек в партийной иерархии Кыргызстана не осмеливался пойти против партийных решений и вынужден был «сдерживать» свое уважительное отношение к предку.

Осенью 1999 г. в с. Кара-Ой Иссык-Кульского района на родине акына состоялся торжественный митинг по случаю открытия памятника Калыгулу. На этой церемонии с проникновенной речью выступил Президент Кыргызской Республики А.А.Акаев, отметив, что сила Мудрого Слова предков всегда служила в качестве манифеста нравственности. А Калыгул Бай уулу оставил в памяти народа образец светлой духовности, как Полярная звезда на небосклоне кыргызской земли.

В ряду акынов-заманистов особое место занимает Арстанбек (1824 – 1878). Документальных свидетельств о его жизни практически нет. Основные вехи ее восстанавливаются по произведениям акына, воспоминаниям современников и преданиям соплеменников⁷¹.

Арстанбек был одним из тех акынов-импровизаторов, которые владели грамотой и пытались приспособить арабскую графику для индивидуального поэтического творчества на родном языке. Свои произведения акын записывал от руки. Они в незначительных списках распространялись среди очень малого числа грамотных кыргызов, передавались из уст в уста акынами-импровизаторами. Дошедшие до нас в поздних записях произведения акынов-импровизаторов мало чем отличались друг от друга и несли на себе печать фольклоризации: «Поскольку поэтическая деятельность акынов той и другой категории опиралась на общие психологические и эстетические устои, подчинялась одним и тем же творческим закономерностям, протекала в рамках традиционной народной поэтики, то плоды их творческих усилий никак не могли быть резко отлич-

ными друг от друга, разнотипными по содержанию и форме»⁷², – отмечает известный литературовед и критик С.Джигитов.

Много общего в сюжетах произведений и их идейной направленности можно обнаружить у Калыгула – акына, не владевшего письмом, и у Арстанбека – акына-импровизатора, записывавшего свои стихи и поэмы лично.

Творческая и эстетическая зрелость пришла к Арстанбеку в начале 50-х годов XIX в., когда были созданы подлинные шедевры – «Песня, спетая в столице Андижана», «Песня о власти кокандской», «В капкане», «Состязание с Картанбаем» и поэма «Тар заман» («Горькая правда»).

Постоянным рефреном в творчестве Арстанбека звучат слова из поэмы «Тар заман»:

*Время мое – это время неволи,
Время голодных и жадных волков.
Время мое – время горя и боли,
Время страданий, слез бедняков.*

(Перевод М.Богдановой)

Это было время присоединения Кыргызстана к царской России, события, в котором Арстанбек не мог разобраться и не видел положительных последствий для своего народа⁷³.

Поэмы «Тар заман» Арстанбека и «Акыр заман» Калыгула по духу очень близки. Они перекликаются, как бы взаимно дополняя и развивая общую идею «конца света». Если поэма Калыгула в какой-то мере смутно предвосхищала приближающиеся «худшие времена», то Арстанбек фактически говорит об их наступлении – то есть зависимости от Российской империи. Ведь бугинцы уже в 1855 г. приняли – и добровольно – подданство Российской державы – страны с чуждой кыргызам религией, с неизвестными традициями и законами.

В 50-х годах XX в. созданная по инициативе ЦК КП Киргизии специальная Комиссия по оценке творческого наследия акынов-заманистов XIX в., критически оценив труд авторов «Очерков киргизской литера-

туры», изданных в 1943 г.; обвинила их в «широкой пропаганде реакционных мистических, панисламистских, пантюркистских и националистических воззрений Кылыча, а также Калыгула и Арстанбека».

Резко критический, идеологически однобокий подход к творчеству Арстанбека, незнание всего им созданного повлекли за собой очернение в советской историографии его литературно-философского наследия. Мучительно долгим оказался путь творчества Арстанбека к кыргызскому народу. Необходимо было пережить крах тоталитаризма в XX в., прежде чем имя поэта засияло среди имен основателей кыргызской письменной поэзии.

Поэзия Арстанбека наложила неизгладимый отпечаток на произведения его учеников и последователей. И не только в художественно-изобразительном, но и в идейном плане. Имена и поэзия Солтонбая Токтоболотова, Женижока и Молдо Нияза практически до 90-х годов прошлого столетия почти не были известны не только широкому кругу читателей, но даже профессионалам-литературоведам. Лишь узкие специалисты акынской поэзии из кыргызов, да хранители рукописных фондов Национальной академии наук Кыргызской Республики могли знакомиться с творчеством названных акынов.

Одним из зачинателей кыргызской рукописной поэзии сегодня считается акын Молдо Нияз (1820-е – 1896). Впервые две его рукописи (или копии с них?) были обнаружены известным кыргызским лингвистом академиком Б.М.Юнусаливым в 50-е годы в Кадамжайском районе на юге Кыргызстана. Б.М.Юнусалиев был одним из тех, кто не только интересовался, но и отстаивал культурное наследие заманистов (в основном Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча), за что был подвергнут идеологическому осуждению в 50-60-е годы.

Как отмечалось выше, еще в 1970 г. Б.М.Юнусалиев опубликовал лингвистический анализ рукописей⁷⁴, сделав смелый для того времени вывод, расходившийся с официальной оценкой, высказав мнение (на примере саянатов Молдо Нияза) о наличии у кыргызов до революции

письменности. Б.М.Юнусалиев считал, что санаты написаны кыргызом, «на кыргызском языке с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта», что они имеют первостепенное значение для изучения не только истории языка, но и для изучения политической, экономической и культурной жизни кыргызов той эпохи⁷⁵.

Обнаруженные Б.М.Юнусалиевым рукописи опровергли утверждения, что у кыргызов до советской власти не было письменности. Произведения Молдо Нияза, хотя и не относились полностью к заманистскому течению, не изучались и не издавались вплоть до 90-х годов прошлого столетия, когда они были опубликованы на кыргызском языке по инициативе А.Эркебаева литературоведами Р.Зупнукаровым и О.Соороновым⁷⁶.

Имя Молдо Нияза и его творчество как поэта-писменника вопреки исторической справедливости долгие годы замалчивались. Хотя, как отмечено выше, еще в середине XX в. Б.М.Юнусалиев, обнаруживший две рукописи санатов Молдо Нияза, считал, что они являются единственным сочинением кыргызского народа, написанным представителем этого народа в 50-60-е годы XIX в. Историк В.М.Плоских и лингвист Н.Назаралиев в 70-е годы, проанализировав санаты Молдо Нияза как исторический источник, еще раз подтвердили их приоритет. Вплоть до 90-х годов это принципиальное положение не получало широкого признания. Известные кыргызские литературоведы – С.Байкожоев, К.Асаналиев и другие – продолжали фактически игнорировать письменное творчество Молдо Нияза, отдавая приоритет акынам-писменникам Молдо Кылычу и Тоголоку Молдо.

«Первым киргизским акыном-писменником, зачитателем киргизской письменной поэзии» назвал Молдо Нияза кыргызский литературовед О.Сооронов⁷⁷, закрепил этот тезис в своих работах академик А.Эркебаев⁷⁸.

Имя и произведения Молдо Нияза замалчивались не только из-за их содержания и религиозности, но и потому, что в действующей идеологии определяющим

критерием был тезис об отсутствии у кыргызов до революции национальной письменности, господствовала установка, что письменность кыргызскому народу дала только советская власть и кыргызская письменная литература появилась лишь после 1924 г.

Противоречиво, глубоко трагично оказалось отношение к творческому наследию другого акына-писменника – Молдо Кылыча (1866-1917). Его имя и произведения либо осознанно замалчивались, либо, хуже того, – искажались, а с 50-х годов вообще были вычеркнуты из истории кыргызской литературы. Произведения Молдо Кылыча имеют неоспоримо важное значение для науки. По определению литературоведа М.Богдановой, они выходили далеко за пределы устной поэзии, служили вехами кыргызской письменной литературы⁷⁹. Кыргызский лингвист Д.Шукуров в своей (так и не увидевшей света) диссертации, констатировал, что произведения Молдо Кылыча были написаны народно-разговорным языком. Академик А.Эркебаев сегодня рассматривает Молдо Кылыча как одного «из видных акынов-писменников, внесших ценный вклад в процессе перехода киргизского словесного искусства от изустной поэзии к рукописной»⁸⁰.

Сегодня Молдо Кылыч признан одним из выдающихся основоположников кыргызской письменной литературы дореволюционного времени, крупнейшим представителем кыргызского заманизма⁸¹. У его произведений сложная судьба: они знали взлеты и падения, признание и осуждение. Были времена, когда они передавались в списках, устно, публиковались и вновь запрещались. Автора превозносили, называя основателем кыргызской письменной литературы, а затем обвиняли в буржуазном национализме, пантюркизме, в идеализации прошлого и призывах к его возврату.

Наиболее полный сборник произведений акына, после многолетних партийных дискуссий, ограничений и запрещений, вышел лишь в 1991 г.⁸²

Произведения Молдо Кылыча, как правило, не датированные, имели нравоучительный и обличительный

характер, лирический и социальный, аллегорический и реалистический. Основным его произведениям – «Зар-заман» («Эпоха скорби») и «Кысса-и Зил-заля» («Сказ о землетрясении») – присущи «глубокие мировоззренческие противоречия, обусловленные приверженностью акына патриархальной психологии, влиянием канонов и доктрин ислама»⁸³. Именно это и вызвало бурные споры вокруг творчества Молдо Кылыча и неоднозначность его оценки не только литературоведами, но и идеологами и политиками периода тоталитарного режима.

В основополагающих произведениях Молдо Кылыча – «Зар-заман» и «Кысса-и Зил-заля» идеи заманизма преобладают. При этом поэт, с одной стороны, осуждал баев и мулл за воровство, произвол и тиранию, царя – за безнравственность, а с другой – объяснял все происходящее роковой предопределенностью судьбы. Стихийное бедствие – страшное землетрясение в Кемине в 1910 г. – представлял как кару Всевышнего за падение нравов людей и утрату веры в Бога⁸⁴.

Молдо Кылыч видел зло не в существующем строе, а в поведении людей. Через воспитание людей в духе «добрых» традиций прошлого он призывал достичь социального благоденствия. Подобные взгляды выражали и многие русские просветители, в том числе и В.Г.Белинский. Молдо Кылыч, относясь отрицательно к присоединению Кыргызстана к России, не выступал против русского народа. Он был против тех разрушающих народные традиции порядков, которые несли в среду среднеазиатских народов российский капитализм, самодержавная система. Именно поэтому он и славил те «старые времена», когда не было внешнего, как он считал, тлетворного воздействия, а его связи с представителями панисламизма и пантюркизма носили, скорее, традиционный культурно-религиозный, нежели политический характер. Молдо Кылыч не призывал к религиозной изолированности, не проповедовал религиозной исключительности, хотя идея создания отдельного азиатского государства с единой господствующей религией – исламом ему не была чужда.

Главное в религиозных мотивах Молдо Кылыча – восприятие ислама как средства нравственного самосовершенствования, морального воздействия на пороки общества в целом и каждого человека в отдельности.

Творчество Молдо Кылыча требует комплексного подхода и всестороннего анализа, а не идеологически зашоренных доктрин, что приводит, как правило, к необъективности и искажениям.

Именно мотивы пессимизма Молдо Кылыча и восхваление им патриархальных обычаев и традиций предков, отдельные строки с антирусскими настроениями и приверженность исламу вызывали негативную оценку его творчества как реакционного. В общую догматическую схему, когда в силу идеологических установок отрицалось наличие письменности у кыргызов до революции, не укладывалось и то, что его произведения были написаны на кыргызском языке и даже напечатаны (в двух книгах).

Разумеется, власти не могли не видеть и не учитывать исторической памяти народа и популярности творчества поэтов-заманистов. Для «научного» анализа и последующего обсуждения их творческого наследия в 40-50-е годы создавались многочисленные комиссии по оценке творчества акынов-заманистов и принятию ряда специальных партийных решений, фактически запрещающих его исследование. Опубликованные ранее произведения изымались из библиотек, предавались забвению важные страницы истории кыргызской литературы и имена ее представителей.

* * *

До XX века ни одно произведение акынов-заманистов не было издано. В редких рукописных списках имели хождение отдельные сочинения акынов-письменников (Арстанбек, Молдо Кылыч), которые в большинстве своем к XX столетию были утеряны. С начала XX в. все коренным образом изменилось: и в оценке личностей самих заманистов, их творчества, в организации записи

передававшихся из уст в уста, из рук в руки их стихов, и в деле публикации последних типографским способом.

Инициатором необоснованной разгромной критики и остракизма в отношении заманистов, их последователей в акынской поэзии, а также исследователей их творчества и вклада в историю литературы и языка во второй половине 40-х и начале 50-х годов выступил младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории, печатавшийся в республиканской кыргызской и русской печати Д.Самаганов⁸⁵. В своих газетных статьях 1946-1950 гг.⁸⁶, а также в многочисленных письмах, заявлениях во все вышестоящие партийные инстанции он чернил своих коллег – выискивал «идеологические» ошибки в их работах по исследованию культурного наследия признанных и почитаемых в народе акынов-заманистов – Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча, которых уже не критиковала партийная советская печать. Безусловно, Д.Самаганов был прав, говоря, что Молдо Кылыча нельзя рассматривать в отрыве от основных заманистов. Реабилитировать Молдо Кылыча – это значит, реабилитировать всех заманистов. Именно с таким категорическим заявлением Д.Самаганов выступил на совещании, созванном в Академии наук республики в 1956 г. специально по творчеству Молдо Кылыча⁸⁷.

Совещанию предшествовала большая предварительная подготовка по изучению и анализу произведений всех кыргызских акынов-заманистов. В первую очередь – произведений Молдо Кылыча, как изданных, так и дошедших до XX в. в рукописях и отложившиеся в рукописных фондах республиканской Академии наук.

Итог «работы» можно охарактеризовать двустихием из кыргызского заманского фольклора, своего рода эпиграфом к заключению комиссии:

*Акыр заман салды эми,
Астын – устун кылды эми.
(Учинил он разгром,
Перевернул все вверх дном.)*

Характер оценки, а точнее переоценки, творческого наследия кыргызских акынов стал резко меняться после известных своей ортодоксальностью и бескомпромиссной жесткостью идеологических постановлений ЦК ВКП (б) второй половины 40-х годов, когда критике были подвергнуты выдающиеся деятели русской советской культуры – А.Ахматова, Б.Пастернак, Д.Шостакович и др. Возникает вопрос: какое отношение к советской литературе имела кыргызская акынская поэзия XIX – нач. XX вв.? В годы тоталитарного режима считалось, что «ошибки союзного масштаба» не могли не иметь места и в республиканских организациях. А потому, вслед за постановлениями ЦК ВКП(б) подобные вопросы рассматривались и в ЦК компартий союзных республик. Так, в 1947-1950-е годы и ЦК КП(б) Киргизии неоднократно, в свете московских постановлений, на своих заседаниях рассматривал состояние и перспективы кыргызской литературы, смещая акценты на нигилистическую критику. Было отмечено, что «в отдельных работах по литературоведению популяризовалось творчество реакционных акынов Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча. Изучение наследия народного творчества и эпоса «Манас» не было поставлено на глубоко научную основу»⁸⁸.

В 1947 г., 5 и 9 сентября, в ЦК КП (б) Киргизии состоялось заседание по работе Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР. Решение нетрудно было предсказать заранее: в свете известных постановлений ЦК ВКП(б) следовало найти ошибки и у себя, исправить их и на приведенных фактах «улучшить идеологическую работу в Киргизии». Это был типичный пример идеологических разработок, начиная сверху и до низовых партийных организаций. В преамбуле постановления ЦК КП (б) Киргизии прямо говорилось: «Институт не сделал для себя необходимых политических выводов и не извлек уроков из постановлений ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской парторганизации», «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской

работы в Башкирской парторганизации», в которых были указаны серьезные идеологические ошибки, допущенные отдельными историками и литераторами в освещении исторического прошлого татарского и башкирского народов». Делались выводы по совершенно разнохарактерным проявлениям жизни в идеологической сфере различных республик. И сразу же далее: «Институт медленно перестраивает свою работу в соответствии с постановлениями ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам и докладам тов. Жданова «О журналах "Звезда" и "Ленинград"»⁸⁹.

В постановлении ЦК КП(б) Киргизии подвергся критике и коллективный труд литературоведов «Очерки истории киргизской литературы», в котором якобы затушевывалась классовая борьба в Кыргызстане между неимущими и феодально-родовой знатью, а колонизация рассматривалась лишь сквозь призму «страданий». Автор раздела «Киргизская литература колониальной эпохи» Т.Саманчин (он же издатель произведений Молдо Кылыча в 1945 г.) подвергался уничтожающей критике за то, что в творчестве акынов дореволюционного периода не раскрыл социальную сущность их взглядов; что творчество Калыгула характеризовал только с положительной стороны; что не вскрыл противоречий в творчестве акынов Арстанбека, Молдо Кылыча и их последователей; что совершенно неправильно трактовал причины появлений в киргизской литературе так называемой поэзии «зар-заман» — «эпохи страданий».

Вплоть до конца 80-х годов Арстанбек и все его творческое наследие по сути было вычеркнуто из истории киргизской литературы. Очернение поэта имело место во всех официальных изданиях, в обобщающих научных трудах, в том числе и в «Истории киргизской советской литературы», «Истории Киргизской ССР», в монографиях и диссертациях по киргизской философии, истории, литературе, лингвистике. Для всех работ того периода характерна официальная оценка творчества Калыгула и Арстанбека: «...мировоззрение Калыгула и Арстанбека, живших при патриархально-феодальном строе, носило

религиозно-мистический характер. Эти акыны поддерживали феодально-аристократическую верхушку, содействуя укреплению ее авторитета в глазах униженных и обездоленных мелких скотоводов и земледельцев-букары, а также у племенных союзов»⁹⁰.

В указанном выше постановлении ЦК КП(б) Киргизии была отмечена и неудовлетворительная научная разработка эпоса «Манас».

В итоге директор Института языка, литературы и истории С.И.Ильясов (будущий академик) был освобожден от работы⁹¹. Вскоре серьезно пострадали Д.Шукуров – за исследование языка произведений Молдо Кылыча – «этого мистика и реакционного поэта XIX века»⁹², а также Т.Саманчин, Т.Байджиев и З.Бектенов – за исследования эпоса «Манас».

По неоднократным заявлениям научного сотрудника – «литературного стукача» Д.Самаганова, который «сигнализировал о серьезных недостатках в работе ряда учреждений и организаций идеологического фронта», эти вопросы были рассмотрены в ЦК Компартии Киргизии. В результате ведущие ученые-манасоведы Т.Саманчин, Т.Байджиев и З.Бектенов были репрессированы. Жесткой критике подверглись зам. председателя КиргФАНа СССР Д.Шукуров, директор Института К.Сооромбаев, лингвисты К.Карасаев и К.К.Юдахин за то, что «ни в печати, ни устно не выступали с разоблачением враждебной идеологии буржуазного национализма». Прозвучала критика, правда, не столь суровая, и в адрес редактора издания эпоса «Манас» 1946 г. – О.Джакишева. Эпос «Манас» издания 1941, а также 1946 и 1948 годов, в которых ответсекретарем редколлегии был О.Джакишев, изымался из обращения.

Прошли десятилетия, потребовалась многолетняя работа не одной комиссии, организация всесоюзной научной конференции, специально посвященной эпосу «Манас», чтобы эпос признали подлинно народным, чтобы реабилитировали невинно осужденных Т.Саманчина, Т.Байджиева (посмертно) и З.Бектенова, прекратили гонения на исследователей заманизма, чьи про-

изведения с конца 80-х годов стали занимать достойное место в кыргызской национальной культуре⁹³.

В середине 80-х годов были сняты все запреты на «закрытые» темы. В ноябре 1986 г. в Академии наук республики состоялось первое расширенное заседание специалистов, посвященное отношению к творчеству Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова. Организация такого совещания была вызвана тем, что готовился к изданию коллективный труд «История киргизской советской литературы». Но книга более года пролежала в типографии и издательстве из-за новых текстов литературоведа К.А.Асаналиева (автора специального раздела о деятельности Кылыча), так как Главлит (фактически отдел ЦК КП(б) Киргизии), т.е. официальный идеологический центр республики не давал разрешения на выход ее в печать. В обсуждении вопроса приняли участие писатели Ч.Айтматов, Т.Сыдыкбеков, академики К.К.Каракеев, В.П.Шерстобитов, А.А.Алтымышбаев, Б.О.Орузбаева, С.И.Ильясов, литературоведы К.А.Асаналиев, С.Д.Джигитов и другие ученые – историки и филологи.

Главлит Киргизской ССР не санкционировал включение в издание сведений о творчестве Молдо Кылыча и К.Тыныстанова, деятельность которых в разные годы была осуждена партийными органами. Была создана специальная комиссия под руководством академика Ч.Айтматова, и она вынесла следующее заключение:

- «а) М.Кылыч и К.Тыныстанов являются противоречивыми, проблематичными творческими личностями, обусловленными историческими условиями, в которых они жили и творили;
- б) Тем не менее они являются, каждый по-своему, началом истории киргизской литературы. М.Кылыч – началом рукописной (манускриптной) литературы, а К.Тыныстанов – началом новописьменной киргизской литературы;
- в) Исходя из этого, комиссия считает, что «Историю киргизской советской литературы» нельзя издавать без материалов о М.Кылыче и К.Тыныстанове;

г) А также комиссия утверждает, что материалы о М.Кылыче и К.Тыныстанове, помещенные в I томе «Истории киргизской советской литературы», вполне объективно освещают сложный и проблематичный характер этих поэтов и рекомендует опубликовать I том «Истории киргизской советской литературы» в представленном содержании о М.Кылыче и К.Тыныстанове»⁹⁴.

Несмотря на «ветер перемен», многие даже авторитетные люди еще опасались противоречить не отмененным идеологическим установкам. Ч.Айтматов высказал свое мнение по поводу этого заключения. «Методически оправдано стремление его авторов всесторонне подойти к оценке творчества М.Кылыча и К.Тыныстанова. Но я хочу обратить ваше внимание на следующее: эту оценку, даже если она и правильна, мы не можем изложить в крупном обобщающем издании, т.к. она противоречит официальной позиции по данному вопросу»⁹⁵.

Разгорелась жаркая дискуссия. Высказывались различные взгляды на творчество М.Кылыча и К.Тыныстанова, но все пришли к выводу, что игнорировать их и не публиковать вообще невозможно. В результате заседания было принято следующее решение:

1. Принять меры к скорейшему выпуску «Истории киргизской советской литературы». Для этого оставить в тексте лишь самую сжатую характеристику личностей и творчества М.Кылыча и К.Тыныстанова, указав при этом в подстрочнике, что Институт языка и литературы ведет изучение их творчества.
2. Поручить Институту языка и литературы подготовить ряд работ о творчестве М.Кылыча и К.Тыныстанова, а также публикацию их избранных произведений.
3. Просить директивные органы создать комиссию, которая могла бы подготовить материалы, дающие основание для возможного уточнения существующих ныне оценок творчества М.Кылыча и К.Тыныстанова»⁹⁶.

Эти заседания и принятое решение стали знаковыми, поскольку именно после этого началось планомерное и всестороннее изучение творчества акынов-заманистов.

Травмированная лингвистика

«Когда жизнь наша пройдет, пусть народ вспоминает нас по трудам нашим» – этим эпиграфом из Аалы Токомбаева, **непревзойденный киргизский лексикограф К.К.Юдахин** увенчал основной труд своей жизни – фундаментальный «Киргизско-русский словарь». Тернистый путь ученого при жизни лишь после его смерти обрел всю свою значимость и величие.

Сейчас его называют подвижником киргизской культуры – русским ученым, всю свою жизнь посвятившим сближению и взаимопониманию русского и киргизского народов через тонкие струны души – язык.

Начав по собственной инициативе составление первого в истории киргизско-русского словаря, для работы над вторым, уже русско-киргизским словарем, он привлек своих младших кыргызских коллег и учеников. Приступив к научной работе под руководством бескомпромиссного ученого с мировым именем Е.Д.-Поливанова, он всю жизнь был верен правде науки, не отступая от нее даже под жестким давлением партийно-административного аппарата, за что в конце концов и получил ярлык «киргизского националиста».⁹⁷

Внешне его жизнь протекала спокойно, без особых катастроф: постепенное восхождение по научной лесенке до профессора и академика, лауреата Государственной премии СССР. Внутренне она полна драматизма, сложных переживаний в отстаивании научных истин и человеческого достоинства.

О малоизвестных или неизвестных страницах судьбы и трудов ученого мы попытаемся рассказать на примере ранее не публиковавшихся документов из истории киргизской лингвистики.

В личном деле профессора Константина Кузьмича Юдахина, хранящемся в Архиве Национальной Академии наук Кыргызстана, хранится собственноручно написанных несколько автобиографий ученого.

Он родился в мещанской семье в г. Орске (быв. Оренбургской губернии). Детские годы провел в г. Аулие-

Ата (ныне в Республике Казахстан). Играя с казахскими и киргизскими сверстниками, еще в те годы практически овладел казахским и киргизским языками. После приходской и городской школы обучался в Ташкентской учительской семинарии, где в программу обучения входило изучение узбекского и таджикского языков. По окончании семинарии в 1918 г. работал четыре года школьным учителем в узбекских кышлаках Манкент и Карабулак (бывшем Чемкентском уезде Сырдарьинской области), что позволило ему закрепить навыки узбекского языка. Из-за материальной стороны жизни переехал в Ташкент, где устроился приказчиком в отделении торгового товарищества «Э. Циндель». С мая 1915 по сентябрь 1920 г. удалось побывать в городах Синьцзяна (ныне СУАР КНР) – Кашгаре, Урумчи, Чугучаке и Кульдже, то в качестве служащего частных предприятий, а то и учителем.⁹⁸ В эти годы он хорошо овладел уйгурским языком.

После возвращения в Ташкент осенью 1920 г. сразу же поступил в Туркестанский восточный институт (позднее – Восточный факультет САГУ), который окончил в 1925 г. по разрядам тюркской и иранской филологии. В университетский период К.К.Юдахин вместе со своим учителем маститым ученым-востоковедом Е.Д.Поливановым выезжал в диалектологические экспедиции и под его руководством по собранным материалам написал дипломную работу по узбекскому языку – «Некоторые особенности карабулакского говора». Она была напечатана в 1927 г. в Ташкенте в юбилейном сборнике в честь академика В.В.Бартольда. После защиты диплома (в июне 1925 г.) факультет командировал К.К.Юдахина в Ленинград для подготовки к дальнейшей научной деятельности. Здесь он был персонально прикреплен к проф. С.Е.Малову – главному специалисту по дешифровке древнетюркской (в том числе древнекиргизской) письменности. В Ленинграде он общался зачастую с крупнейшими лингвистами Е.Д.Поливановым, А.Н.Самойловичем и В.В.Радловым.

После сдачи контрольного доклада (нечто предшествующее аспирантуре) по узбекским диалектам и отзыва

научного руководителя С.Е. Малова, обучение считалось законченным. Одновременно К.К. Юдахин преподавал узбекский, киргизский и казахский (а позднее и уйгурский) языки в Ленинградском восточном институте (а затем и в ЛГУ), кроме того работал ученым секретарем Тюркологического кабинета, затем – старшим научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР. В 1932 г. К.К. Юдахин переехал в Москву, заведовал кафедрой уйгурского языка в Институте востоковедения до 40-х годов. Во время проживания в Ленинграде, а потом и в Москве часто выезжал в научные командировки за Урал и в Среднюю Азию. В 1927 и 1928 гг. для сбора лингвистического материала приезжал в Ош и Каракол, в 1938 г. – в Башкирию (Курималовский район). Во время командировок собирал материалы по узбекскому, киргизскому и казахскому языкам и их говорам. В конце 20-х годов он даже опубликовал «Узбекско-русский словарь» (1927 г.), затем – «Уйгурско-русский словарь» (1928 г.).

С этого времени фактически и началась его многолетняя работа по составлению киргизско-русского словаря, что стало основным делом всей творческой жизни ученого. К работе над словарем он приступил еще в 1925 г. В предисловии к первому киргизско-русскому словарю писал, что поводом для собирания киргизской лексики послужила его работа по расписыванию 5-го тома «Образцов» В.В.Радлова в связи с задуманным в 1925 году переизданием знаменитого Радловского словаря.⁹⁹ Источником для будущего словаря помимо материалов В.В.Радлова, ученый использовал еще в те годы очень малочисленные произведения художественной литературы, журналы, газеты, фольклор и собственные записи образцов разговорной речи. К.Юдахин ориентировался на тип переводного объяснительного словаря, причем он учитывал особенности бытового уклада, хозяйственной жизни, социальных традиций киргизского народа.

Важную роль в каждой словарной статье киргизско-русского словаря играет иллюстративный языковой

материал. По замыслу К.К. Юдахина он был призван «подтвердить наличие в языке данного словаря или отдельного его значения... пояснить его употребление в определенном грамматическом оформлении... показать стилистическую окраску»¹⁰⁰ слова.

Рукопись «Киргизско-русского словаря» была завершена уже к 1935 г.

В годы войны К.К. Юдахин эвакуировался в г. Фергану, где также преподавал в пединституте уйгурский язык и продолжал пополнять свою словарную картотеку южных говоров кыргызского языка. В середине 40-х годов он окончательно переехал на жительство в г. Фрунзе, где остался трудиться до конца своих дней.

Как отметил в своей автобиографии К.К.Юдахин в своей автобиографии единственной причиной, заставившей его оставить кафедру в престижном пединституте всесоюзного значения в Москве, являлось его «желание целиком посвятить себя изучению кыргызского языка и активно участвовать в культурном строительстве кыргызского народа» Здесь он работал зав.сектором кыргызского языка ИЯЛИ Кир. ФАН СССР, зав. сектором языка и словарей ИЯЛИ АН Кирг. ССР, затем там же старшим научным сотрудником словарей и терминологии (но тяготился административной работой), профессором кафедры кыргызского языка пединститута (затем Киргосуниверситета).

Вспоминая прошлое и проделанное за этот период, К.К.Юдахин писал: «С первых дней создания киргизской письменности после Октябрьской революции и до последних дней принимаю активное участие в разработке связанных с ней (письменностью) вопросов. Ни один сколько-нибудь существенный этап в развитии киргизской письменности не проходил без моего непосредственного участия».¹⁰¹ И это не было преувеличением. Действительно, многие годы жизни и научного труда ученого-подвижника К.К.Юдахин посвятил киргизской лингвистике и лексикологии, составлению киргизско-русского и русско-киргизского словарей, что явилось

главным делом всей его последующей жизни и что вполне заслуживает более подробного изложения далее.

Вот как оценивалась деятельность Константина Кузьмича заведующего сектором словарей Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН ССР, заслуженного деятеля науки Киргизской ССР его блестящей служебной характеристикой за подписью Председателя Президиума Кирг. ФАН АН ССР, акад. К.И.Скрябина:

«Профессор К.К.Юдахин является одним из лучших знатоков тюркских языков Средней Азии и Синьцзяна, в совершенстве владея киргизским, узбекским, уйгурским, казахским языками.

Круг научных интересов К.К. Юдахина охватывает как вопросы общей тюркологии, так и грамматики, лексики, диалектологии и иранских народов.

При непосредственном участии и под руководством К.К.Юдахина была разработана система киргизской письменности (алфавит и орфография), как в 1924 г., так и в 1940 г., когда состоялся перевод киргизской письменности на новый алфавит, построенный на основе русской графики. Предложенные К.К.Юдахиним решения вопросов киргизской орфографии оправдались на практике и получили широкое внедрение в работе киргизской школы.

Под руководством и при участии К.К.Юдахина разрабатывались так же вопросы терминологии киргизского и уйгурского языков. К.К.Юдахиним были отредактированы подстрочные переводы произведений Токтогула и несколько десятков тысяч стихотворных строк эпоса «Манас». В документе особо отмечено, что «наряду с такой многообразной и большой работой К.К.Юдахиним создано два капитальных труда, имеющих большое значение в деле развития культуры киргизского народа: 1) Киргизско-русский словарь и 2) Русско-киргизский словарь (этот словарь составлен в соавторстве с Карасаевым и Шукуровым)».¹⁰²

Не будучи членом партии, К.К.Юдахин принимал активное участие и в общественной жизни, не ограни-

чивая ее только стенами Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ), или даже Кир. ФАНа АН СССР в целом. Он являлся еще членом Коллегии и Председателем Методической комиссии при Министерстве просвещения Киргизской ССР, и членом Президиума Республиканского Комитета союза высших школ и научных учреждений, а так же членом объединенного Ученого совета Института языка, литературы и истории и археологии Академии Наук Казахской ССР. Это так же было отмечено в характеристике, хотя можно только удивляться, как это оказывалось возможным совмещать с огромной кропотливой научной работой даже столь трудолюбивого ученого.

Признавая, что со служебной работой в качестве заведующего сектором он «вполне справляется», «объективности ради» в этом же документе было отмечено, что «тов. Юдахин не возглавил активную пропаганду учения Марра Н.Я. среди молодых сотрудников института ИЯЛИ, а также болезненно воспринимает критику его научной продукции».

Относительно отмеченных «недостатков» в отзыве на работу и личность К.К.Юдахина сделанным всемирно-известным ученым-гельминтологом, акад. К.И.Скрябиным можно однако сказать следующее: *Во-первых*, он либо не разобрался досконально в силу весьма большой отдаленности своих научных интересов в сущности учения Н.Я.Марра о языке, либо скорее всего посчитал необходимым не вступать в противоречия с его официальной оценкой партийными идеологами, широко пропагандируемой в то время с высоких трибун и в центральной и республиканской печати. *Во-вторых*, сам К.К.Юдахин в отличие от своего учителя Е.Д.Поливанова – яркого и открытого противника квазинаучного марристского учения о языке, соглашаясь в душе со своим наставником Поливановым, занимавшимся общими проблемами языкознания, корректно не высказывался публично об этом, фактически игнорируя лингвистическую концепцию Н.Я.Марра. *А в-третьих*,

столь чувствительная реакция со стороны К.К.Юдахина на некомпетентную критику своих работ объяснялась тем, что в результате мелочных придирок и замечаний дилетантов в течение полутора десятка лет тормозилось издание его трудов, что буквально выводило из душевного равновесия и более того из рабочего состояния уже далеко немолодого ученого.

Первая рукопись киргизско-русского словаря К.К.Юдахиным была завершена к 1935 г., через десятилетие после начала работы над ней. Ее Юдахин повез в Киргизию. 17 сентября 1935 года заведующая сектором словарей Государственного института «Советская энциклопедия» Красная сообщила секретарю Кир. Обкома М.Л. Белоцкому, что в портфеле редакции имеется готовая к печати рукопись киргизско-русского словаря. Редакция просила «весь отредактированный материал высылать только с визой обкома ВКП (б) на «печатание», высылать только спецпочтой с одновременным оповещением об отправке автора и редакции».¹⁰³

В Кыргызстане рукопись словаря, привезенная лично дорожившим ею составителем в единственном экземпляре, была роздана для чтения и рецензирования группе кыргызских специалистов, причастной к литературе и издательской деятельности: поэтам Д.Боконбаеву и А.Токombaеву, писателям К.Баялинову и У.Джакишеву, переводчику С.Чолокову и другим.

Судя по сохранившимся архивным материалам, с рукописью ознакомился и работавший уже более года в Кыргызстане известный советский лингвист проф. Е.Д.Поливанов – в прошлом научный руководитель еще дипломной работы К.К.Юдахина в Среднеазиатском университете. В письме первому секретарю Кир. Обкома М.Л. Белоцкому 20 декабря 1935 г. Е.Поливанов дал следующее заключение на рукопись:

«... Киргизско-русский словарь Юдахина представляет настолько ценную, исключительно ценную работу (сравнимую лишь с якутским словарем Пекарского и

осетинским словарем Миллера), что ставить преграды опубликованию этого словаря непростительно. Всякая дальнейшая правка словаря – кроме, конечно, политконтроля – будет излишней задержкой. Я полагаю, что до отъезда тов. Юдахина нужно было бы санкционировать словарь к печати».¹⁰⁴ В том же письме М.Л.Белоцкому Е.Д.Поливанов замечал по поводу сроков издания словаря:

«Что же касается составления русско-киргизского словаря, то тут я расхожусь с тов. Юдахиним и считаю, что словник этого словаря мог бы быть составлен (и в менее долгий срок) на месте, то есть во Фрунзе, то есть незачем перебрасывать составление словника в Москву. При определенных условиях планирования рабочего времени я бы готов был взяться за эту работу с одним или двумя сотрудниками. Не поймите это так, будто я ищу к себе на грузки (у меня и так много заказов), но для того, чтобы ускорить дело по составлению этого русско-киргизского словаря, я прибавил бы себе и эту на грузку».¹⁰⁵ На письме резолюция карандашом: «Побеседовать с Юдахиним».¹⁰⁶

Евгений Дмитриевич Поливанов, будучи практически полиглотом (знал более 18 языков, а лингвистически, как сам отмечал, много больше, среди них – европейские, японский, китайский, тюркские и др. языки), был широко известен в стране (а еще больше, пожалуй, за рубежом) как авторитет в сравнительном языкознании. Он был главным оппонентом яфетической теории Н.Я.Марра о языке, которая признавалась тогда вершиной марксистского языкознания. Поэтому буквально восторженный отзыв Е.Д.Поливанова на словарь К.К.Юдахина сыграл скорее для него и для дела больше отрицательную, чем положительную роль. Тем временем редакция словарей решила все же добиться официального заключения руководства парторганизации Киргизии, которого М.Л.Белоцкий так и не дал.

Через полгода – 3 июня 1936 г. уже новый зав. сектором словарей Государственного издательства Совет-

ской энциклопедии Миланов обращался в адрес Киргизского обкома ВКП(б) с просьбой дать окончательное заключение на рукопись К.К.Юдахина: «Прежде чем сдать в набор киргизско-русский словарь, редакции Словарей ГИСЭ необходимо иметь Ваш письменный отзыв о нем».¹⁰⁷

Но обком отзыва не давал и работа над словарем в редакции приостановилась.

В августе 1936 г. К.К.Юдахин пишет письмо в редакцию Словарей и копию в Кир. Обком ВКП(б) во Фрунзе.

«19.VII.с.г. т. Страунян сообщил мне, что работа по просмотру рукописи киргизско-русского словаря временно прекращена. Мотивировал это т. Страунян так:

1. Полиграфическая база не подготовлена к печатанию словаря.
2. Необходимо согласовать с отделом печати ЦК ВКП(б) списка слов и выражений, которые, по мнению, Редакции, должны быть изъяты из Словаря.

Первый мотив меня интересует мало (едва ли он соответствует действительности), а второй – очень. С своей стороны я представляю в ЦК (через Кир. Обком) все материалы, относящиеся к истории вопроса и характеризующие мои бесконечные мытарства, русского словаря, на который у меня ушло 10 лет жизни.

Надеюсь доказать редакции:

1. что рукопись находится не в безраздельном владении редакции, но что я как автор имею на нее какое-то право,
2. что Кир. АССР имеет (вопреки мнению редакции) отношение к содержанию киргизско-русского словаря,
3. что каждый язык и работа по нему имеют свою историю, а потому нельзя стричь под одну гребенку киргизско-русский словарь и, скажем, французско-русский.

Я уверен, что в результате обращения в ЦК ВКП (б) мы будем иметь 1) принципиальную постановку вопроса о национальных словарях и 2) избавление их авто-

ров от бесконечного количества редакторов (грамотный редактор сохранит свое значение, а от малограмотных и безграмотных мы будем избавлены).

Убедительно прошу Вас копию списка слов и выражений, предназначенного к изъятию, направить в Кир. Обком ВКП(б).

2 августа 1936 г., К.Юдахин.»¹⁰⁸

Параллельно ученый работал и над русско-киргизским словарем, выражая обеспокоенность по поводу задержек со стороны киргизских коллег. Он пишет письмо заведующему отделу школ и науки Кир. Обкома ВКП(б):

«Уважаемый Джумабаев!

Самой основной и наиболее важной моей работой по Киргизии на 1936-1937 гг. является киргизско-русский словарь. Думаю, что эта работа является наиболее важной не только в плане моих работ, но и, пожалуй, в плане всего языкового строительства Кир. АССР, на данном этапе.

Теперь, когда киргизская школа обеспечена элементарными учебниками по языку, наиболее выгодными и самыми отсталыми являются терминология и переводческая работа. Русско-киргизский Словарь должен быть основным пособием в обоих вопросах. Учитывая это, я поднял вопрос. Киргизия как будто пошла мне в этом деле навстречу, пообещав мне полную поддержку. Главную роль в этом деле должен сыграть научно-исследовательский институт. Так было на словах. А на деле? На деле, к сожалению, выходит иначе. Приведу факты.

Для перевода Словника институт наметил 3 человека – Саманчин, Юнусалиев и Карасаев. Список переводчиков, как мне сказали. Согласован с Вами. Вся работа должна вестись в Москве, а материал по мере его накопления должен посылаться в Обком и далее в редакцию. Работу предположено начать в первой половине октября...

Неужели Институт не обязан мне помочь? Если так, то лучше отказаться от работы...»

Джумабаев ответил лишь лаконичной телеграммой:
«Письмо получил. Карасаев выехал».¹⁰⁹

Но тогда словарь так и не был издан. Приостановилась работа над русско-киргизским словарем. Репрессии нарастали, со страниц всех печатных изданий, включая прессу, исчезали имена, термины, фамилии видных ученых языковедов и др. представителей творческой интеллигенции, причисленных НКВД к «врагам народа».

Крайне раздосадованный молчанием партocrats К.К. Юдахин, вымотанный всевозможными проволочками и переделками, написал в полном отчаянии письмо в Киробком ВКП(б). Этот документ – свидетельство большой научной гражданственности автора, крик души за дело, необходимое для республики, неожиданно зашедшее в тупик по непонятным для автора причинам.

Воспроизведем его полностью, так как письмо представляет важный исторический документ – в нем хроника создания словаря, мытарства автора и человеческая боль за культуру народа, которому К.К. Юдахин посвятил всю свою жизнь:

«Август 1935 г.; Киробком ВКП(б).

Уважаемые товарищи!

Из копии моего письма от 2. VIII на имя РС (Редакция словарей). Вы знаете, что работа по подготовке к набору киргизско-русского словаря прекратилась.

Мытарства, связанные с продвижением словаря к печатному станку до того издегали меня, что я решил похоронить рукопись, над которой упорно сидел 10 лет. Продолжать борьбу у меня нет больше сил. Чтобы было ясно, что это не каприз, ниже излагаю всю историю работы над словарем.

В 1926 г. при Академии наук СССР была начата работа по подготовке к переизданию словаря В.В. Радлова. Все наличные тюркологические силы приняли участие в этой большой и ценной, но, к сожалению, до конца не доведенной работе. Каждый взял на себя проработку одного из памятников, лексический материал которых

было предложено включить в словарь. Я обязался проработать V-й т. «Образцов» В.В. Радлова, посвященный киргизскому языку. К этому времени относится начало моего детального изучения киргизского языка.

В материалах Радлова оказалось много неясных для меня мест. Для выяснения этих неясностей я начал выборку лексики из киргизской печати. Когда же и этого оказалось недостаточным, я поехал в Киргизию: в 1927 в Ош и в 1928 г. в бывший Каракольский кантон. В результате этих занятий у меня накопилось около 120000 слов (У-й т. «Образцов» Радлова едва дает 3000 слов).

В 1928 г. Кирнаркомпрос, узнав о моей работе предложил мне расширить ее и дать, независимо от словаря Радлова, киргизско-русский словарь объемом до 20 печатных листов. В помощь мне был рекомендован т. Карасаев (ныне научный сотрудник КНИИЯП)¹¹⁰. С осени 1928 г. по 1930 г. я работал над словарем совместно с т. Карасаевым. Затем т. Карасаев, по объективным причинам, от работы отошел¹¹¹, и я продолжил ее один.

В качестве материала, кроме «Образцов» Радлова и моих собственных записей, привлекалось все, что выходило на киргизском языке – газеты, журналы, художественная литература (тогда еще очень слабая) и фольклор. Постоянное общение с киргизским студенчеством давало мне возможность пополнять словарь лексикой и фразеологией разговорного языка.

Систематическое пополнение словаря продолжалось до 1935 года, когда был заключен договор с РИС (Редакция иностранных словарей) на издание словаря.

До заключения договора на рукопись было дано три отзыва: 1) И.А. Батманов и А. Шабданов, 2) К. Тыныстанов и 3) А.М. Сухотин.

При заключении договора характер источников и состав киргизского словника были известны, а потому о нормативности словаря (в части его киргизского словника) не могло быть и речи. Предполагалось, что словарь должен служить пособием не только при практическом изучении киргизского языка, но и для научной

работы над ним. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с «Инструкцией по составлению и подготовке к набору киргизско-русского словаря».

В начале 1934 г. для окончательной обработки рукописи РИСом¹¹² были выделены тех. ред. т. Вентцель и политред. т. Саманчин (ныне отв. Секретарь Кирг.ЦК). В мае того же года обработка рукописи была закончена. Отметим, что рукопись была обработана людьми, поставленными не мною, а Редакцией и работавшими по ее установкам. Подготовленная к печати рукопись лежала в РИС до весны 1935 г. (т.е. год). К этому времени рукопись разрослась уже до 45 печатных листов (против первоначальных 20). Как во время обработки рукописи, так и во все последующее время я продолжал исподволь просматривать киргизские издания и собирать словарный материал.

Весной 1935 г. в РС мне заявили, что без визы Кирг. Обкома словарь печатать нельзя. Посылать единственный экземпляр рукописи по почте я не мог, т.к. в 1932 г. уже был случай пропажи на почте примерно 7 печ. листов, восстановление которых по картотеке потребовало от меня 4 месяца работы, а потому я решил везти во Фрунзе рукопись сам.

Для просмотра Кир. Обкомом была создана специальная комиссия в составе семи человек, которая работала 3 месяца. В начале января с.г. одобренная рукопись возвратилась в РС.

За это время орфография рукописи успела устареть, исправление орфографии потребовало значительной технической обработки рукописи и частичной ее переписки.¹¹³

РС, не удовлетворившись редактированием, произведенным в Кир. Обкоме, решили проредактировать рукопись еще раз. В качестве редактора киргизской части был приглашен студент московского Института востоковедения т. Токбаев, мой ученик по уйгурскому языку.

Ко мне тов. Токбаев относился и относится очень хорошо, но беда в том, что он киргизским языком никогда не занимался и по-киргизски малограмотен.

Кроме тов. Токбаева за киргизским текстом следила тов. Тохтамышева, по национальности татарка, а по квалификации – переписчица ниже средней руки.

Русскую часть редактировали тт. Страуян (писатель) и Харитон. Т.о. словарь за это время подвергся рецензированию три раза, редактированию три раза и переписке пять раз. Одного этого достаточно, чтобы работа успела надоесть автору.

Перехожу к самому главному – к взаимоотношению между автором и редакторами. Если взять объективное отношение ко мне моих многочисленных редакторов, то они были неизменно благожелательными (если не считать последнего времени работы в РС, когда дело дошло до открытого конфликта). Что же касается чисто деловых взаимоотношений, то они оставляют желать лучшего. Ненормальность этих отношений заключается в следующем:

1. РС считает себя полным хозяином рукописи и совершенно отказывается понять тот простой факт, что за качество словаря отвечает не только РС, но и его составитель.
2. РС считает, что любой киргиз, независимо от его квалификации, может быть редактором киргизско-русского словаря. При этом мнение редактора, если он на нем настаивает, принимается как непреложная истина.
3. Редактора РС допустили крайне неблагоприятное отношение к рукописи: вносили исправления тайно от меня...

... Я редакцию предупреждал об опасности внесения в словарь какие бы то ни было поправки без согласования со мной. Мне твердо было обещано не делать этого. Однако, когда на одном из редакционных заседаний (уже после того, как наши отношения обострились) я указал на недопустимость поведения сотрудников Редакции, мне на это ответили, что Редакция вправе вносить в рукопись все изменения, какие они находят нужным.

Решение прекратить работу по подготовке словаря к набору вызвано, как мне сообщил т. Страуян, необ-

ходимостью согласовать с отделом печати ЦК ВКП (б) список слов и выражений, которые, по мнению РС должны быть изъяты из словаря (второй мотив – неподготовленность полиграфической базы – несерьезен).

Я указывал на необходимость послать копии этого списка в Кирг.Обком ВКП (б), но РС смотрит на вопрос иначе (об этом ниже). Что же содержит в себе этот «черный список»? Показать списки мне, несмотря на мои настойчивые просьбы, отказались, но характер его мне известен (если не произошло каких-либо изменений после «разрыва»). Список этот заключает в себе киргизские слова и выражения, которые в РС признали неприличными, а потому в словаре недопустимыми...

Всем этим я не хочу сказать, что у меня было хорошо, а РС делает только плохое. Нет, не в этом дело. Дело в том, что я измучен всеми просмотрами и придирками и над словарем больше работать не могу.

Я бы мог утешаться тем, что это безобразное отношение испытывает на себе не только киргизский словарь, но и словари других национальных языков (напр. аварорусский и уйгурско-русский), но это плохое утешение.

В заключение заявляю, что я сделал большое, очень полезное и очень нужное дело (этого никто не отрицает), но не имею возможности сделать его доступным для Кирг. АССР. Проработав десять лет, я дал рукопись киргизско-русского словаря. Если Киргизия нуждается в нем, прошу принять меры к его изданию. Я бессилён что-либо сделать.

Фрунзе 31.VIII.36. С приветом К.Юдахин»¹¹⁴

Письмо, которое ранее не публиковалось, имеет самостоятельную научную значимость, как весьма ценный научный и личный документ истории своего времени, почему мы его полностью и воспроизвели.

4 сентября 1936 г. И.А.Батманов, как и.о. директора НИИКЯП обращается в отдел школ и науки Кир. Обкома с предложением утвердить тт. Саманчина, Карасаева и Юнусалиева в качестве переводчиков и т.Юдахина в качестве редактора русско-киргизского полного словаря.

5 сентября Джумабаев и секретарь Кир. Обкома дали на это предложение свое согласие.¹¹⁵

Но на этом мытарства К.К.Юдахина с рукописью не закончились. Прошло еще 4 года, пока Словарь (авторы К.К.Юдахин, Х.К.Карасаев, Д.Шукуров) – накануне войны – дошел до читателя. В результате 10-летнего кропотливейшего труда его автором впервые была собрана лексика киргизского языка, систематизирована и обработана в виде «Киргизско-русского словаря»...

Эта работа К.К.Юдахина по содержанию своему выходит за рамки словаря, так как содержит в себе в качестве иллюстративного материала свыше двух тысяч неопубликованных ранее поговорок и пословиц; содержит много грамматических и этнографических комментариев. Благодаря этому, киргизско-русский словарь К.К.Юдахина по существу является еще и сборником киргизского фольклора.¹¹⁶

В 1940 г. московским Госиздательством иностранных и национальных словарей был, наконец-то, издан «Киргизско-русский словарь» К.К.Юдахина объемом 57,5 п.л., содержащий 25 тыс. слов. Словарь, рассчитанный на широкий круг общественности, интеллигенции, а также ученых-тюркологов. По своему содержанию, богатству и разнообразию иллюстративного материала не имел себе аналогов не только в советской, но и зарубежной лексикографии. Блестящие отзывы о нем появились в Польше (проф. А.Зайанчковский), в ФРГ (проф. А.Габен), Финляндии (проф. М.Рясенин), он был переведен на турецкий язык.¹¹⁷ В целом этот словарь получил очень широкое признание лингвистов тюркологов, но особенно высоко труд ученого был оценен в соответствующих научных кругах Кыргызстана и России.¹¹⁸

Вторым этапом научного творчества стал уже «Русско-киргизский словарь», подготовленный и К.К.Юдахиним в соавторстве со своими младшими коллегами – К.Карасаевым и Д.Шукуровым, изданным также в Москве в 1944 году. Он «содержит более сорока тысяч слов и является не только синонимическим, но в значитель-

ной мере и толковым, так как в нем раскрывается значение многих общественно политических слов и технических терминов. В нем нашли место такие идиоматические выражения и русские поговорки и пословицы. Составители словаря не имели опыта своих предшественников, так как подобных словарей для киргизского языка до сих пор не было составлено». Так предельно понятно было сказано о значимости этого труда, созданного под руководством К.К.Юдахина и изданного под его редакцией в одной из характеристик на ученого. И далее «Помимо огромной плодотворной работы в области киргизской лексикологии и орфографии, К.К.Юдахиным изучены южные диалекты киргизского языка. Под руководством К.К.Юдахина выросли научные кадры, работающие в области киргизского языка, например кандидаты наук К.Карасаев, И.Батманов и др. Научная разработка киргизской грамматики и диалектологии в течение ряда лет ведется под руководством К.К.Юдахина. С полным правом можно считать, что им создана в Киргизии своя научная лингвистическая школа. Помимо этого, К.К.Юдахин ведет педагогическую работу в Киргоспединституте, а также руководит там аспирантами специализирующимися по киргизскому языку.

За работу в области киргизского языка К.К.Юдахину присвоено в 1940 г. почетное звание заслуженного деятеля науки Киргизской ССР, а в 1947 г. К.К.Юдахин награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1942-1945 гг.».¹¹⁹

К ученому приходят давно заслуженные широкие научные признания. К.К.Юдахин утверждается профессором, он становится доктором наук, избирается членом-корреспондентом Узбекской и действительным членом Киргизской Академии наук (18 декабря 1954 г.).¹²⁰ Он активно продолжал заниматься диалектологией, лексикографией, сравнительным языкознанием тюркских языков.

В характеристике на К.К.Юдахина, подписанной бывшим директором Киргизского института истории, языка

и литературы Киргизского филиала АН СССР, известным поэтом Аалы Токомбаевым, говорилось: проф. К.К.Юдахин проделал огромную работу в Киргизии: на протяжении всего времени был постоянным руководящим и ведущим работником в области культурного строительства республики, вырастил и воспитал значительную часть кыргызской интеллигенции; под его непосредственным руководством подготовлена основная часть лингвистов, литературоведов и фольклористов из среды кыргызского народа. Прекрасный знаток края, его истории, быта, языка и фольклора. Автор первого полного «Кыргызско-русского словаря», охватившего все языковые богатства кыргызского языка; инициатор, организатор и один из авторов и редактор «Русско-кыргызского словаря» – ценнейшего пособия при изучении русского языка широкими слоями кыргызского народа, приобщения его к «союзной» и мировой культурам.

С 1955 г. он работал профессором кафедры кыргызского языка в Кыргызском Государственном университете, в 1961 г. был избран почетным членом Международного общества алтаистики.

До конца своих дней – 22 марта 1975 г. – он продолжал работу над словарями.

В 1965 г. существенно доработанный и расширенный до 40 тыс. слов (160 п.л.) «Кыргызско-русский словарь» издан вторым изданием, а автор через два года удостоивается звания лауреата Государственной премии СССР в области науки и техники.

Казалось бы, триумф полный: истина в науке победила. Труды эрудированного ученого по заслугам оценили в научных кругах, да и сам он остался не только жив после репрессий, потрясавших в эти годы страну, но и получил научное и общественное признание.

Однако, неутомимый К.К.Юдахин не успокоился. После завершения Словаря, он написал в предисловии к новому изданию, что теперь считает своим долгом перед кыргызоведением и перед дореволюционной кыргызской культурой провести столь же тщательное исследование дореволюци-

онной киргизской письменности и ее языка.¹²¹ Этими проблемами К.К.Юдахин начал заниматься параллельно с подготовкой второго издания словаря, особенно уповая на наступившую было «оттепель» в науке после развенчания культа личности И.В.Сталина. И... просчитался.

Парадокс заключался в том, что согласно партийным идеологическим установкам считалось, будто киргизский народ до революции не имел своей письменности (она являлась, якобы, достижением лишь советской власти), что до революции не было киргизской письменной литературы, а отдельные авторы-писменники причислялись к буржуазным националистам, якобы не имеющим ничего общего с народной культурой. В результате идеологическому порицанию и научному остракизму подверглась вся дореволюционная лингвистика и литература.

И это несмотря на то, что были известны и сохранились документы, написанные киргизами и в XVIII и в XIX веках, изданные до революции киргизские поэтические произведения и труды Молдо Кылыча и Осмоналы Сыдыкова. Непререкаем был постулат, что все достижения в области письменности и художественной литературы явились лишь результатом деятельности советской власти. Всякое инакомыслие пресекалось цензурой и каралось партийными органами.

Показательна в этом плане сентенция трех киргизских академиков, еще в 1972 г. заявлявших: «Как известно, во многих партийных документах, в том числе в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» отмечается, что более 40 национальностей и народов СССР обрели свою письменность в годы советской власти... 7 ноября 1924 года, как известно, вышел первый номер газеты «Эркин-Тоо». Эту дату у нас принято считать началом киргизской письменности. И это действительно так».¹²²

Статья была явно заказная, юбилейная, направленная на то, чтобы как-то упредить «ученых-ревизионистов», уже начавших выступать против такого узко

идеологического восприятия культурного наследия кыргызского народа. К этим «упрямым» ревизионистам как раз и относились К.К.Юдахин и его друзья опальные коллеги-академики Б.М.Юнусалиев, проф. К.Карасаев, доц. Д.Шукуров, другие известные ученые лингвисты. В их руках были письменные документы и поэмы, созданные до революции, они вступились за судьбу и литературно-художественное наследие видных деятелей кыргызской культуры Молдо Кылыча и репрессированного Касыма Тыныстанова, объявленных в свое время проповедниками «упадничества» и феодально-буржуазной идеологии, «националистами». Юдахин и его единомышленники не могли открыто публиковаться, но выступали на академических собраниях и писали обоснованные (как им казалось) письма в партийные органы, вплоть до самых высших их инстанций.

Будучи сам правдолюбом, К.К.Юдахин, поверив решениям XX съезда КПСС, осудившего культ личности И.В.Сталина и массовые репрессии, смело выступил за реабилитацию первого кыргызского профессора, автора первых учебников по киргизскому языку, ученого-лингвиста Касыма Тыныстанова.

К.К.Юдахин знал ученого, никогда не верил, что тот был «врагом народа» и «буржуазным националистом» и вместе со своим другом, академиком Б. М.Юнусалиевым смело поднял свой голос в защиту репрессированной науки и ученых – безвинных жертв тоталитаризма.

И оба – К.К.Юдахин и Б.М.Юнусалиев сами были за это объявлены «киргизскими националистами». Это произошло в конце 1950 г. – начале 1960-х годов. Четверть века до этого обоих бы арестовали и расстреляли. Теперь же их просто «заклеймили» партийным ярлыком «буржуазный националист», ограничили в выступлениях и публикациях, подвергли научному ostracismу.

Так, русский ученый К.К. Юдахин стал «кыргызским националистом».

Неустанно добываясь правды К.К.Юдахин обращался во все партийные инстанции, вплоть до ЦК КПСС и лич-

но к Н.С.Хрущеву. В начале 1961 года он направил большое письмо Хрущеву, в котором отмечал, что за хлопоты о культурном наследии киргизского народа и его лидеров сам был объявлен «буржуазным националистом»¹²³.

12 апреля 1962 г. в письме к своей племяннице Екатерине Петровне К.К.Юдахин сообщал: «Мое письмо Хрущеву, говорят, обросло чуть не целым томом материалов. Заключение, как я слышал, уже сформулировано. Оно целиком в мою пользу. Думаю, что скоро я перестану ходить в «националистах». А если так, то и остальные, которых оклеветали спекулянты на идеологии, тоже очистятся». Однако из Москвы ответ так и не пришел.

Тогда 30 августа 1962 года К.К.Юдахин отправил второе письмо Н.С.Хрущеву, где отмечает: «...что только компетентная и беспристрастная комиссия может помочь правильно решить большой и принципиальный вопрос, хотя он и касается маленького культурного наследия небольшого народа». В отношении же себя К.К.Юдахин добавил, что «приговор» ему был вынесен заочно и без предъявления обвинений.

В сентябре Д.А.Поликарпов (зав. Отделом культуры ЦК КПСС) по телефону сообщил Юдахину, что письма рассматриваются. Ответы все не приходили. Следующее письмо было адресовано уже Д.А.Поликарпову: «меня очень беспокоит судьба двух моих писем... За все время с XX съезда и до сих пор ни руководство республики, ни республиканская печать ни единым словом не обмолвились. Да и по своей воле не будут говорить об этом. Будем откровенны. Я прямо заявляю, что ни на какой пересмотр своего решения наше руководство добровольно не пойдет». Д.А.Поликарпов был из старой сталинской гвардии, он верил в то, что партия и государство выше всех людей, а тем более отдельного человека. И не от него было ждать решения поднимаемых К.К.Юдахиним вопросов. Это о нем в свое время сказал Евгений Евтушенко в воспоминаниях «Плач по цензуре» – он был мастодонтом сталинской эры, трагически попавшим каким-то чудом в эпоху первоначального разложения всего того, чему ревностно служил.

Время шло, а к ученому не только не прислушались, но на него самого начались гонения. Последнее письмо в Центр было адресовано академику Л.Ф.Ильичеву, секретарю ЦК КПСС по идеологии.

«Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

На старости лет я кажется решил превратиться в «сутьягу». В начале 1961 года я обратился с большим письмом к товарищу Н.С.Хрущеву. Не получая ответа больше года, я 30 августа 1962 года напомнил о себе коротеньким письмом. В сентябре мне позвонил т. Д.А.Поликарпов и сказал, что мои письма рассматриваются. До декабря я ждал результатов рассмотрения. Тщетно. 2 декабря я написал т.Поликарпову: ответа нет. Теряясь в догадках, решил беспокоить Вас... Я очень прошу Вас, Леонид Федорович, ознакомиться с упомянутыми моими письмами. Ведь я единственный из многомиллионного русского народа **официально** признанный «буржуазный националист». Уже один факт должен вызвать интерес.

Близится к концу моя большая многолетняя работа по современному киргизскому языку. Хочется закончить ее в спокойной обстановке, избавившись от сердечных капель и разных уколов.

*С искренним уважением и надеждой К.Юдахин.
28 февраля 1963 год.»*

А в последнем письме от 19 декабря 1963 года к Д.А.-Поликарпову К.К.Юдахин писал: «Моя «вина» в том, что я позволяю себе «сметь свое суждение иметь». От этого принципа отказываться не собираюсь».

Не получив поддержки в Центре, оказавшись без внимания и понимания в республике, ученый весь с головой погрузился в сугубо академическую научную деятельность.

В 1963 г. в связи с республиканскими празднованиями по случаю 100-летнего юбилея «добровольного вхождения Киргизии в состав России» К.К.Юдахину предложили заполнить наградную анкету. Он отказался, заявив, что «о награждении националиста и речи быть не может».¹²⁴

Полностью разочаровавшись в «партийной справедливости», больше ни в Центр, ни в местные партийные органы, беспартийный К.К.Юдахин уже не писал. Обращение его научных коллег, коммунистов А.Токомбаева, Б.Юнусалиева, К.Маликова, Б.Керимжановой, Ш.Уметалиева к новому секретарю ЦК КПСС Л.И.Брежневу с тем, чтобы в республике разобрались с несправедливой оценкой культурного наследия киргизского народа и сняли с них позорный ярлык «буржуазного националиста» так же ни к чему не привело.¹²⁵ Но Константин Кузьмич Юдахин до конца дней своих оставался верен своим принципам.

По воспоминаниям (пока не опубликованным) А.А.Реформатского – одного из основоположников московской фонологической школы, который сорок лет дружил с Юдахиним, Константин Кузьмич в жизни был мягок и добр к тому, к чему лежало его сердце, но зато к тому, что его возмущало, он был непримирим. Так он гневно обрушивался на какие-то предложения об изменении алфавита и орфографии Киргизии: «В этой вакханалии, - писал Юдахин Реформатскому 9 апреля 1974 г. – участвовать не собираюсь... Укажу основное, чтобы иметь представление об алфавите и орфографии. Например, Поливанова и узбекский алфавит... Пусть попробуют. Болтать легко, а приложить эту болтовню к делу – лбы разобьют.» Или еще один пример из письма Юдахина к Реформатскому: «У меня с Тыныстановым бывали жаркие схватки по отдельным вопросам, но отрицать его талантливость может только негодяй или олух.»¹²⁶

Так до конца своих дней ученый официально при жизни и не очистился от позорного ярлыка киргизского националиста.

Лишь с конца 1980-х годов в Кыргызстане прошла реабилитационная волна: тезис о дореволюционной письменности у киргизов получил научное обоснование,¹²⁷ творчество дореволюционных заманистов, ранее объявленных феодально-буржуазными идеологами – Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч – заняло достойное место в кыргызской науке¹²⁸, репрессированные в период совет-

ской власти упомянутые нами лингвисты и литераторы были реабилитированы – некоторые еще в конце жизненного пути, а другие в своем большинстве посмертно. Такой была цена их неординарной и трагической судьбы, цена их замечательных научных трудов и открытий, откровений и запоздалых прозрений.

Лишь в 2001-2002 г. память о К.Тыныстанове и К.К.Юдахине была мемориально увековечена монументами у здания Кыргызского Государственного университета, где в 1930-х г. начинал свою профессорскую деятельность один и в 1970-х г. – заканчивал другой. Оба ученых были отмечены Президентом Кыргызстана как *выдающиеся ученые XX века*.

Особая страница – история дружбы и плодотворного научного сотрудничества К.К.Юдахина с К.К.Карасаевым.

Карасаев Кусейин (Хусейин, 1901-1999 гг.) родился в с. Кен-Суу (Жайильма) Тонского района Иссык-Кульской области Кыргызской Республики. В 1931 г. окончил Ленинградский институт восточных языков им. А. Енукидзе. Ступени служебной и научной карьеры таковы: зам. председатель сельского ревкома, в первые годы советской власти, в 30-х годах редактор в Совпарткоме СССР, затем старший научный сотрудник Научно-исследовательского института языка и литературы.¹²⁹ В научных кругах и среди общественности республики К. Карасаев известен как ученый-просветитель, один из создателей первых словарей в Кыргызстане и кыргызской письменности на основе латинской и русской графики. Ученый-языковед и подвижник в науке.

«К.Карасаев стоял у истоков создания кыргызской нормативной литературной лексики... Он до конца жизни неустанно трудился над шлифовкой кыргызской речи, ее селекцией в лучшем смысле слова.»¹³⁰ И издано свыше 20 книг,¹³¹ но еще больше рукописей ждут своих исследователей и публикаторов, включая «Орфографический словарь», «Орфографические правила кыргызского языка» и многие другие интересные и ценные для науки работы.¹³² Судьба отпустила ему дол-

гую, годами хотя и трудную жизнь (он скончался лишь два года не дожив до своего столетия). Этого талантливое и исключительно трудолюбивое ученого и мыслителя, выдающегося лингвиста-лексиколога и знатока кыргызского языка коллеги называли «патриархом» родного языка.

А.Токомбаев, являясь в свое время директором Кыргызского научно-исследовательского института истории языка и литературы, характеризуя авторов «Кыргызско-русского словаря», весьма похвально отозвался о К.Карасаеве и его научно-исследовательской деятельности, назвав его одним из передовых представителей кыргызской интеллигенции, принявшим активное участие в культурной жизни республики. Будучи одним из первых научных работников из среды кыргызской интеллигенции, он многие годы вел плодотворную научно-исследовательскую работу в области кыргызского языка и литературы. Немало сил отдавал работе по переводам и редактированию научной и научно-популярной литературы на родном языке. Автор первых терминологических словарей и активный участник разработки терминологии и орфографии кыргызского литературного языка. Непосредственный участник работы профессора К.К.Юдахина над составлением «Кыргызско-русского словаря» (1940-1965 гг.) и один из соавторов-составителей «Русско-кыргызского словаря» (1944, 1959). К.Карасаев – один из первых собирателей кыргызского фольклора и эпоса «Манас». ¹³³

На новом витке репрессий развязанных против национальной интеллигенции Кыргызстана и других республик Союза, сам известный поэт, ученый, общественный и государственный деятель А.Токомбаев, подписавший эту характеристику о своем коллеге по науке – К.Карасаеве попал в число неизвестно за что гонимых «врагов народа».

Жизнь и творчество Кусеина Карасаева – это не только одна из значительнейших, но и трагических страниц в истории кыргызского языкознания, пережитых

в 30-50-х годах прошлого века кыргызскими интеллектуалами – интеллигентами в целом. За эти годы он трижды подвергался репрессиям. Так, в начале его обвинили в членстве «контрреволюционной Социал-Туранской партии» (СТП), за что и был он сослан в Джалал-Абад. В 1937 г., когда К.Карасаев помогал в работе К.К.Юдахину по подготовке издания «Русско-киргизского словаря» он был вновь уволен с работы и длительное время находился под домашним арестом. 40-е годы составили как бы короткий просвет в гонениях, стойко переносимых ученым: в 1940 г. был издан «Киргизско-русский словарь», К.Карасаев защитил кандидатскую диссертацию, в 1944 г. был напечатан и «Русско-киргизский словарь», составленный совместно с Дж.Шукуровым и К.К.Юдахиним под его редакцией, завершена работа над другим его трудом – «Кыргызские литературные термины». Но уже в 1950 г. К.Карасаев вновь был обвинен в «уклонизме» и восхвалении прежних родо-феодалных традиций, исключен из партии и изгнан с работы.¹³⁴

Так, 17 апреля 1950 г. на бюро ЦК КП(б) Киргизии рассматривалась записка специальной комиссии ЦК, созданной по проверке «Заявления» (читай клеветнического сигнала в ЦК партии) младшего научного сотрудника ИЯЛИ Самаганова о неблагоприятном положении «на идеологическом фронте» республики, и в частности в Институте языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР и в его секторе языка и словарей. В записке прямо сказано, что якобы «в работах другого сотрудника сектора (помимо Д.Шукурова – СП.) Карасаева также имеются существенные политические и научные ошибки».¹³⁵

Но вернемся еще к вопросу о «восхвалениях» у К.Карасаева. Вероятно, это предосудительное с точки зрения твердокаменных партocrats о идеологии восхваление кыргызской патриархальной старины исходило из главного понимания К.Карасаева значимости языка как источника развития кыргызского народа, его культуры и традиций: «...Язык – это клад мысли. Язык –

это зеркало нашего развития. Через язык молодежь сумеет ознакомиться с жизнью кыргызского народа. Язык – это ключ к разгадке наших традиций, он позволяет понять смысл наших древних обычаев. Наконец – это орудие развития нашей культуры». ¹³⁶

Реабилитация пришла к нему нескоро: трудился на ниве науки в годы «хрущевской оттепели», в «застойные времена» и «горбачевской перестройки» профессором КТУ. Но самое широкое признание его заслуг в науке пришло уже в годы суверенного Кыргызстана. Он стал кавалером ордена Трудового Красного Знамени, награжден орденом «Манаса» первой степени (1997 г.) и медалями СССР, ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки КР, удостоен Международной премии «Даанышман» и госпремии им. Касыма Тыныстанова. ¹³⁷

На международной конференции, посвященной 100-летию юбилею со дня рождения Кусейна Карасаева, приуроченной к 10-летию независимости Кыргызстана и 50-летию КГНУ, в апреле 2001 г. присутствовал Президент А.Акаев. Он назвал К.Карасаева Махмудом Кашгари XX в. Чингис Айтматов, подчеркивая значение научного наследия К. Карасаева сборник «Мудрые слова» назвал «Карасаевскими словами». Его книга «Комус наама» стала важным вкладом в развитие отечественной тюркологии, обогатив ее тонкими наблюдениями мыслителя и точным анализом ученого. ¹³⁸ Именем «патриарха» названы сельский совет, Кыргызско-турецкий колледж и улица в г.Караколе. Но... главное, его поминают добрым словом все близко знавшие его люди, учившиеся по его книгам, читавшие его труды и чтящие К.К.Карасаева как ученого лингвиста и просветителя кыргызского народа.

Необходимо также остановиться и на научно-организационной деятельности языковеда-тюрколога, еще одного сподвижника К.К.Юдахина по «Киргизско-русскому словарю» (1965 г.) – Шукурова Джапара Шу-

куровича (1906-1963). Уроженец с.Сынташ Кантского района. Воспитывался в Токмакском детдоме, рано проявил любовь к истории, языку и национальной этнографии кыргызов. В 1927 г. участвовал в Алай-Памирской экспедиции под руководством С.М.Абрамзона. По результатам исследований в этой экспедиции почти через десять лет он опубликовал интересную статью по мало разработанной в кыргызском языкознании теме «Материалы по алайскому говору», которая была помещена в юбилейном сборнике «Белек. Е.С.Малову» (Фрунзе, 1946 г.). Окончив САГУ в Ташкенте работал в 1931-1934 гг. научным сотрудником Среднеазгосплана в Ташкенте, несколько лет редактором и директором Киргосиздата, затем в 1938-1940 гг. директором НИИ языка, литературы и истории. В 1940-1943 гг. он – нарком просвещения Кирг.ССР. Все или почти все его предшественники были репрессированы, арестованы либо расстреляны.

Еще полный сил и творческой энергии тридцатисемилетний кандидат филологических наук был назначен первым зам. председателя Президиума Кыргызского филиала АН СССР (1943-1950 гг.). Последнее место работы ученого филолога – зав. сектором словарей и терминологии Института языка и литературы АН Кирг.ССР, где он успешно трудился с 1950 по 1963 гг. до своей кончины¹³⁹, даже будучи тяжело больным.

А.Токомбаев, будучи директором Кыргызского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, подписал весьма лестную характеристику на Дж.Шукурова: «один из ведущих и руководящих работников Киргизии. Один из первых редакторов и переводчиков классиков марксизма-ленинизма на киргизский язык. Активный работник в работах по созданию киргизской письменности и орфографии литературного языка. Огромна его роль в области создания социально-политической терминологии на кыргызском языке и систематизации и упорядочения лексики. Под его

редакцией были разработаны терминологические словари по различным отраслям знаний. В течение долгого времени главный редактор Киргизского государственного издательства. Один из первых собирателей киргизского фольклора и прекрасный знаток эпоса «Манас». За заслуги в области национальной культуры награжден Союзным правительством орденом Знак почета»,¹⁴⁰ а также орденами Трудового Красного Знамени, Красная звезда, медалями СССР, Почетной грамотой Верховного совета Кирг. ССР.¹⁴¹

Это был пик его служебно-научной карьеры, на которой он, однако, долго не смог удержаться, и не по своей вине... Тогда же, несмотря на большую занятость в Народном комиссариате просвещения Киргизской ССР, которую он возглавлял ранее ряд лет, Дж. Шукуров все-таки сумел подготовить и защитить в 1946 г. кандидатскую диссертацию по филологии на негласно считавшуюся в партийно-советских круга республики крайне спорную и даже запретную тему «Язык Молдо Кылыча (к истории киргизской письменности)». Не говоря о сугубо научном содержании этой диссертации уже само ее название и особенно подзаголовок – «К истории киргизской письменности» объективно служили прямым вызовом в то время официальным идеологическим установкам в кыргызском языкознании, так как общепринято было считать на то время кыргызский народ, как и ряд других тюркских и восточных народов республики «бесписьменными», а письменность кыргызам дала (в 1924 г.) лишь советская власть. Для понимания партийно-идеологической обстановки в конце 40-х середине 50-х годов прошлого века следует отметить, что в эти годы развернулась широкомасштабная кампания в литературоведении и языкознании против вредных идеологических ошибок, якобы допущенных некоторыми писателями и лингвистами, восхвалявшими и пропагандировавшими произведения «реакционных» акынов XIX и начала XX вв. – Калыгула, Арстанбека и Молдо Кылыча, в частности в упомянутой диссертации

Дж.Шукурова, диссертационной работе и трудах Тазабека Саманчина. Уже развертывались и другие идеологические споры помимо творчества Молдо Кылыча - вокруг народности или реакционности эпоса «Манас». Защитниками духовных лидеров мыслителей прошлого, как и всего культурного наследия кыргызов, включая величественный эпос «Манас» и его великих хранителей и создателей-акынов выступали Дж.Шукуров, К.Сооронбаев (снятый с должности директора ИЯЛИ), Т.Саманчин, К.Карасаев, К.Юдахин, И.Батманов, Т.Байджиев (погиб в ГУЛАГе), З.Бектенов. Двух последних жестоко критиковали за идеологически «невыдержанный» учебник «Киргизская литература» (фольклор) для 8 класса средней школы и другие школьные учебники, и заодно и за допущенные в них «серьезные идеологические ошибки». Был объявлен строгий выговор министру просвещения Б.Юнусалиеву. Все они подверглись «проработке» и шельмованию во всех партийных инстанциях, а следом последовали и репрессии. Сигналами же в верха послужили неоднократные заявления (заведомо клеветнические) и письма младшего научного сотрудника ИЯЛИ и аспиранта Дж.Самаганова, на совести которого остались моральные и физические страдания замечательных людей.¹⁴²

Вот лишь один из примеров: 17 апреля 1950 г. на заседании бюро ЦК КП (б) Киргизии, относительно диссертации Дж.Шукурова записано следующее: «Избрание Шукуровым объектом исследования языка Молдо Кылыча – этого мистика и реакционного поэта XIX в. и его произведения Зил зале – мистического реакционного произведения, - является ничем не оправданным и явно ошибочным.

Идеологические ошибки в этой работе Дж.Шукурова нужно подвергнуть резкой критике. Работу Шукурова нужно подвергнуть критическому разбору на Ученом совете ИЯЛИ с привлечением квалифицированных лингвистов».¹⁴³

И обсуждали, подвергали и осуждали... И не один раз, и на самых высоких партийных инстанциях, в научных организациях и в своем коллективе.

Подвергавшийся гонениям и политической опале, обвиненный «в местном национализме» Джапар Шукурович Шукуров активно отстаивал в жарких дискуссиях с конъюнктурщиками оценку «Манаса» как народного эпоса. Своими лингвистическими трудами и своей принципиальностью он вошел в науку как бескомпромиссный ученый, оставивший заметный след в лингвистике. Сегодня настало время полностью опубликовать все его научные исследования, как частицу культурного наследия кыргызского народа, которое не должно быть забыто.¹⁴⁴

Таков сложный путь развития одной из первых наук в Кыргызстане – лингвистики. Ее по праву можно назвать травмированной лингвистикой. Положившая начало всем другим наукам в государстве лингвистика, испытала периоды взлета и расцвета, застоя и упадка. Ее представители удостоивались не столько заслуженных наград, сколько подвергались гонениям, доходящим до репрессий, физического уничтожения или морального унижения.

Сегодня их имена возвращаются и приобретают все большую популярность в развивающемся суверенном государстве. Научное наследие ученых-лингвистов возвращается народу.

ТРАГЕДИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Социал-Туранская партия

Революции 1917 г. всколыхнули волны национального возрождения и самоопределения. Возникают и исчезают партии нерусских народов России, в том числе и колониальных окраин – Средней Азии и Казахстана. Здесь возникают и исчезают также партии, основанные на национальных идеях пантюркизма и панисламизма, но ориентированные на социализм.

В России признанным лидером пантюркизма стал бывший коммунист, один из руководящих работников Наркомнаца Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев.

В первый год после Октября М. Султан-Галиев в числе других представителей национальной интеллигенции России «повернулся лицом к советской власти». Основной тезис в программе Султан-Галиева состоял в том, что «мусульмане страны являются пролетарскими народностями», и их борьба имеет одну общую цель – социалистическую революцию.

Позже вдохновитель нового движения пантуранистов пришел к исключительной мысли, что в «понятии мусульман весь мусульманский мир, без различия национальностей и племен, является одним нераздельным целым». Все идеологи пантуранизма высказывались за необходимость создания такой политической партии среди тюркских народов, которая защищала бы интересы всех классов тюрко-татарских народов. В программе Султан-Галиева (1923 г.) провозглашалось, что материальные предпосылки социального переустройства человечества могут быть созданы лишь установлением диктатуры колоний и полукolonий над метрополиями¹.

По принципиальным вопросам национального строительства М. Султан-Галиев выступил против предложений И.В.Сталина в национальной политике и стал его первым серьезным оппонентом. XII съезд партии (17 – 25 апреля 1923 г.) провозгласил необходимость «партийного единства» и оппозиции стали ликвидировать. Уже 4 мая 1923 г. М. Султан-Галиев был арестован в своем рабочем кабинете в Наркомнаце и расстрелян. Позже Каменев, как вспоминал Троцкий, в связи с этой сталинской расправой говорил: «Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали согласие. С этого времени Сталин как бы лизнул крови»². Это был, по сути, первый акт самоуправной репрессии в отношении крупного национального политического лидера.

В Средней Азии идеи пантуранизма оформились в движение «Алаш». Признанным лидером и идеологом националистической автономии в Казахстане в конце 1917 – начале 20-х годов был кадет А. Букейханов. Идеи «Алаш-орды» привлекали и молодых кыргызских интеллигентов, тем более, что грубая практическая реальность не соответствовала социалистическим идеалам национальных интеллигентов.

Среди тех, кто глубоко задумывался о путях дальнейшего развития своего народа, был и один из организаторов алашординской партии в Кыргызстане (как филиала казахстанской) Ишеналы Арабаев. Он же – один из авторов еще мало известного в литературе коллективного письма В.И. Ленину³. Весной 1920 г. в письме к вождю революции И.Арабаев и его соратники сообщают о бедственном положении кыргызов, возвращающихся из Китая. Адресовалось оно «товарищу Ленину лично, как вождю Российской революции» от граждан: Джунуса Байджакова, Ишеналы Арабаева, Исака Шайбекова, Исаметдина Шабданова, Дауткула Шигаева, Атыкана Тезекбаева, Султангазы Алмантаева и Лагира Янсанчина, проживавших в Пржевальском, Нарынском, Токмакском и Пишпекском уездах Семиреченской области.

Приведем выдержку из этого примечательного документа:

«Глубокочитимый товарищ Ленин.

Если кто-нибудь задаст нам вопрос – пользуются ли кыргызы Семиреченской области свободой сословной революции, то на это мы ответили бы, что мы не пользуемся свободой и таковой у нас нет»⁴.

Далее говорилось о положении в крае крестьян, об отсутствии школ, о восстании 1916 г. и бегстве многих кыргызов в Китай. И шла просьба дать особое распоряжение о выдаче достаточного количества денег Особой комиссии для устройства кыргызов-беженцев, которые до сих пор не могут вернуться из Китая из-за бедности, а также предоставить этим беженцам право занять свои кочевья и земли и «обезопасить» их от занявших эти места крестьян.

Излагалась программа необходимых мероприятий для возвращения кыргызов на родину⁵.

1 мая В.И.Ленин переадресовал письмо с резолюцией: «Сталину (или Каменскому) на отзыв в двух словах».

Ответ, с которым в Наркомнаце не торопились, написал М.Д.Каменский 27 мая 1920 г.:

«Товарищу Ленину.

В прошении кыргызы Семиреченской области:

1. Жалуются на чинимые им притеснения русским населением (требует проверки – возможность допускаю).
2. Просят о ряде мероприятий по улучшению их жизни. (Многое сделать можно и необходимо).
3. Предлагаю весь материал передать в Наркомнац для принятия соответствующих мер.

М. Каменский»⁶.

Следует сказать, что в первой половине 20-х годов советская власть делала многое для улучшения положения трудящихся Кыргызстана. И авторы письма – позже советские интеллигенты пытались активно участвовать в революционном переустройстве жизни наро-

да. Они не всегда слепо исполняли постановления центра, пытались осмысленно и творчески на местах использовать революционные декреты и лозунги. А потому немногим позже почти все они были объявлены «врагами народа» и репрессированы.

В основе партийных документов и деклараций алашордынцев лежали программные идеи пантюркизма и пантунранизма, и они не могли не затронуть мыслящих представителей нарождавшейся кыргызской интеллигенции.

Правда, к лету 1919 г. все небольшевицкие партии, в том числе и алашордынская, уже перестали существовать. И Ишеналы Арабаев, и Абдыкерим Сыдыков, и другие алашевцы, ранее считавшие, что кыргызы могут войти в состав одного государственного объединения, такого, как автономия Алаш, отошли от партии. Однако вскоре они заявили о себе на политическом поприще при решении вопроса о самостоятельной кыргызской национальной государственности. Это произошло в 1922 г., когда группа кыргызской интеллигенции, возглавляемая А.Сыдыковым, И.Арабаевым, поднимает вопрос о самоопределении кыргызского народа в рамках Горной области⁷. После предварительной организационной работы 4 июня 1922 г. был даже созван съезд, в работе которого участвовали 425 делегатов. Официально он именовался «Первый исторический подготовительный съезд трудящихся масс кара-кыргызского народа по образованию самостоятельной Горной области в составе Турккеспублики в присутствии представителей национальных меньшинств данной территории». В своей резолюции, принятой после бурного обсуждения, съезд назвал выделение Горной области одним из актов «величайшей государственной мудрости, продиктованных принципом самоопределения нации», и решительно высказался за организацию Горной области «на равных основаниях со всеми областями Турккеспублики, областными и губернскими единицами РСФСР»⁸. Тем не менее в 1922 г. оформления Горной области не произошло. Помешала борьба за власть

различных группировок интеллигенции и вмешательство «сверху», в том числе и лично Сталина.

Сам проект был окрещен как «буржуазно-националистический», «бай-манапский», «антисоветский» и «антинародный», хотя имел под собой и вполне реальные основания и свои достоинства. Все это убедительно раскрыл в своей книге З.К. Курманов⁹, хотя и в настоящее время эта точка зрения многих сторонников не приобрела и остается как бы дискуссионной.

Официальная точка зрения советской историографии по этому вопросу заключалась в следующем.

Образование национальных республик в Средней Азии было предопределено линией советской власти на самоопределение народов России, и подготовка к национальному размежеванию в Среднеазиатском регионе велась с первых дней после Октябрьской революции.

Попытка образования так называемой Горной области в 1922 г. шла вразрез с курсом национальной политики и грозила серьезными последствиями для народов Средней Азии. Ясно, что попытка эта встретила резко отрицательную реакцию со стороны высших партийно-государственных органов страны – ЦК РКП(б), ВЦИК, а также Средазбюро ЦК РКП(б). И хотя 25 – 26 марта 1922 г. секретариатом ЦК КПТ и президиумом ТурЦИК были приняты решения об образовании Горной области (и началась подготовка к учредительному съезду), в июне того же года ТурЦИК блокировал созыв съезда, сочтя его преждевременным. Правда, Сыдыков (тогдашний председатель Семиреченского облисполкома) добился от ТурЦИКа проведения так называемого подготовительного съезда (4 – 7 июня 1922 г.), но этот съезд ограничился обсуждением текущих политических и хозяйственных вопросов и расплывчатыми дебатами о Горной области. Вскоре сам А. Сыдыков, почувствовав общее противодействие стремлению к созданию Горной области, направил в президиум ТурЦИК и ЦК КПТ заявление, в котором писал, что не настаивает на излишнем форсировании решения вопроса о выделении Горной области и считает

возможным поставить его «в зависимость от того, насколько тому будут соответствовать общеполитические условия в Туркестане».

Академик В.П.Шерстобитов в частном письме академику К.К.Каракееву комментирует события тех дней таким образом: ни фактически, ни юридически так называемая Горная область никогда создана не была, а потому желание вести отсчет образования киргизской национальной государственности с 1922 г. не имеет никакого основания. Более того, эта позиция может принести молодому суверенному Кыргызстану немалый вред. Дело в том, что попытка «продвинуть» назад историческую грань создания киргизской национальной государственности вряд ли найдет понимание и одобрение со стороны других соседних среднеазиатских государств, признающих национальное размежевание как общее для всех народов Средней Азии (в том числе и для кыргызов) государствообразующее явление. Для Кыргызстана, считает ученый, муссирование вопроса о Горной области может представлять и другую опасность: эта область вдохновителями ее создания мыслилась как замкнутая территория, которая должна была охватить лишь Пишпекский и Каракольский уезды. Не дает ли это кое-кому «kozyрь» (при стечении неблагоприятных обстоятельств) претендовать на территорию нынешнего Южного Кыргызстана? Во всяком случае, при желании определенных сил в проблеме Горной области можно без труда найти «основание» для нежелательных для Кыргызстана территориальных претензий, могущих угрожать этнической целостности кыргызской нации. Словом, «безобидный» спор о Горной области может нести подспудные политические опасности, которые нельзя не учитывать¹⁰.

Две противоположные на сегодняшний день точки зрения по оценке попытки создания Горной Кыргызской области свидетельствуют об одном: проблема еще ждет своего специального глубокого и всестороннего научного исследования. Мы же здесь хотим сказать одно: выступавшая с такими предложениями оппозиционная интеллигенция имела свою позицию. Через два

года вопрос был решен. Но А.Сыдыков и его группа при этом остались в стороне и не допускались к активной политической деятельности в Кыргызстане.

В 1924 г. территория Кыргызстана вошла как автономная область в состав Российской Федерации. Первые партийные руководители нового государственного образования стали «избираться» по рекомендации и направлению из центра. Они с трудом осваивались с местной спецификой, принимали сторону какой-либо из противостоящих группировок, подменяли собой органы советской власти, устанавливая фактически диктат партии. А это не могло не вызвать сопротивления людей, искавших другие пути и методы продвижения к социализму.

Первым проявлением открытого организационного противостояния официальному курсу партийного руководства Кыргызстана стало принятие идейной оппозиционной программы инакомыслящих интеллектуалов – так называемого «заявления тридцатки» - в 1925 г. Оно было направлено на имя Национального Совета ЦК РКП(б), Средазбюро ЦК РКП(б) и Киробкома партии и выражало экономическое и политическое кредо его инициаторов, выступавших за иной курс государственного переустройства:

«Национальное регулирование Средней Азии и создание Автономной Киргизской области должно было внести единство среди кыргызского народа, постепенно ликвидировать родовую вражду и все те группировки, которые создавались как следствие долгих лет колониационной политики, проводимой царским правительством на далекой окраине»¹¹. Но этого, говорилось далее в документе, не произошло. «Партаппарат строился по групповому принципу близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома, еще больше разгорелась внутривнутрипартийная групповая борьба и родовая борьба в массах, выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников, знающих прекрасно местные условия работы и могущих быть полезными партии и Советской власти в проведении правильной линии на местах, особенно земельной политики». Авто-

ры заявления предлагали свое решение: «Мы всецело поддерживаем полное равенство коренного и европейского населения при проведении планового землеустройства, имея в виду устроить в первую очередь в порядке землеустройства безземельные группы населения». В заявлении негативно характеризовался стиль работы Киробкома и как следствие этого рассматривались трудности восстановительного периода в республике.

Идейным лидером «тридцатки» и автором заявления был Абдыкерим Сыдыков. Заявление подписали также Ишеналы Арабаев, председатель Кыргызского облисполкома А.Уразбеков (Орозбеков), И.Айдарбеков, С.Чукин и другие. Много позже, через 13 лет, на допросе в НКВД 10 февраля 1938 г. А.Сыдыков заявил: «Я признаюсь в том, что был организатором и идейным вдохновителем этих тридцати человек, подписавшихся под явно антисоветским националистическим документом». В 1925 г. лидеры «тридцатки» были исключены из партии, освобождены от руководящей работы. А.Сыдыков был выпровожен из республики в Ташкент на рядовую работу.

Конец 20-х начало 30-х годов характеризуется экономическим кризисом в СССР, политическим противостоянием сталинскому курсу построения социализма.

Насильственный перевод индивидуального сельского хозяйства в коллективное, экспроприация и высылка под видом бай-манапов и кулаков не только зажиточных хозяев, но и середняков и людей, не угодных местным партийным аппаратчикам, ужесточение карательной политики привели к разрухе и голоду. Причем голоду, сильному настолько, что появилось мародерство (по таким фактам, как свидетельствуют архивные данные, в Чуйской долине был возбужден ряд уголовных дел). Для руководства парторганизациями присылались партийные лидеры из центра, а руководителями сельских хозяйств становились некомпетентные лица, в 1930 г. – двадцатипяти тысячники. Это усиливало шовинистические амбиции части русскоязычного населения и как противодействие им нарастали нацио-

налистические проявления среди представителей коренных народов. На этой почве вызревали оппозиционные настроения официальному курсу партии построения социализма в одной стране, выдвигалась альтернативная идея слияния пантюркизма и социализма, велись интуитивные поиски пути создания социалистической туранской организации.

Это время политических процессов над «промпартией» и другими «партиями» (нередко спровоцированных самими карательными органами, подчиненными Сталину). Из СССР высылается главный соперник Сталина Троцкий (причем сначала в Алма-Ату, откуда он дважды нелегально приезжал в Кыргызстан). Повсеместно накаляется атмосфера недовольства и подозрительности. И здесь мы сталкиваемся с явлением, которое в советской историографии, особенно в историко-партийной литературе (диктовавшей оценки общественных событий), было извращено донельзя. Фактическая сторона явлений преподносилась тенденциозно, документальные первоисточники были засекречены, деятели оппозиции, политические лидеры и их интеллектуальное окружение были объявлены «врагами народа» и репрессированы.

Первым политическим судилищем в Кыргызстане (притом ранее, чем подобные политические процессы были организованы в самой России) стала расправа над так называемой Социал-Туранской партией (СТП), во главе которой стоял известный политический деятель, интеллигент и ученый, уже побывавший в оппозиции, – Абдыкерим Сыдыков.

Повторимся: события и сама история этой организации были так искажены и засекречены, что вплоть до середины 80-х годов ни у кого не вызывала сомнения оценка деятельности СТП как антисоветской террористической организации, стремящейся к отторжению Кыргызстана от СССР и «продавшей зарубежному империализму».

Вопросы и сомнения возникли у академических историков при подготовке к переизданию дополненного коллективного научного труда «История Киргизской

ССР» (третий том, который был на подходе, освещал и период репрессий 30-х годов). По официальному запросу в КГБ Киргизской ССР было разрешено первыми ознакомиться с засекреченными следственными и судебными материалами репрессированных авторов и редакторам издания – академику К.К.Каракееву и членам-корреспондентам. С.Т.Табышалиеву и В.М.Плоских. Последний начал знакомиться с этими материалами и архивом, были выданы некоторые копии документов, которые могли бы быть использованы в многолетнем труде по истории.

И здесь раскрылась картина, во многом «переворачивающая» все предшествующие оценки политических событий в Кыргызстане в 30-е годы. Совсем по-иному, в полном объеме, предстали и картина репрессий, и роль интеллигенции в оппозиционном движении, и деятельность ее лидеров. Процесс реабилитации невинно осужденных еще не был завершен, партийные решения предшествующих лет также не были пересмотрены и отменены. Предстояла нелегкая задача переосмысления устоявшихся канонов республиканской истории и возвращения народу доброго имени патриотов.

Надо сказать, что, даже ознакомившись с секретными документами о СТП и следственными делами так называемых «врагов народа», историки тогда не смогли раскрыть всей картины оппозиционного движения в Кыргызстане 30-х годов, и в третьем томе изданной пятитомной «Истории Киргизской ССР» ограничились лишь перечнем репрессированных политических деятелей¹². Только несколько лет спустя ученые сумели выйти на ранее запретную тематику и тогда стали появляться первые научные работы о репрессированных. Источниковая база пополнилась такими документами, дававшими возможность пересмотреть многие позиции освещения республиканской истории. Выходят книги: Д.Джунушалиева и И.Семенова о Юсупе Абдрахманове, коллективные работы под руководством К.К.Каракеева о забытых именах 1937 года, публикуется специальная монография о

Социал-Туранской партии и ее лидере, серия статей и фундаментальное исследование З.Курманова о политической борьбе в Кыргызстане в 20-е годы, книга А.Джуманалиева о политическом развитии Кыргызстана в 20-30-е годы¹³.

Нам также представилась возможность ознакомиться с копиями материалами архива КГБ и использовать в настоящей работе¹⁴.

Исследование этих материалов позволяет провести реконструкцию ситуации в тот период. В 1929 г. группа критически настроенных кыргызских интеллигентов всерьез задумались о правильности путей построения социалистического общества, которые указывали И.В. Сталин и его окружение в ЦК ВКП(б), весьма далекие от понимания специфических условий жизни среднеазиатских окраин. Они видели, что единая генеральная линия большевистской партии во всех регионах ведет не к процветанию и благоденствию, а к обнищанию народа, надвигающемуся голоду, разорению. Лучшие представители интеллигенции, интеллектуалы, которые уже были в опале у режима, не могли не анализировать обстановку, складывавшуюся в экономике и общественно-политической жизни Кыргызстана и соседних республик и не задумываться над перспективами развития своих республики и народа, не искать путей построения нового общества в среднеазиатско-казахстанском регионе, в древности известном как Туран.

И хотя о Социал-Туранской партии как таковой и речи еще не было, но число идейных единомышленников Абдыкерима Сыдыкова, Ишеналы Арабаева, Аджимана Шабданова, Султана Курманова и других постоянно возрастало: Кто-то сам приходил к ним, а кого-то они пытались убедить в своей правоте, с кем-то устанавливались доверительные отношения и связи, использовались служебное положение, землячество или родство.

Так, летом 1931 г. С.Курманов и А.Шабданов попытались вовлечь в свою группу единомышленников фрунзенского юрисконсульта А.Керимбекова, не разглядев

в нем потенциального предателя. Керимбеков, напуганный возможными последствиями, написал заявление одному из секретарей Киробкома – О.Алиеву. Тот направил Керимбекова к заместителю начальника ОГПУ республики Четвертакову. Там доносчика обязали связью с организаторами группы не терять и обо всем подробно докладывать лично Четвертакову. Так, не успев организационно оформиться, руководящее ядро и первый лидер СТП А.Сыдыков уже оказались под наблюдением у чекистов Кыргызстана.

Спустя четверть века, в середине 50-х годов, когда начался процесс реабилитации политзаключенных и когда самому А. Керимбекову уже не грозили репрессии, он, без тени какого-либо раскаяния за предательство и гибель доверившихся ему интеллигентов вспоминал: «Весной 1932 г. в квартире Тулина Найзабека, где жили Шабданов Аджиман и Сопиев, было собрание по вопросу обсуждения и принятия программы Социал-Туранской партии. На этом собрании был я, Шабданов Аджиман, Сопиев, Курманов Султан, Хашибеков Хайретдин. Программа была написана на русском языке рукою Шабданова, Сопиева и Курманова, я ее читал. В программе говорилось о задачах Социал-Туранской партии. Программа была одобрена всеми присутствующими лидерами»¹⁵. Лидером партии А.Керимбеков вновь назвал А.Сыдыкова. Таковым он и был. Надо сказать, что официально организация называлась «Социалистическая Туранская партия», т.е. подчеркивалась ее социалистическая ориентация. Так называли и такими считали себя сами лидеры организации. Лишь в застенках ОГПУ в следственных материалах название было усечено до Социал-Туранской (наподобие фашистской Национал-социалистической), что хотя бы внешне не компрометировало «социализм».

В 1932 г., как и в других регионах страны, сильнейший голод начинается в Казахстане. С весны голодающие казахи стали массами перекочевывать в Кыргызстан, среди беженцев была высокая смертность. Первый секретарь Обкома Киргизской АССР Шахрай и

предсовнаркома Ю.Абдрахманов, серьезно опасаясь голода в республике, приостановили вывоз зерна в счет централизованных поставок. Позже в объяснительной записке на имя Антипова – полномочного представителя из ЦК ВКП (б) Ю.Абдрахманов писал: «Беседуя с Шахраем и Исакеевым о том, что план трудно выполнить, я сказал: «Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что мы довели республику до положения Казахстана». Оба с этим согласились»¹⁶.

В республику прибыло более 130 тыс. хозяйств голодающих из Казахстана и Сибири. Кыргызские власти и население оказывали им возможную помощь, но продовольственные ресурсы истощались из-за большого налогообложения. С 1931 по 1932 г. поголовье скота в республике сократилось с 3,8 млн. до 2,3 млн. голов (т.е. убыток составил 1,5 млн. голов), не выполнялся план хлебазаготовок. Сразу же последовала «охота» на «виновных», их снимали их с работы, отдавали под суд и отправляли в ссылки. На июньском 1933 г. пленуме Киргизского обкома партии ее первый секретарь Шахрай доложил, что в ходе прошедших хлебазаготовок было расстреляно более 100 человек. Из президиума прозвучала реплика: «Мало!».

В январе 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в обстановке усиливавшегося голода, срывов планов второй пятилетки призывал к повышению производительности труда в промышленности и качества продукции, к улучшению качества работы в земледелии и животноводстве. Но главной предпосылкой дальнейшего продвижения страны, всех ее республик и областей к социализму пленум считал усиление борьбы с классовыми врагами.

Репрессии интеллектуалов Социал-Туранской партии

Проходивший в феврале 1933 г. VI объединенный пленум Кыргызского обкома и Областной контрольной комиссии ВКП(б) в качестве задачи партийно-советских орга-

нов указывал необходимость «осуществить дальнейшее развернутое социалистическое наступление» на остатки эксплуататорских классов, «непримиримо бороться за неуклонное и последовательное осуществление генеральной линии партии и ее ленинской национальной политики, давая сокрушительный отпор оппортунистам, решительно преодолевая остатки родовых и феодальных пережитков в экономике и сознании трудящихся кыргызов»¹⁷.

Партийные решения послужили стимулом к развязке политической компании против «уклонистов» и «националистов» в Кыргызстане. Но темпы ее не удовлетворяли центральные органы, и уже в марте газета «Правда» призвала кыргызскую и другие среднеазиатские парторганизации усилить борьбу с уклонами от «ленинской национальной политики». Средазбюро ЦК ВКП(б) спешно приняло постановление, требуя от партийных организаций решительной борьбы на двух фронтах – против «великодержавного шовинизма» и «местного национализма». Борьба с «национализмом» приобретала на данном этапе особую актуальность как борьба с одним из орудий сопротивления бай-манапства социалистическому переустройству кыштак и айла.

В Кыргызстане вновь начались лихорадочные поиски «врагов народа». Ординарные агентурные сводки, вымышленные доносы в кабинетах ОГПУ уже стали обретать очертания структуры разветвленной контрреволюционной организации с нитями в Ташкенте и Алма-Ате – СТП, ставившей целью создание единого тюркского государства на альтернативных началах Советскому союзному государству и его государственному устройству. Неорганизованные сходки, доверительные беседы их участников о положении в республике и у ее соседей, которые укладывались в рамки негласной оппозиции, выдавались уже за действенную масштабную организацию с антисоветскими целями и шпионской направленностью.

Лидером, конечно, мог быть известный политический деятель, ранее проявивший себя в оппозиции к линии обкома ВКП(б) и авторитетный в кыргызской среде. Такой фигурой оказался А. Сыдыков – интелли-

гентный ученый, не занимавший уже почти десять лет больших официальных должностей, отстраненный от активной политической деятельности. На него ориентировались национальные интеллектуалы. Он устраивал как действительных оппозиционеров, так в идеале и чекистов, стремившихся возбудить громкое «дело» и организовать большой политический процесс, по примеру тех, что уже начинались в центре.

В 1933 г. наступил час расплаты за слепое доверие даже не к «попутчику», а к предателю А. Керимбекову, за политическое инакомыслие, критику партии и советского руководства, замыслы создания СТП. За слежкой ОГПУ последовали быстрые аресты подозреваемых в участии раскрытой «националистической, контрреволюционной, повстанческой, антисоветской организации» – Социал-Туранской партии, которая будто бы стремилась к свержению советской власти в Кыргызстане и отделению его от СССР¹⁸.

Почти одновременно были схвачены все участники нескольких нелегальных собраний. Арестованы А. Сыдыков, И. Арабаев, А. Шабданов, Т. Сопиев, С. Курманов и др., которые догадывались или даже знали, что находятся на подозрении у ОГПУ, но никто не пытался скрыться и тем более оказать сопротивление при аресте, не считая себя изменником, вредителем и шпионом иностранных разведок.

После задержания сразу же начались допросы с применением физических методов принуждения, выбивания нужных следователям показаний об антисоветской «организации» СТП.

Характерно, что как в центре страны, так и на ее окраинах, в национальных республиках, инициаторами репрессивных мер выступали руководители карательных органов – ГПУ – НКВД. Государственные ведомства и партийные структуры уже следовали за ними: лишь после ареста зачастую безвинных людей снимали с работы, исключали из партии. Такая антидемократическая практика существовала повсюду в стране в 20 –

30-е годы и даже позднее – до начала 50-х годов. Из документов ясно, что подозреваемый уже был арестован, но он продолжал еще числиться на работе, некоторое время даже состоять в партии (например, Арабаев, Тыныстанов и др.).

Инициатором ареста А.Сыдыкова, переехавшего по просьбе республиканского партийно-советского руководства в мае 1932 г. из Ташкента во Фрунзе, как и других членов Социал-Туранской партии было ОГПУ. Под арест А.Сыдыкова взяли 9 мая 1933 г. на основании постановления оперуполномоченного особого отдела Среднеазиатского военного округа Левшина, утвержденного заместителем начальника ГПУ Киргизской АССР Четвертаковым.

На первом же допросе Сыдыков показал:

«Признаю себя виновным в том, что меня обвиняют¹⁹ в контрреволюционной деятельности...» И далее обозначил пять пунктов этой «деятельности»:

- «1. В подготовке вооруженной силы против Советской власти путем посылки товарищей на предмет подготовки населения и выяснения пути, как нужно пробраться за границу.
2. Контрреволюционную связь мы не могли осуществлять благодаря закрытию перевала и невозможности переезда через перевалы наших порученных людей.
3. Первая наша наметка была нашу связь осуществить через юг, для чего примерно в октябре 1932 г. выехали некоторые товарищи, от которых я лично никакой вести не получил, но мне передавали другие товарищи, что они очень плохо и редко информируют.
4. Признаться, результата нашей организации я лично до сегодняшнего дня не видел, но один из наших товарищей, который приехал с юга еще не успел сообщить. С районами непосредственной у меня лично связи нет и в то же время нельзя не допускать мысли, что наши товарищи не связаны, но они мне пока ничего не сообщили.
5. В основном я могу сказать, что в Киргизии есть контрреволюционная организация, к числу кото-

рой и я принадлежу, и очень многие. Подробности я могу в последующем показании и задании вопросов указать...»²⁰.

Показания подписал А.Сыдыков.

Ниже следовала заверительная подпись следователя Левшина.

Любой непредвзятый читатель чувствует: здесь что-то не так. Без силового давления ни один здравомыслящий человек не сделает таких признаний.

А.Сыдыков не знал, в чем конкретно его обвиняют, и признание сделал весьма обтекаемым: «в контрреволюционной деятельности», но ничего не сказал о СТП конкретного. Хотя, вероятно, и догадывался, что в ОГПУ уже знали о СТП.

В тот же день состоялся второй допрос. Протокол, как обычно, записывал следователь, «корректируя» показания. 10 мая допрос продолжился. Следователю для политического обоснования ареста, последующего процесса и приговора нужно было прежде всего выяснить все о программе, ее задачах и целях заговорщиков. Вопрос о программе Социал-Туранской партии был ключевым. Поэтому считаем целесообразным более пространное цитирование документов.

«В процессе разговоров о проведении контрреволюционной работы Шабданов и Сопиев предлагали написать программу организации. Название организации, насколько я понимаю, никак не давалось, – позже показал А. Сыдыков. – Я категорически возражал против всяких писаных программ и вообще против всяких писаний по делам контрреволюционной организации. В процессе разговоров программа организации, ее установки и программа практической деятельности определились довольно ясно.

Программа организации сводилась к следующему, оговариваюсь, что даю ее в общих чертах, оставляя за собой право последующего дополнения.

Построение социализма в одной стране невозможно. Социализм может быть построен успешно только во

всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Отсюда логически следует, что попытки построения социализма в СССР неизбежно повлекут обнищание населения, особенно в бывших колониях царской России, как культурно отсталой, не владеющей техникой.

Крупные мероприятия политического и экономического характера, проводимые Советской властью по отношению к бай-манапству Киргизии, влекут за собой хозяйственную разруху в стране.

Выдвижение на государственные должности дехкан, рабочих технически малограмотных и теоретически не подготовленных к управлению государством влечет за собой развал и хаос в управлении.

На сегодняшний день, не имея достаточных кадров, необходимо отказаться от принципа выдвижения.

Ленинская политика в национальном вопросе является по существу правильной и приемлемой, но фактически проводимая коммунистической партией в Киргизии искажается – примеры приведу позже и вообще прошу вопрос о программе организации отложить до следующего допроса»²¹.

Следователь добивался конкретного изложения программы, которая не была оформлена и проявилась позже – на основе допросов обвиняемых в ОГПУ. Он сам писал протокол, сам задавал вопросы и корректировал ответы. Обвиняемые только подписывали протокол и то после соответствующей «обработки». Авторами программы в такой ситуации были как заключенные Сыдыков, Шабданов, Сопиев, так и «соавтор-редактор» – следователь Левшин.

Затем 11-13 мая 1933 г. последовал допрос другого участника процесса по СТП – Турды Акуна Сопиева, показания которого оказались наиболее подробны.

«В апреле 1932 г. мы начали приступать к составлению программы, т.к. чувствовалась необходимость организованных практических действий. В апреле месяце, в конце, на совещании всего состава группы, за исключением Лепесова и Хашимбекова Кюке, которые отсутствова-

ли²², Курманову и Шабданову, или только одному Курманову, поручили написать программу, основные положения которой были выработаны тут же на совещании, которое происходило за городом около сельскохозяйственного техникума. В мае месяце программа была закончена и утверждена группой на совещании, которое происходило там же. На совещании отсутствовали только Керимбеков и Хашимбековы Хайретдин и Коке и Лепесов.

Курманов доложил программу, потом она была переписана мною и Шабдановым, состояла в следующем:

1. Для организационного руководства действиями создать комитет из трех человек.
2. На комитет возложить обязанность руководства всеми членами контрреволюционной организации.
3. Все члены организации должны беспрекословно подчиняться комитету и все задания выполнять своевременно.
4. Для активизации своих контрреволюционных действий и большей свободы в них всем членам организации стремиться перейти за границу, в Западный Китай или Афганистан, и там подготовить кадры агитаторов и организаторов.
5. Когда осложнится международная политическая ситуация и приведет к вооруженному столкновению капиталистического мира с Советским Союзом, мы, туранисты, должны принять активные действия против Советской власти и против капиталистов.
6. Стремиться организовать, создать Туранскую Федеративную республику, с вхождением в нее всех тюркских племен и противопоставить ее как против Советского Союза, так и против капиталистических государств.
7. Будущий государственный строй Федеративной Туранской республики должен был быть промежуточным между строем в СССР и буржуазно-капиталистических странах, пролетариат и крестьянство как классы в отдельности мы не признавали, считая, что в нашей республике будет бесклассовая демократия.

8. Для облегчения действий Туранской диктатуры объединить в один общий язык все тюркские языки, поставить в основу законы сингармонии, причем изменения в языке должны были быть в связи с изменением социально-экономических формаций общества.
9. Высшая власть Турана принадлежит курултаю (съезд), а в промежутках между съездами власть принадлежит комитету.
10. Избирательных и гражданских прав должны были быть лишены лица, вредные для общества, несмотря на классовую социальную принадлежность. Лишение прав за принадлежность к какому-нибудь классу не допускалось.
11. Внутри нашей партии, которую мы назвали Социалистической Туранской Партией, до победы диктатуры Турана создание каких-либо фракций или платформ не разрешалось.

Указанные пункты программы далеко не исчерпывают ее всю, но я не могу вспомнить ее полностью. К программе мною была составлена объяснительная записка, но когда мы ее утверждали, то решили, что это явится не объяснительной запиской, а воззванием. Воззвание я постараюсь восстановить»²³.

Далее Т.Сопиев говорил, что с этого момента члены группы стали считать себя организацией, которую сокращенно называли «СТП». Сыдыкову о программе, как письменном документе, он не сказал, боясь признаться в нарушении его указания ничего не писать.

Султан Курманов на допросе 13 мая 1933 г. подтвердил наличие программы, уточнив еще некоторые детали: «В основу программы нашей организации «СТП» был положен принцип в основном националистический. За точность не ручаюсь, потому что программа, написанная мною и Шабдановым, была потеряна еще до окончательной ее обработки»²⁴.

Оба допрашиваемых показали, что текст программы бесследно исчез.

Документы свидетельствуют, что инициатором составления программы СТП был Аджиман Шабданов, который оберегал А. Сыдыкова как идеологического лидера от разоблачения. Ведь А. Сыдыков предупреждал, чтобы абсолютно никаких письменных документов не писали, и ему ничего не говорили о записи программы.

На допросах 11 и 14 июня выяснились общие установки «Программы», а именно: «Основной целью «Социалистической Туранской Партии» (как мы назвали нашу контрреволюционную организацию) являлось образование федеративного социалистического Туранского государства на территории Средней Азии, в состав которого должны были войти Узбекистан, Кыргызстан, Туркмения, Кара-Калпакия, Казахстан. Это государство должно было отделиться от СССР. Достижение социализма в этом государстве на первом плане мыслилось не через экспроприацию промышленности и национализацию земель. На первом этапе должно было быть развитие промышленности и земледелия по типу эпохи промышленного капитала. На втором этапе промышленность и земледелие должны были иметь признаки коллективизации, а последний, третий этап – переход промышленности и земель в собственность государства. Этот переход мыслился не посредством пролетарской революции, а посредством вращивания капитала в социализм эволюционным путем. Все это являлось основной программной установкой «СТП»»²⁵.

Исчез и второй документ – «Воззвание», или «Манифест» СТП. Однако его содержание было восстановлено автором Т.Сопиевым в тюрьме по памяти. Это – очень интересный исторический и политический документ, он не очень обширен, но дает достаточно полное представление о целях и задачах оппозиционеров – членов партии СТП. Воспроизведем его полностью:

«Киргизия существует около трех тысяч лет. Кыргызы за долготетнее историческое существование ни разу не переживали такие трудные моменты, какие приходится переживать теперь, в эпоху красного милитаризма.

Кыргызы и все население Турана до колонизации русскими империалистами были хозяевами своей земли, скота и себя. Проклятый строй империализма кыргызам и туранцам вообще ничего не дал, гнал их с хороших земель, от воды и научил предавать друг друга из корыстных целей. Плоды эти существуют и сегодня при красном милитаризме, как например, распространённый шпионаж в селе.

Существующий строй красных милитаристов оказался не лучше царского режима.

Красный милитаризм народы Турана привел к голоду и нищете...

Существующий строй не является демократическим, а является военно-феодальной монархией. Диктуют секретари парткомов – от райкомов до ЦК.

Установленный строй большевиками на бумаге коммунистический, а на деле милитаристический. Большевики не коммунисты, а красные милитаристы.

Если красный милитаризм на территории царской России потерял на Западе прибалтийские государства, то на Востоке приобрел Монголию, Танну-Тюбе²⁶.

Монголия и Танну-Тюбе не отличаются от колоний, красный милитаризм там тоже проводит эти же мясозаготовки, хлебозаготовки и насильственную коллективизацию. Там тоже гонения на тамошних²⁷ (феодалов).

Большевики выдвинули лозунг индустриализации страны, а где же плоды эти в Туране? Стало немного лучше, чем при царизме. Построили несколько легких индустриальных предприятий, а где же тяжелая промышленность? Плоды легкой индустрии тоже не для Турана, а для России, только названия наши...

(Здесь были приведены расценки предметов азиатского производства и сельского хозяйства в Средней Азии и в Москве, и доказывалось, что в Москве эти товары дешевле. – С.П.)

Будучи не в состоянии терпеть ужасный гнет красного милитаризма, на юге Киргизии массы ежегодно поднимают волну восстаний. Они являются лучшими сына-

ми Турана. Большевики отвратительно называют их «басмачами», чтобы массы думали, что они действительно басмачи. Но это неверно: они не басмачи, а повстанцы!!!

Много думали потомки Турана о свободе. За достижение свободы якуты восстали в 1928 году, но почти 30% якутского населения уничтожили.

Для подавления таких повстанцев организовано ГПУ. ГПУ фактически является таким же органом, как царская жандармерия. То бедствие, которое на сегодняшний день постигло казахов – массовая нищета и голод, – должно легко перенестись и на другие народы Турана.

Под предлогом ссылки в Туран, в частности, в Киргизию, увеличивается число русского населения, которое будет служить опорой красного милитаризма, а из Турана массами выселяют людей, иногда совершенно ни в чем не повинных, под предлогом, что они являются кулаками, хотя фактически ничего не имеют.

Вся черноземная и присибирская часть Казахстана переполнена русскими пришельцами, а сами казахи отеснены в глушь, в пески.

Туран, получив название Турана, за долголетнее историческое существование не переживал таких трудных моментов, как переживает теперь, при красном милитаризме.

Поэтому туранисты поставили перед собой задачу отделить Туран, как самостоятельную федеративную государственную единицу, в составе племенных автономных республик.

Перед СТП стоят два принципа:

1. Принцип национального освобождения.
2. Принцип социализма.

1. Принцип национального освобождения:

Мы хотим национального освобождения потому, что кучка пришельцев – русских не должна управлять нашими народами и странами. Они свою политику проводят через предателей и кукол, называемых выдвиженцами. Мы этого не допустим. Страной будут управлять лучшие сыны Турана.

2. Принцип социализма:

Мы, туранисты, должны вести страну по пути быстрого нарастания социализма, не давать никаких привилегий ни одному классу, опираясь только на диктатуру «Социалистической туранской партии». Но все же опорой «СТП» остается крестьянство Турана.

Во избежание бедности и нищеты масс и во избежание существования мелкотоварных хозяйств должны провести коллективизацию, но этот термин тогда для масс будет враждебен, поэтому коллективизацию нужно будет заменить термином «фермеризация», давая больше льгот фермерским хозяйствам, приведет к фермеризации всего населения Турана.

В Туране будет проведен госкапитализм, а поэтому крупные индивидуальные сельские хозяйства и промышленность в руках частных лиц сосредоточены не будут. Современные совхозы будут также госхозяйственными.

Высшая власть в Туране принадлежит курултаю (съезду), на котором выбирается комитет, управляющий страной в промежутках между съездами.

В Туранской Народной Социалистической республике не иметь права голоса будут лица общественно вредные, независимо от принадлежности к какому-либо классу.

При президенте Турана должен быть создан комитет старейшин, оказывающих помощь действиям партии и туранскому государству. Они не имеют права голосовать за решения, принимаемые президентом, но могут на любое решение наложить свое «вето»²⁸.

Это все, что по памяти воспроизвел автор «Воззвания» Турды Акун Сопиев на допросе 17 мая 1933 г.

Из «Воззвания» видно, что светлые идеалы социализма были тогда столь привлекательны, что и сепаратисты, и националистически настроенные туранисты, которые стремились отмежеваться от большевистской партии и обособиться, точнее, выделиться из СССР, не сочли возможным отказаться от них, по крайней мере, в предполагаемом публичном обращении к кыргызской общественности и ко всему населению Кыргызстана начала 30-х годов.

Приведенные выше документы – Программа и Манифест СТП – настолько неординарны и противоречивы, что заслуживают специального изучения исследователей-профессионалов. Как и вся проблема в целом. К сожалению, общественность, даже ученые еще не все знают эти документы. Именно поэтому мы позволили себе столь пространное их цитирование.

Наконец, в 1934 г., после многочисленных допросов и мучительных пыток арестованных, было вынесено обвинительное заключение по делу № 5630 «О националистической к.-р. организации в Киргизии Социал-Туранская партия (СТП)»²⁹.

А.Сыдыков обвинялся в следующем:

«С конца 1931 г. по день ареста 9.05.1933 г. руководил действиями членов националистической контрреволюционной организации, именуемой «Социалистическая Туранская партия», которая своей конечной целью ставила выделение из Советского Союза Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской и Каракалпакской республик и образование из них федеративного буржуазно-демократического государства. На первом этапе своей деятельности организация ставила задачу отторжения от Советского Союза Киргизской АССР посредством вооруженного восстания внутри Киргизии при помощи банд главарей, оперирующих в Синь-Цзянской провинции Западного Китая и Английского консульства в Кашгаре».

Дело передали в суд. Там и должен был состояться заранее запрограммированный разгром «контрреволюционной деятельности СТП».

28 февраля 1934 г. во Фрунзе состоялось заседание коллегии ОГПУ, на котором был вынесен приговор по делу СТП.

Подсудимых А.Сыдыкова, Д.Солтоноева, С.Курманова, Т.Социева и других приговорили к расстрелу, но затем высшую меру наказания заменили заключением сроком на 10 лет. Подсудимого А.Шабданова также приговорили к расстрелу – с исполнением приговора в тот же день.

Хайреддин Кашимбеков, Хайдар Галиевич Роковой (Чанышев), Кокумбай Чинаев и Чортек Маакеев должны были отправиться в исправтрудлагерь сроком на 10 лет, но эту меру наказания заменили высылкой в Нарымский край на тот же срок.

Касымбай Тельтаев, Зайнитдин Лепесов (Курманов), Кемель Шабданов, Каринбай Канатов, Исхак Курманов, Санхутдин Лепесов (Курманов) получили по пять лет исправтрудлагерей. На три года лагерей осудили Али-Аскара Чолукова, а Чиминбая Токтомушева и Мамурата Иайлыбашева сослали в Западную Сибирь сроком на три года. Джумадыль Иманкуловой зачли в срок наказания время предварительного заключения и из-под стражи освободили.

Итак, один человек – А.Шабданов практические действия которого сочли наиболее опасными, сразу же после приговора был расстрелян, около 20 человек получили разные сроки заключения и исправительных лагерей и лишь одна Джумадыль Иманкулова – была освобождена.

В приговоре ничего не сказано об одном из активнейших участниках СТП предателе Керимбекове. Но, судя по тому, что он позже был на свободе и работал – его не привлекали к следствию ни в каком качестве.

Это были первые политические репрессированные в Кыргызстане по делу СТП, составившие цвет кыргызской интеллигенции. Зарождавшаяся оппозиция была задушена, и как оказалось тогда, были загублены в зародыше идеи свободного Кыргызстана.

К делу о СТП в НКВД вернулись в 1937 г. на новой волне репрессий, когда во имя оправдания сталинской идеи о росте сопротивления вражеских сил по мере успехов СССР потребовалось реанимировать разгромленную потенциальную оппозицию. Повсюду искали и предавали суду «врагов народа». В первую очередь выявляли их в среде интеллигенции, и здесь первыми были взяты политические лидеры. Привлекли к суду сотни и тысячи новых «соучастников» и всех старых организаторов

СТП, включая А.Сыдыкова. Всех их подвели под расстрельные статьи. То же самое произошло в соседних среднеазиатских республиках. Погибли Турар Рыскулов из Казахстана, Торокул Айтматов и Баялы Исакеев из Кыргызстана, погибли и видные члены так называемой военной оппозиции – Осмонкул Алиев, Джайнак Садаев и др. Всех их связывали без всяких оснований и доказательств с СТП.

Связывали голословно, демагогически и ... подвели под расстрел.

Подытожим сказанное.

Можно утверждать, что большинство наиболее крупных репрессивных мероприятий карательных органов ОГПУ – НКВД в 30-е годы были прямо или косвенно, обоснованно или безосновательно связано с Социал-Туранской партией. Оппозиция не успела еще оформиться организационно, но партийная программа разрабатывалась, прояснялись цели и задачи СТП, которые провозглашались в «Воззвании» – Манифесте, которое предполагалось опубликовать. Идеиные взгляды кыргызских социалистов-туранистов были противоречивы, а идеалы СТП не получили реального воплощения. Однако при других исторических условиях оппозиция могла бы стать альтернативой, противостоящей правящей большевистской партии, не только в Кыргызстане, но и во всем среднеазиатско-казахстанском регионе. Тогда, в 37-м и в последующие трагические годы времен сталинщины, карательные органы стремились в зародыше задушить СТП, уничтожить или наказать ее членов, их родных и близких, которые могли бы стать потенциальными противниками правящего режима. Нередко делалось это безосновательно, огульно. Так выкорчевывалась первая творчески и критически мыслящая элита кыргызских политиков. При этом соответствующая документация строго засекречивалась, уничтожались «репрессированные» книги и рукописи, даже чисто научного содержания.

Ныне рассекреченные материалы архивов вводятся в научный оборот учеными-историками, в книгах, журналах опубликованы новые документальные данные, которые подтверждают, что действительно была и та-

кая партия, как СТП, были и оппозиционеры казарменно-бюрократическому социализму и диктатуре Сталина, были люди науки и интеллектуального труда, противящиеся бездушной тоталитарной системе. Были и абсолютно безвинные жертвы, причем безвинные не только с позиций дня сегодняшнего, но и того жуткого, жестокого времени. Их жизнь, деяния и гибель в застенках ОГПУ – НКВД – одна из страниц борьбы лучших представителей кыргызского и других народов за цивилизованный путь развития.

Ныне по инициативе общественности Кыргызстана, при поддержке Президента КР А.А.Акаева в Чон-Таше создан мемориальный комплекс в память безвинно репрессированных, а в столице республики – г. Бишкеке – создана аллея отцов-основателей национальной государственности Кыргызстана. Свободный народ отдает должное памяти своих героев и мучеников из СТП, которыми он законно гордится, и всем жертвам репрессий.

Анализируя этот период кыргызской политической истории, необходимо во всем быть объективным. Да, были репрессии. Да, были жертвы. Да, был и произвол, и диктатура. Им нет оправдания. Сегодня мы воздаем должное их жертвам.

Но, оставаясь объективным, нельзя не видеть и тех впечатляющих успехов, которых кыргызский народ добился в эти тяжелейшие годы. За короткий срок была сформирована творческая интеллигенция, оставившая потомкам художественные шедевры. Выросли люди искусства, художники, артисты, архитекторы и т.д. Родилась научная интеллигенция. Кыргызстан за кратчайший срок прошел путь от букваря до Национальной академии наук. Страна может гордиться и гордится сыном репрессированного Торокула Айтматова – знаменитым на весь мир писателем Чингизом Айтматовым, аксакалами кыргызской поэзии и прозы Аалы Токомбаевым и Тугельбаем Сыдыкбековым. Учеными Касымом Тыныстановым и Евгением Поливановым, художником Гапаром Айтиевым и балериной Бюбюсарой Бейшеналиевой, певцом Булатом Минжилкиевым и геологом Мусой Адышевым. Да всех их и не перечесть.

История не любит сослагательного наклонения. Но все же, можно представить себе насколько разительнее были бы успехи в развитии нашей республики, не будь вырваны из жизни в те тоталитарные годы лучшие представители кыргызской интеллигенции.

В истории не должно быть умолчания и «белых пятен». Все ее страницы должны быть заполнены одинаково честно и объективно. Поэтому мы и посвятили свою работу наименее известной ее стороне – репрессированной культуре.

И последнее – конкретное предложение.

Чтобы прекратить дискуссию и поставить точки над *i* в вопросе, «была ли на самом деле Социалистическая (Социал) Туранская партия, или это миф, созданный карательными органами с целью как-то оправдать начавшиеся репрессии, нам представляется необходимым срочно выявить и опубликовать:

- 1) *все* документы-первоисточники, связанные с деятельностью Социал-Туранской партии (включая ее «Программу», «Манифест», протоколы собраний, биографии основных деятелей-участников СТП и т.п.);
- 2) следственные материалы карательных органов по делу СТП (проведя их тщательный отбор, чтобы не бросить тень на честных людей, так как многие показания выбивались пытками и от многих обвиняемые в последнем слове отказались). Такие дела имеются в архивах СНБ КР и ФСБ России;
- 3) собрать записи воспоминаний о СТП и ее лидерах в Центральном государственном архиве политической документации КР и архиве СНБ, сопроводив их научными комментариями.

Издание такого сборника документов позволит осветить одну из героических и наиболее трагических страниц политической жизни Кыргызстана, судьбу первой официальной оппозиции в республике тоталитарному режиму. И вернуть истории и народу честные имена борцов, лидеров интеллигенции, отдавших свои жизни в борьбе за лучшую жизнь для своего народа и создание суверенного кыргызского государства.

РЕПРЕССИРОВАННАЯ РЕЛИГИЯ

На рубеже веков. В союзе с преобразователями

XX век стал в Кыргызстане (как и в целом в СССР) наиболее драматическим в многовековой истории религии. В первом тысячелетии нашей эры здесь функционировали такие мировые религии, как зороастризм, христианство, буддизм и ислам. Последняя тысячелетняя история кыргызов протекала в лоне ислама и это обстоятельство накладывало на эту историю соответствующий отпечаток. Ведь будь кыргызы не мусульманами, а христианами, они имели бы совершенно иной статус во времена господства царской России в Туркестане. И, очевидно, иную историю развития. Хотя в годы тоталитарного режима и это не смогло бы уберечь народ от идеологических, религиозных репрессий, которые прокатились в 20-30-е годы по всему СССР.

В то же время, несмотря на длительность внедрения в сознание народа исламской религии, у кыргызов продолжали бытовать, некоторые из них сохранились до сих пор, прежние (доисламские) религиозные представления и обряды, иногда выступая уже в качестве атрибутов ислама¹. Эта многовековая приверженность народным традициям и обрядам помогла сохранить и ислам в советский период – период воинствующего атеизма и борьбы с религией.

Среди наиболее ранних религиозных верований, отложившихся в мировоззрении кыргызов, представления, связанные с тотемизмом. Однако надо сказать, что к отголоскам тотемизма исследователи подчас неправомерно отнесут ряд явлений, не имеющих к нему прямого отношения, например почитание тех или иных

диких и домашних животных или их покровителей², которое, скорее, может рассматриваться как проявление теротеизма или зоолатрии³.

При исследовании тотемизма внимание прежде всего привлекает кыргызская этнонимика, и в этом плане заслуживает рассмотрения этноним *бугу* – название крупнейшего северокрыгызского племени. Этот этноним (в форме *нугу*) фигурирует в качестве названия одного из древнетюркских поколений⁴.

Бытовавшие у кыргызов некоторые обряды и поверья, связанные с волком, имели ряд аналогий с обычаями тюркоязычных народов⁵. Предание, связанное с волком, гласит, что предок одного из кыргызских родов – каба из племени саяк – был вскормлен волчицей.

И в настоящее время религиозные представления кыргызов не стоят особняком от пройденной ими стадии тотемизма. Весьма значительное место в системе религиозных верований кыргызов занимал культ природы в широком смысле слова (с ним мы связываем и астральный культ, и почитание стихий). Наиболее древним, уже почти утраченным, следует считать представление о небе – Тенир – как о высшем божестве.

Сохранилось у кыргызов и представление о божестве Жер-Суу, которому нужно было приносить умиляющие или благодарственные жертвы. Особенностью магических действий, вместе с жертвоприношениями, являлось их вполне «земное», практическое назначение, обусловленное прежде всего потребностями скотоводческого и земледельческого хозяйства, которые основывались на эксплуатации земли и воды – основных ресурсов окружающей земной природы. Сама природа представляла это божество⁶.

Среди «хозяев», которые имелись у различных элементов природы, были особенно сильные и могущественные. К ним относились духи горных вершин и перевалов. В кыргызском языке слово *обоо* означает «холм из камней», груды камней – жертву духу горы⁷ как объекту религиозного поклонения.

Почитаемые места повсеместно стали называться мазар. Они превратились в один из элементов культа мусульманских святых.

Такой святыней считался, например, мазар на перевале, ведущем из долины Алая на Восточный Памир, – типичный старый *обоо*. «На гребне перевала (Кызыл-Арт) – мазар, т.е. гробница. Черепа и архарьи рога, торчащие здесь, белые и черные хвосты кутасов (як) и обрывки материй, развевающихся по ветру»⁸.

Священная гора Тахт-и Сулейман со своим мазаром всегда (и даже в советские годы) привлекала множество верующих мусульман как из Кыргызстана, так и из других близлежащих регионов, в основном из Узбекистана. Посетителей из зарубежных государств практически не было.

Считалось, что камни на склонах горы, отполированные потом прикосновениями тысяч паломников, углубления и выемки обладали целебными свойствами, вода сочившаяся в небольшой пещере, исцеляла болезни глаз, рук, ног, излечивала женщин от бесплодия, мужчин от радикулита и т.п.

В 1939 г. архитектором и краеведом Б.П.Данике у подножия Сулейман-Тоо был обследован мазар домонгольского времени Кичик-Мекка, разрушенный в конце концов атеистами в 50-е годы⁹.

Исторически традиционными мусульманскими святынями на юге Кыргызстана, привлекавшими десятки тысяч паломников были:

Сулейман-гора и худжра – «белый домик Бабура» в Оше; Шах-Фазил, или Сафид-Булан – мавзолей в Алабукинском районе Джалал-Абадской области; Арслан-Боб – в Ачинском районе Джалал-Абадской области с мавзолеем, якобы принадлежащим одному из сподвижников Мухаммеда; Хазрет-Аюб – термальные источники на курорте Джалал-Абад.

На севере Кыргызстана продолжали функционировать дунганская мечеть в г.Пржевальске и татарская мечеть в г.Фрунзе.

Существовали и отдельные «закрытые» секты; например, в Баткенском районе Ошской области и Сузакском районе Джалал-Абадской области – секта – «меачи» (или «мачи») – в мусульманстве, «хлыстисты» – в христианстве, которые всегда были гонимы и отвергались и отвергаются официальными религиями.

Считаясь мусульманами-суннитами, кыргызы в своей массе вовсе не были фанатичными приверженцами ислама как до революции, так и после революции, хотя и видели в нем идеологическое противопоставление как православному христианству, так и государственному атеизму. Поэтому после революции, с расширением атеистической пропаганды и борьбы вообще со всеми религиями (и исламом, и христианством), в Кыргызстане официальный ислам как-то «растворился» в народных традициях, религиозная обрядовость сохранялась, но уже в форме «народных обычаев».

У кыргызов, можно сказать, преобладал «народный» ислам, в основе которого лежали массовые традиции, местные особенности проявляются на поведенческо-обрядовом уровне. Кыргызский вариант «народного» ислама восходит к особенностям кочевого кыргызского менталитета. Пятикратный намаз либо вовсе не совершался, либо совершался, хотя и далеко не всегда, в поле. В Северном Кыргызстане мечетей практически не было. На юге их осталось незначительное количество.

Это сказывалось и на положении женщины в кочевом обществе: женское равноправие, отсутствие паранджи, очень редкое (а в годы советской власти практически полное) отсутствие многоженства; на сохранении культов родоплеменных святых, тотемизма и шаманизма доисламских верований¹⁰.

Наконец, встречавшееся (особенно ранее) отождествление религии и национальности, что иногда проскальзывает в названиях современных диспутных конференций, статей, книг, – методологически поспешно, а политически и негативно, как справедливо подчеркнул российский академик В.М.Массон на недавнем круглом столе в Турк-

менистане¹¹. И ислам, и христианство часто исповедовали люди одной и той же национальности: так было в древности, так было в XX веке, наблюдается это и сейчас.

Интересен вопрос о веротерпимости среднеазиатских народов. В литературе не раз говорилось о якобы христианизации мусульман в колониальный период. Но факты, конкретная статистика говорят о другом. Вот данные, приводимые митрополитом Среднеазиатским Владимиром со ссылкой на одного из своих предшественников архиепископа Димитрия (Абашидзе): за полстолетия российского присутствия в Туркестане крестилось: 8 кара-киргизов, 2 туркмена, 3 сарта и 1 перс (вероятно, таджик). В то же время мусульманство приняло всего 9 россиян, среди которых был и некий священник Громов, ставший даже муллой¹². Все это свидетельствует об отсутствии православного миссионерства среди мусульман. Обе религии мирно, толерантно «сосуществовали» на одной территории, не притесняя одна другую.

Известно, например, что после присоединения Южной Киргизии к России в г. Оше буквально в том же году (1876) при застройке русской части города одной из первых была заложена военно-полевая церковь, освященная в 1879 г. во имя Архангела. В 1910 г. на ее месте возводится весьма внушительное архитектурное сооружение – Михайло-Архангельский православный храм, ставший не только архитектурной доминантой, но и духовным центром «нового города»¹³.

Согласно путеводителю по Туркестану 1904 г., в Оше в это время находились одна православная Михайло-Архангельская церковь, 154 мечети (4 из них общегородские – джами, остальные – квартальные), 7 мазаров, 5 медресе, 20 мужских и женских мектебов (школ) и 8 кара-хана¹⁴.

Несмотря на относительно большое количество мусульманских образовательных школ, грамотность оставалась низкой. Так, в Ферганской области на начало XX в. грамотные составляли 2,9 % населения¹⁵. В Ошском уезде к 1914 г. насчитывалось 88 медресе; в

1900 г. армия мусульманского духовенства составляла почти 33 тыс. человек, или примерно на каждые 50 взрослых мужчин приходилось по одному священнослужителю. О благосклонном отношении российских властей к исламу свидетельствует и вакфная собственность: в 1905 г. в Ошском уезде духовенство 8 волостей из 11 владело 287 вакфами¹⁶.

Известна мечеть манапа Шабдана Джантаева, выстроенная им на родине – в Чон-Кемине. Кроме обрядовых функций имама, муллы занимались и образовательными – учили детей грамоте. Так, у одного из имамов Ямлиха, служившего при мечети около 10 лет, было 300 учеников¹⁷.

Таким образом, мы видим последовательное распространение ислама и христианства на территории Кыргызстана, с несомненным проникновением в культуру народов, населяющих эту территорию, как кыргызов, так и переселенцев.

В феврале 1917 г. в России грянула революция, приведшая к падению царизма. Попытка русской буржуазной демократии удержать власть в руках провалилась, так как она не предоставила независимости колониальным народам. Пришедшие в октябре 1917 г. к власти в России большевики поначалу проявили известную терпимость к мусульманским народам, предоставив им свободу совести и судопроизводства по исламскому шариату и традиционному адату кочевников.

3 декабря 1917 г. публикуется обращение Совета Народных Комиссаров, подписанное В.И. Лениным, «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось: «Отныне ваши верования, обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это»¹⁸. По личному распоряжению Ленина, в декабре 1917 г. в Петрограде мусульманскому съезду была передана одна из крупнейших святынь мусульманского мира – «Коран Османа» (Мусхаф Усмани) – рукопись

Корана, принадлежавшего халифу Осману (VII век), третьему «праведному халифу».

Большая часть мусульманского населения России и Туркестана поначалу поддерживала установление советской власти, с которой мусульмане связывали свое освобождение от национальных и конфессиональных притеснений. При этом большинство богословов и мусульманской элиты были готовы к сотрудничеству с новой властью¹⁹.

Современный российский востоковед А.Вишневский писал в связи с этим: «До нынешнего времени у нас замалчивалось такое обстоятельство: в мусульманских районах проведение первых социалистических преобразований было бы просто невозможно, если бы их не поддерживала часть мусульманского духовенства»²⁰. Другой современный российский религовед П.Литвинов пишет, что большевистские власти «к самому исламу относились весьма осторожно. Они признали преждевременным ликвидировать «шариатский» суд и мусульманские религиозные образовательные учреждения. Более того, 20 мая 1922 г. Пленум Средазбюро ЦК РКП(б) принял решение о возврате вакфных имуществ мечетям, мектебам и медресе. Партийные вожди среднеазиатских советских республик предпочитали не вспоминать о «классовой» сущности ислама»²¹. Мнения названных ученых подтверждаются выводами первых послереволюционных исследователей Кыргызстана.

Однако «медовый» период сотрудничества большевистского режима с религией в Центральной Азии продолжался относительно недолго. Выяснилось, что советская власть использовала свой мир с исламом для того, чтобы постепенно «приручить» мусульманское население региона, в том числе и кыргызов, и «приучить» его к новой жизни без «эксплуатации». Несмотря на то, что мусульманское духовенство оказало помощь большевикам в установлении в Центральной Азии власти, оно также подверглось репрессиям, когда режим «воинствующих материалистов» и атеистов перешел в наступление на все конфессии страны, в том числе и на ислам и православие.

Архивных материалов по деятельности религиозных учреждений в Кыргызстане в 20-30-е годы XX в. сохранилось очень немного. Это отдельные справки, информационные нерегулярные отчеты, вырезки из газет, отрывочные материалы о положении исламских и православных общин, евангельских христиан-баптистов и других сект. Все они были засекречены и до недавнего времени исследователи практически не имели к ним доступа. Да и исследователей по этой проблеме фактически не было. Не поощрялась такая работа, не велись исследования планового характера на государственном уровне.

Но, и это следует отметить, имеется богатый и разносторонний материал, охватывающий период с 1944 по 1965 г., когда официально был создан Уполномоченный Совет по делам религиозных культов²². Инструктивным письмом секретариат ЦК КП(б) Кыргызстана в 1944 г. уведомлял обкомы, что сложившиеся обстоятельства (в годы войны) требуют осторожного отношения к религиозным организациям и нет сомнения в том, что повышение чувства патриотизма в среде верующих поможет морально-политическому единению советских людей в борьбе против фашизма.

В советские годы проблемами религии серьезно не занимались, считая, что достаточно декретов, указов, постановлений, работы специальных комиссий, обществ безбожников и т.п., и вопрос решится сам собой и «опиум для народа» будет искоренен. Характерный пример подобной сентенции – вывод из книги специалиста-религоведа того времени Н.А.Аширова: «Грандиозные социально-экономические преобразования, осуществленные в нашей стране за годы советской власти, титаническая воспитательная работа Коммунистической партии привели к тому, что в сознании и психологии советских людей произошли коренные изменения. Существенно изменилось их отношение к религии. Престиж религии резко пал в глазах подавляющего числа людей»²³.

Этой же позиции и выводов придерживался еще совсем недавно и наш коллега философ М.Абдылдаев,

утверждая, что Великий Октябрь «освободил народы от духовного гнета религии»²⁴.

Идеологи выдавали желаемое за действительное. Современные оценки этого процесса выглядят совершенно иначе. Здесь нам кажется абсолютно прав другой автор – наш современник, теолог, митрополит Владимир. Он, например, пишет, что в советский период, особенно когда начались репрессии против религии, «мусульманство могло прятать, точнее, не демонстрировать обрядовость своей религии, – считает он – Но образ жизни восточного человека был от рождения до смерти все-таки мусульманским»²⁵.

Один из пионеров исследования общественно-политического уклада в Горном Кыргызстане П.В.Погорельский писал (по материалам экспедиции 1925 г.), что кыргызов принято считать индифферентными к вопросам религии, что, отчасти правильно. Погорельский свидетельствовал, что, проезжая по кочевьям кыргызов, он редко встречал места молений и самих молящихся. Но он же указывал, что в каждом осевшем или оседающем поселке в первую очередь строятся мечети, где свободно проживают служители ислама, «однако, не собственно мullahы, а чаще всего из узбеков. Сами кыргызы говорили, что еще недавно (лет 10 назад) они были менее привержены исламу, отдавая предпочтение шаманизму»²⁶.

Не исключено, что П.В.Погорельский как представитель в принципе атеистического режима склонен был преуменьшать исламскую религиозность кыргызов, которые, кстати, не хотели откровенничать на сей счет с «капыром».

Однако следует, видимо, признать, что большевистскому режиму «невыгодно было обострять отношения с мусульманством в условиях продолжавшегося басмаческого движения и сохранения недоверия местного населения Туркестана к доброте народной власти»²⁷.

Об этом свидетельствует пример, о котором писали в свое время В.Я.Галицкий и В.М.Плоских. В первые годы советской власти в г.Оше продолжало функцио-

нировать известное медресе Алымбека, основанное правителем алайских кыргызов Алымбеком-даткой. Медресе сохраняло свою вакфную собственность и исправно получало доходы от таковой, чему большевистский режим на первых порах не препятствовал²⁸.

Не говоря уже о дореволюционном времени, даже в первые годы советской власти увеличивался вакфный земельный фонд (правда, только на юге, на севере Кыргызстана вакфы отсутствовали). Согласно архивным данным, во владении вакфов Ошской волости к 1925 г. находилось более 5 % всех поливных земель – очень большой процент²⁹. Правда, после работы специальной вакфной комиссии в 1925 г. рост вакфов постепенно прекратился³⁰. Вскоре вообще все они были ликвидированы.

В первое десятилетие советской власти в Кыргызстане открывалось больше мечетей, чем до революции. Так, в Нарынском кантоне с 1900 по 1917 г. было построено 24 мечети, а за 10 лет после Октября – 25³¹. В Каракольском кантоне – соответственно 3 и 24, в Чуйском – 8 и 37³².

С 1919 по 1928 гг. на территории Кыргызстана, в Чуйском, Каракольском, Джалал-Абадском и Нарынском кантонах была отстроена и открыта 131 новая мечеть (в Джалал-Абадском – 47, Нарынском – 25, Чуйском – 37, Каракольском – 24)³³. По кантонам Ошской области данные не приводились, но там, судя по предшествующим сообщениям, функционировало больше старых мечетей.

В Джалал-Абадском кантоне при мечетях находился 201 имам, из них с высшим духовным образованием – 36 %, средним – 12%, низшим – 38 %. В светских же школах из 459 учителей-кыргызов только 2 % имели незаконченное среднее образование³⁴. Соотношение сил явно не в пользу светского образования.

После установления советской власти в Оше (январь 1918 г.) Михайло-Архангельский храм в течение 10 лет принадлежал православной религиозной общине, пока ошский кантонный исполком не принял постановление «Об использовании помещения церкви под клуб»³⁵.

Религия, воспринимаемая советскими воинствующими атеистами как «опиум для народа», на самом деле старалась не политизироваться, не вмешиваться в борьбу за власть.

Современный глава Среднеазиатской епархии митрополит Владимир (Иким) считает: «Религия – дело небесное, политика – дело земное. Всякая попытка использовать религию в целях достижения власти или корысти, любые политические спекуляции на религии есть смертный грех, кощунство и преступление перед Богом Правосудным».

Ему вторит Лугмар-агин Гаухаров, зам. муфтия мусульман Кыргызстана: «Религия никогда не нацеливает своих приверженцев на выступления против государства, против существующего строя. Наоборот, ислам воспитывает в мусульманах уважение к государству, его законам, требует вставать на защиту Родины, если ей угрожает опасность»³⁶.

Такой веротерпимый альянс новой революционной власти и двух мировых религий на первом этапе вполне объясним. Причина этого не только в осторожной политике большевиков, но и в некоторых внешне сходных чертах, таких, как охват всех сторон общественной и индивидуальной жизни, равенство всех членов общины, приоритет общественных целей над индивидуальными³⁷.

Начатая большевиками секуляризация осуществлялась крайне непоследовательно, скачками и носила шоковый характер. Власти Туркестанской АССР приняли декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», повторяющий подобный кремлевский документ. Началась конфискация имущества, принадлежавшего мусульманским организациям (вакфов), отменялось преподавание религии в школах. Упразднился шариат. Мусульманская теология с ее развитой системой подготовки богословских кадров бездействовала, активно продолжала функционировать лишь обрядная часть ислама.

Чрезмерная смелость большевиков в ломке религиозных традиций 30-миллионного мусульманского населе-

ния советской империи породила угрожающее по масштабам и глубине убеждений сопротивление новой власти. Одним из его выражений стало басмаческое движение.

Антирелигиозное насилие затрудняло установление и укрепление новой власти, и большевики осознавали поспешность и необдуманность своих действий. В такие моменты они предпринимали попытки заигрывания с верующими: в тезисах VII съезда Компартии Туркестана указывалось на недопустимость оскорбления религиозных чувств верующих, а на III съезде Советов Туркестана многие делегаты покидали заседание для совершения намаза.

Экономическая политика, проводимая советской властью, внешне была схожа с арабским завоеванием. Дыйканам, окончившим школы ликбеза предоставлялись льготы: выдавались ссуда, техника, инвентарь. Льготы предоставлялись также, если жены и дочери тоже посещали курсы ликбеза. В результате атеистическое усердие было прямо пропорционально карьере.

Несмотря на атеистическое наступление, мусульманское население Туркестана продолжало строить сотни мечетей. Все большую роль приобретает институт ишанства. Рост мюридских общин, особенно в Фергане, их активизация обеспокоили власти, и на страницах газет того времени появляются публичные разоблачения и саморазоблачения руководителей мюридских общин, отречения от религии.

Представляет интерес воззвание мусульманского духовенства Оша в поддержку земельно-водной реформы и политики советского государства в 1927 г.

«Мы, духовенство г. Ош... прежде всего, на основе шариата ислама и изречения друга Бога великого пророка Магомета, во-вторых, как сторонники трудящихся и честные люди проводимую аграрную политику Советской власти и Компартии признаем вполне правильной, отвечающей требованиям и вопросам населения...

Мы, свободное духовенство религии ислама и шариата, призываем вас быть сознательными, добросовест-

ными сынами Советской страны, не укрывайте свои земельные участки, а, наоборот, заявляйте сами, не делайте преступлений против себя, не вводите бедноту в заблуждение, будьте честными, добросовестными и примерными, и вы всегда получите по закону и по шариату должную трудовую земельную норму...

Все лица, которые будут укрывать свои земельные участки и другое имущество от государства, будут являться врагами Бога и ненавистниками великого пророка и друга Бога Магомета»³⁸.

Это была последняя попытка мусульманского духовенства к альянсу с советской властью, продиктованная стремлением приспособиться к новым социально-политическим условиям.

Вскоре воинствующий атеизм перешел к силовым методам борьбы с религией и репрессиям в отношении ее служителей. Духовная интеллигенция фактически сошла с исторической арены. Сошла – до нового возрождения.

Мусульмане Средней Азии, в том числе и кыргызы, многого ждали от революции, тем более, что поначалу большевики охотно провозглашали лозунги свободы и самоопределения. Действительно, в первое время большевистский режим в Средней Азии отнесся весьма толерантно к угнетенным трудящимся мусульманским массам. В первые годы новой власти функционировали мечети, работали мектебы и медресе, не преследовалось паломничество к мазарам, хотя хадж в Мекку стал для мусульман Туркестана, в том числе и для кыргызов; делом далеко нелегким.

Сегодня абсолютно ясно, что, проявив терпимость к деятельности мусульманских культовых учреждений, оставив на некоторое время судопроизводство по адату и шариату, новый режим действовал фарисейски – он выжидал время, чтобы пойти в атаку, и не только на ислам, но на религию как таковую вообще. В отличие от Центральной России, в Туркестане он вынужден был действовать гибче, т.е. сначала «приручить» мусульман, а потом перейти к «искоренению» их конфессионального

мировоззрения, заменив его атеистическим по марксистско-ленинскому образцу. И когда большевистская власть почувствовала, что в достаточной мере преуспела в «приручении» мусульман, она перешла в атаку на ислам и его институты в регионе³⁹. Ислам «ушел в подполье» для того, чтобы сохранить свои силы, свое влияние на верующих, с тем, чтобы при благоприятном стечении исторических обстоятельств вернуть свои позиции.

Репрессии религии и верующих

Первые мероприятия советской власти отнюдь, как уже говорилось, не были воинственно-атеистическими и не отпугивали, а, наоборот, привлекали верующих различных религий.

Лозунги «Мир – народам», «Земля – крестьянам», «Хлеб – голодным», «Свобода совести, печати и собраний» – привлекали народные массы без различия их вероисповедания: и православных, и мусульман. «Обращение к мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.), сулившее все возможные свободы и блага, вызвало волну мусульманских съездов, советов и комиссариатов, создание мусульманских военизированных подразделений. Но вскоре практика показала, насколько далеки были лозунги от реальной политики нового государства и новых правителей. Появились новые призывы: к «борьбе с «великодержавным шовинизмом» и «национально-освободительными движениями». Когда мусульманские лидеры действительно попытались проявить самостоятельность (вспомним пример с «Кокандской автономией»), на их подавление была брошена Красная Армия, повстанческое движение мусульман было объявлено контрреволюционным басмачеством и кроваво подавлено. Затем в борьбе с антисоветскими мирными действиями в ход пошли лозунги «борьба с пантюркизмом и панисламизмом». А позже, освоив приемы вооруженного подавления инакомыслия в массовых масштабах в годы гражданской войны, перешли к репрессиям в отношении верующих всех религий.

Развернулась мощная антирелигиозная борьба, в которой пострадали помимо прочих многие священнослужители. Одних загнали в концлагеря, других уничтожили физически. Мечети и прочие исламские культовые учреждения, в том числе в Кыргызстане, сознательно разрушались, превращались в складские помещения, бани и т.п. Кроме того, шла тотальная «промывка мозгов» миллионов верующих региона. По всей стране разворачивалась кампания против религии вообще и ислама в частности. Исполдволь такая кампания проводилась и в Кыргызстане и, естественно, с прицелом на молодежь и лиц среднего возраста, поверивших в гуманизм и справедливость новой власти. Митрополит Владимир пишет: «С 20-х годов в Туркестане начинаются физическое уничтожение мусульманской аристократии, интеллигенции и духовенства, массовые расправы над населением, не желавшим подчиняться большевистскому режиму»⁴⁰.

В отношении православных христиан официальные власти решили действовать через «раскол». Появились «еретики»-«обновленцы», официально признанные властью, сотрудничавшие с новой властью, занимавшиеся доносами на православное духовенство и провоцировавшие расправы с ними⁴¹.

Укрепившись, большевики меняют отношение к религии: все подозреваемые на предмет инакомыслия, в том числе и мусульманские деятели, подвергались физическому уничтожению или же ссылались в концлагеря.

Террор, явная или скрытая дискриминация по отношению к верующим характеризуют весь советский период. Конфискация вакфов, упразднение судов ада-та и шариата, жесточайшее преследование верующих вызвали в 20-е годы массовую волну эмиграции из региона в Западный Китай, Афганистан. Эмигранты называли себя «мухаджирами» (пострадавшими за веру от преследователей пророка Мухаммеда). И именно фактор борьбы за веру, борьбы против «неправедной власти» использовал в своем обращении к населению от 15 июля 1921 г. глава ферганских басмачей Исра-

ил-бек: «Дехкане, ремесленники и угнетенные бедняки Туркестана и Ферганы, отлученные от своих городов и кишлаков, от своих близких и родных и обманутые ложными словами и плутовством стоящих у власти большевиков и евреев и превращенные в жертвы лжи и низких идей этих же большевиков красноармейцы!...

Где обещанные благоденствия? Где ваши мясо и сало, служившие для вас пищей? Где ваша одежда?...

Разрушители мира говорят: все то, что имеется в мире, будет общим достоянием. Этим они продолжают свое вредное дело. Они не признают творца сего мира Аллаха, никакой религии и шариата. Они хотят сделать всех подобно себе без религии, и для этой цели попусту проливают кровь людей, их детей делают сиротами...

Эти безбожники хотят превратить человеческое общежитие в общежитие кур, из людей сделать животных... Если вы не примете меры к своему освобождению от этой грязи, то вы собьетесь со своего многовекового верного пути, забудете свою религию, национальность и историю. Вы же тогда явитесь нравственными ответчиками за такое преступление и подвергнетесь гневу и злобе нашего Бога. Откройте глаза, так как спать не время, берите в руки оружие за сохранение чести...»⁴².

В этом обращении наиболее полно выражено отношение басмачества к новой власти. Как показала дальнейшая история, в отношении религии, репрессий ее и верующих эти «предсказания» сбылись.

Остававшиеся мусульманские заведения попадали под строгий контроль спецслужб, даже при самом лояльном отношении к властям; причем свою лояльность приходилось постоянно подтверждать. Атеистическая борьба с официальным исламом, способствовала развитию и распространению суфистских общин. Ишаны действовали более осмотрительно, что, однако, не оберегало их от доносов, поскольку в государстве уже сильно был развит институт доносительства.

Религиозные общины, имевшие связи с церковными организациями за рубежом, объявлялись подручны-

ми «вражеских разведок», запрещались, их члены репрессировались как «враги народа». Так расправились с баптистами и меннонитами, большинство которых составляли немцы-переселенцы⁴³. Достаточным поводом для репрессий служили вымышленные и невымышленные контакты с руководителями конфессий.

Политика нетерпимости и жестокости к инакомыслящим несла страдания миллионам верующих. Таково же было отношение и к культовым сооружениям, храмам, являвшимся напоминанием о традиционных верованиях и религии.

С.М.Абрамзон справедливо считал, что именно кыргызскому манапству принадлежала выдающаяся роль в оформлении религиозной идеологии и внедрении ислама в среду кыргызов⁴⁴. Понимали это и советские руководители на местах: к концу 20-х годов, с усилением классовой борьбы – с кулачеством и манапством, выселением их из Кыргызстана и ссылкой, одновременно преследовалась и другая цель – репрессии религии, борьба с верующими, лишившимися основной массы своих духовных пастырей.

В 1925 г. в СССР на съезде корреспондентов газеты «Безбожник» был основан «Союз безбожников». Он ставил своей задачей идейную и практическую борьбу с религией во всех ее проявлениях. В первые ячейки этого движения вошло в Кыргызстане 11,5 тыс. человек⁴⁵.

Теологи называют советские годы «богоборческим режимом», создавшим духовный вакуум в обществе. Репрессии, ГУЛАГ, уничтожение духовенства, разрушение мечетей, медресе, храмов и церквей в богоборческое время – это попытка навязать миру свою «веру», свои представления о светлом будущем и всеобщем равенстве.

В мире коммунистических грез «выкорчевывались» даже развалины святынь традиционных религий. Порочность этих действий трагична для уникальных мечетей и мавзолеев, немногочисленных культовых сооружений кочевого населения Средней Азии, почитавшихся веками и разрушенных лишь в советское время.

Прекрасный архитектурный исламский комплекс – медресе и мечеть Алымбека-датки, построенный в середине XIX в., был разрушен в 40-е годы XX в. Тюрк-медресе в Оше было закрыто в 1929 г., а его здание передано любительскому театральному коллективу, ставшему в 1932 г. профессиональным Ошским узбекским музыкально-драматическим театром.

Мечеть Рават Абдулла-хана – историко-архитектурный памятник конца XVI в. – была для своего времени крупнейшим культовым сооружением г. Оша и пользовалась даже в первые годы советской власти особой популярностью у верующих, правда, больше как памятник старины, находящийся у подножия священной в мире ислама Сулейман-горы. Тысячи паломников посещали ее в дни мусульманских праздников. При советской власти она некоторое время принадлежала религиозной общине, но в 30-е годы была передана под общежитие⁴⁶.

Для советской истории, начиная с 20-х годов XX в., характерны репрессивная политика, явная и скрытая дискриминация в отношении всех религий, всех проявлений религиозного вероучения и всех верующих. Репрессиям подвергались исламские и православные священнослужители и верующие-прихожане, разрушались медресе, мечети, церкви, монастыри, моленные дома, которые закрывались, переоборудовались и использовались совсем по иному назначению.

Так, в конце 20-х годов во Фрунзе церковь Святого Серафима была отдана под клуб столичного детдома, Троицкая церковь в Пржевальске передана под спортивную школу.

В конце 20-х годов власти города Ош «согласились с мнением подавляющего большинства населения об использовании церкви под клуб», и варварски «перекроили» Михайло-Архангельский храм в г.Оше, сбросили кресты и колокола, разрушили колокольню, снесли купол, уничтожили иконостас и алтарь. Только в 1991 г. храм был возвращен православной религиозной общине⁴⁷.

Аналогичной оказалась и судьба православного храма Пресвятой Троицы (Свято-Троицкого собора) в г. Кара-

коле. Походная сельская церковь, размещавшаяся в юрте, в 1871 г. была по решению городского политического совета переведена из Теплоключенки в Каракол. Позже здесь была построена церковь, освященная в 1895 г. как храм Пресвятой Троицы.

С наступлением воинствующего атеизма в годы советской власти начались беды. Храм у верующих отняли, на прекрасном здании снесли четыре из пяти глав храма вместе с державшими их шатрами, разрушили и колокольню. Богоборцы расстреливали из пистолетов чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери, ставшую достоянием Исык-Кульского Свято-Троицкого монастыря. Следы пуль до сих пор видны на иконе с изображением лика Владычицы Богородицы⁴⁸. Поруганная, ограбленная, оскверненная церковь пребывала в ужасном состоянии.

Выступая 15 ноября 1997 г. в Караколе в связи со 125-летием православной епархии Средней Азии, патриарх Московский и вся Руси Алексей II сказал: «Церковь создавала святые храмы Божии для того, чтобы люди могли молиться в них. Когда этот храм Божий был превращен в театр, православные верующие переживали, рассматривали это как аморальный поступок по отношению к святыне, которая сто лет тому назад была воздвигнута здесь, на этой земле»⁴⁹.

Храм возвратили православной общине лишь в 1944 г., в период изменения политики центральной власти в отношении к церкви и религии вообще. Но не надолго. В хрущевские времена церковь снова подверглась унижению и разграблению: здесь размещались комитет комсомола и спортивная школа, использовалось помещение даже под угольный склад. Пока не наступило новое время – время Возрождения – 90-е годы⁵⁰.

Трагична судьба мечети Тахт-и Сулейман в г.Ош. Худжра – молебельный домик на склоне Сулейман-Тоо, якобы принадлежавший основателю Империи Великих Моголов Бабуру, был построен в XV в. В своих мемуарах Бабур, любивший г.Ош, писал: «На вершине этой горы Султан Махмуджан построил худжру. Ниже ее,

на выступе горы я тоже построил в 902 году худжру с айваном. Хотя его худжра стоит выше моей, но моя расположена много лучше: весь город и предместья расстилаются под нею»⁵¹.

К XX веку худжра Султана Махмудхана была уже разрушена. Паломничество совершалось к так называемому «домику Бабура», известному в литературе как мечеть Тахт-и Сулейман. Это была однокамерная мечеть, выстроенная в стиле исламской архитектуры, являющая собой своеобразный акцент в архитектурном лике города и привлекавшая массу паломников⁵². И это не могло оставить равнодушным воинствующих атеистов. Решением Ошского горисполкома от 25 апреля 1969 г. мечеть была ночью, в строго секретной обстановке, разрушена⁵³. Пытавшихся защитить здание как памятник средневековой архитектуры работников Ошского музея (в частности, первооткрывателя землянок эпохи бронзы у подножия Сулейман-Тоо Елену Дружинину) административно наказали.

Лишь четверть века спустя, в годы перестройки ученые (в частности, Б.В.Помаскин) подняли вопрос о восстановлении мечети Тахт-и Сулейман⁵⁴, и она была фактически заново отстроена на старом месте, представляя собой сейчас объект историко-культурного туризма и восстановленного паломничества мусульман.

В советское время начинался, говоря словами христианских священников, «разгул богоборчества». Жертвами красного террора стали ряд священников и иночествующих, среди них иеромонахи Иссyk-Кульского Свято-Троицкого монастыря Серафим и Фогност, местно прославленные в Алма-Атинской епархии в лике преподобномучеников⁵⁵.

С 1924 г. начался захват храмов так называемыми «обновленцами», «живоцерковниками», которые действовали при поддержке большевистских властей, по-своему, изнутри, подрывая устои традиционной религии.

В 1906-1912 гг. устроителем жизни православных верующих Туркестанской епархии был один из выдающихся архиереев русской православной церкви епископ Ди-

митрий (Абашидзе) – создатель монастырских комплексов Иссык-Кульской Свято-Троицкой мужской и Ташкентской Свято-Никольской женской обителей, Иверско-Серафимовского женского монастыря в Верном. При его возглавлении более чем вдвое увеличилось число приходов: их стало 162, причем на всех он поставил священников, не раз лично объехал все приходы епархии.

Димитрий оставил добрую память о себе своими делами: пользуясь еще светскими связями с придворными императорского двора как грузинский князь Абашидзе, он во многом способствовал укреплению своих приходов и воспитанию духовности у православной паствы. В 1919 г. он потерял зрение, принял схимну и вплоть до своей кончины (1945г.) оставался в Киевско-Печерской лавре.

С 1912 по 1923 г. архиепископом Туркестана был Иннокентий (в миру Пустынский), считавшийся видным богословом. На годы его архиерейства пришлось трагические для церкви первые «революционные преобразования». И хотя он получил от патриарха Тихона в 1918 г. право самоуправления, но не выдержал борьбы с новыми властями, не смог противостоять развернувшейся в печати травле, постоянным обыскам и угрозам ареста. В результате в 1923 г. он покинул епархию и уехал в Москву. Впоследствии он перешел в «обновленчество» и дни свои окончил простым звонарем верненского Покровского храма.

Революционные события, культурные преобразования, духовные искания внесли шатания и в жизнь православных прихожан. В 20-е годы православным был нанесен большой вред противостоянием «обновленцев». Для борьбы с «обновленцами» местные православные создали в 1923 г. Союз церковных приходов, который возглавляли Туркестанский главный епископ Андрей (Ухтомский), протоирей Валентин Войно-Ясенецкий и Михаил Андреев. Протоирей Валентин, священник и проповедник, был выдающимся ученым и врачом-практиком. Приняв монашество с именем Луки, он был посвящен сосланными в Туркестан архиереями в епископский сан и занял

Ташкентскую кафедру. Однако в качестве правящего архиерея епископ Лука смог совершить только одно богослужение. В 1924 г. все руководство Союза церковных приходов было арестовано. Лука сослан в Сибирь. Это был первый массовый репрессивный акт в Туркестане против православных священнослужителей⁵⁶.

В то же время в Туркестан массово ссылались духовенство из центральных районов страны. Сюда бежали и сами священнослужители, чтобы не попасть под репрессии в своих епархиях. «Местные мусульмане, – пишет архиепископ (ныне митрополит) Бишкекский и Среднеазиатский Владимир, – проявляли милосердие к ссыльным, во многих случаях укрывали православное духовенство от репрессий, даже рискуя собственной жизнью».

Вскоре возвратился из ссылки Лука (Войно-Ясенецкий) и занял Ташкентскую и Туркестанскую кафедру (1927-1929 гг.). Однако под угрозой нового ареста вынужден был отойти от проповедческой деятельности и занялся только врачеванием (в чем впоследствии горько каялся, считая поступок тягчайшим грехом, о чем и написал в своих воспоминаниях).

Забегая вперед, напомним: в годы войны с фашизмом епископ Лука был назначен главным хирургом эвакогоспиталей, написал фундаментальную монографию «Очерки гнойной хирургии», за которую получил Сталинскую премию 1-й степени.

Владыка Владимир так пишет об этом событии: «На правительственном приеме Сталин спросил епископа Луку:

- Ну что, хирург, ты много операций сделал, а видел ли ты когда-нибудь человеческую душу?
- Мне много раз приходилось делать операции на голове и вскрывать черепную коробку, но я никогда не видел ума. А мы знаем, что ум существует, - ответил епископ Лука»⁵⁷.

С 1927 г. Туркестанскую епархию возглавлял митрополит Арсений (Стадницкий) – один из виднейших иерархов Русской Церкви, бывший в свое время ближайшим сподвижником патриарха Тихона и представ-

ший вместе с ним перед судом на «процессе по изъятию церковных ценностей».

В 1936 г. Туркестанская епархия была разделена на две: Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию и Казахстанскую. Православные общины Кыргызстана вошли в первую епархию. Ее возглавлял архиепископ Борис (Шептулин). Ранее он пребывал в «обновленчестве», но принес покаяние и был прощен. Тем не менее глубоко переживал свой былой грех: носил вериги, ходил босиком в любую погоду, юродствовал. В 1937 г. ответил отказом на предложение ГПУ стать «обновленческим митрополитом», был арестован, заключен в лагерь, где и скончался⁵⁸. До конца войны (1945 г.) епархия оставалась без архиерейского возглавления. Как с горечью пишет митрополит Владимир, большевистский режим стремился насилем и тотальной атеистической пропагандой подавить религию, втиснуть религию в мертвые идеологические схемы, стереть историческую память народов⁵⁹. Мы бы назвали такое состояние – травмиранием религии, травмиранием духовного бытия⁶⁰. В то же время – «ничто так не сближает людей, как совместно перенесенные гонения... Перед лицом свирепых гонителей мусульмане и православные проникались взаимным сочувствием, стремились помочь друг другу»⁶¹. Ибо всякое действие вызывает противодействие.

Таковы судьбы православия и верующих в годы репрессий.

Ранее проблемы религий – и ислама, и православия, и других конфессий – не были предметом специального научного исследования и оставались «белыми пятнами» истории.

Как известно, с началом «великого перелома» в СССР изменилась и конфессиональная ситуация в стране, в том числе и в Кыргызстане. Здесь тоже начала активно разворачиваться антирелигиозная кампания, затронувшая, конечно, и ислам. Повсеместно закрывались и ликвидировались храмы, другие культовые сооружения всех конфессий, включая и мусульманские. К 1940 г. в Кыргыз-

стане было закрыто 12 церквей и 90 мечетей⁶². Закрытие исламских богослужебных учреждений продолжалось даже в годы войны. Так, в Иссык-Кульской области к 1946 г. из 92 мечетей не осталось ни одной. Так же, как и христианские храмы, мусульманские мечети, мектебы, медресе и прочие культовые сооружения превращались в склады, амбары и даже скотные дворы. Из тысяч богослужебных заведений до настоящего времени «дожили» только десятки, да и то лишь потому, что были признаны историческими памятниками.

Как уже говорилось, трагичной оказалась и судьба великолепного медресе Алымбека, построенного в Оше в середине XIX в. Выдающийся кыргызский родоправитель вместе со своей супругой и преемницей Курманджан-даткой основали это учебное заведение в надежде, что из его стен будут выходить образованные молодые их соплеменники – кыргызы, которые понесут в народ свет истинных знаний и веры. Так оно и было до тех пор, пока советские власти сначала не закрыли это медресе, а потом на рубеже 40-х и 50-х годов нашего столетия окончательно не разрушили его как «очаг религиозного мракобесия». Так был уничтожен выдающийся памятник исламской культовой архитектуры, соперничавший в свое время с ханским медресе в Коканде.

Отношение советской власти к исламским культовым сооружениям становится особенно очевидным, когда знакомишься с документами. Вот один из них, датированный 24 апреля 1963 г. Это акт комиссии Ошского городского Совета депутатов трудящихся «О сносе «Белого домика» на Сулейман-горе». В нем читаем: «При осмотре Комиссия установила:

1. Строение или «Белый домик», имеющий внутри площадь в 10 м² с земляным полом... по достоверным данным, якобы сооружено ферганским феодалом – ханом Махмудом... Как архитектурное сооружение никакой ценности не представляет.
2. В то же время указанный «Белый домик», как и гора Сулеймана, пользуется у отсталой части населения,

особенно у женщин, известностью как обладающие «священными», «целительными» свойствами. Это заблуждение всячески пропагандируется всякого рода шейхами-шарлатанами, использующими гору и домик для легкого заработка и наживы за счёт паломников...

3. ...Комиссия считает необходимым домик снести, площадку благоустроить...»⁶³.

Вот так разрушали «старый мир». Воинствующие атеисты не уставали «разоблачать», чтобы разрушать.

Надо сказать, однако, что мусульманство во времена атеистических гонений понесло значительно меньше утрат, чем православие.

Во-первых, на атеизм мусульмане смотрели как на навязанную извне официальную идеологию, и мусульманство ушло «внутрь» – в семью. В мусульманстве нет таинств, как, например, в христианстве, для совершения которых нужен храм. Любой сведущий в вероучении человек мог возглавить религиозную общину и совершать обряды. И роль мулл в сложившейся ситуации перешла к старейшинам, аксакалам. Местом моления вместо уничтоженных мечетей стали гумбезы, мазары, другие святые места. Поэтому «после обретения свободы совести не было необходимости «возрождать ислам», он просто вышел на поверхность»⁶⁴.

Обосновывая и оправдывая репрессии советской власти против религии – как ислама, так и христианства, воинствующие атеисты-ученые (философы, историки, этнографы), такие как, например, Ю.Г.Петраш в своих «научно-практических» статьях делали такие выводы: «Насаждая ислам, мусульманские проповедники еще больше одурманивали сознание безграмотного и угнетенного народа. Они стремились обезволить трудящиеся массы, убить в них дух революционного самосознания, закрепляя их рабское положение проповедями о «воле аллаха», скрывая за ней волю эксплуататоров. Огромная армия служителей культа, мусульманские школы и учебные заведения, готовившие кадры духовенства, были в руках эксплуататоров действенным орудием подчинения

трудящихся масс»⁶⁵. Ю.Г.Петраш был не только «теоретиком», но и «практиком» – лично участвовал в разрушении мечетей и медресе в Оше, сношении хиджры – «домика Бабура» – на Сулейман-горе и т.п.

Быстро раскручивался маховик репрессий: духовенство арестовывали и гноили в тюрьмах и лагерях, в ссылках и на каторге. Сроки заключения (за неимением конкретных преступлений) произвольно увеличивались – сначала два-три года, потом – «шестерки», «восьмерки» и «десятки». Арестовывали их по соответствующим спискам и разнарядкам. «Случаи, когда бы пастырь не имел в биографии «лагерной строчки», уникальны», – пишет митрополит Среднеазиатский Владимир⁶⁶.

Репрессии не сломили священнослужителей. Большинство вернувшихся из заключения священников вновь приступало к своему пасторскому служению. Но их становилось все меньше и меньше. «Богоборческий режим долго выжидал, пока ослабевет и вымрет старшее верующее поколение, одурманивая молодежь пропагандой безбожия»⁶⁷.

В тяжелое время Великой Отечественной войны многие люди стали вновь обращаться к вере. И духовенство, как православное, так и мусульманское, сразу же заняло антифашистскую позицию.

Военное лихолетье заставило и официальные власти страны обратиться лицом к религии. И.В.Сталин, почувствовавший, что поддержка церкви и верующих должны помочь в борьбе с врагом, пошел на некоторые уступки и послабления в религиозной политике.

В первые же дни войны в обращении к народу из уст И.В.Сталина впервые прозвучало церковное: «братья и сестры». Появилась необходимость в идее, объединяющей народ, укрепляющей дух и патриотизм. Был ослаблен атеистический прессинг. Православные и мусульманские общины стали вновь признаваться официально.

В 1943 г. создается Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), первым председателем которого стал известный богослов Ишан Баба-

хан. За годы своего существования САДУМ проделал огромную работу по укреплению веры среди мусульман, по восстановлению старых мечетей и строительству новых. Священнослужители доносили до верующих фетвы САДУМа, направленные на борьбу с вредными привычками, такими, как употребление алкоголя и наркотиков, против разврата и азартных игр, и т.д.

Продолжало функционировать и Туркестанское епископство.

К сожалению, руководство и мусульманской, и христианской общин всецело зависело от партийной и государственной жизни. Например, уполномоченные по делам религий государственных органов могли самостоятельно назначать ишанов и хатибов в мечети, вмешиваться в финансовые и внутренние дела конфессий, не считаясь с епископами и духовным управлением Туркестана и патриархии.

60-е годы – страну вновь охватывает тотальная атеистическая лихорадка. По идеологии того времени, религия является серьезным тормозом на пути продвижения общества к коммунистическому изобилию и формированию нового человека. Газеты снова запестрели статьями о процессах над лидерами религиозных общин, и именно к началу 60-х годов относится очередная волна разрушений культовых сооружений. Однако активное давление на религиозные убеждения, традиционные представления и образ жизни, не только не загасило пламени религиозности, а, напротив, еще сильнее раздуло его. Все, что происходило в течение семидесяти лет, привело к растущему интересу к религии, к классическим культовым достоояниям. Ренессанс религиозности был ответом на долгое и безраздельное влияние догматического атеизма.

Тоталитарному режиму не удалось одолеть ислам. Он вынужден был прибегнуть к мимикрии, уйти в «подполье», чтобы там копить силы для сопротивления и возрождения в будущем.

Скорее всего, неуспех атеистической пропаганды в Средней Азии обусловлен традициями так называемо-

го «народного» ислама, суфийских общин. Ислам, слившийся с домусульманскими верованиями, позволил коренному населению идентифицировать его со своей этнической самобытностью⁶⁸.

Как следствие массивованного наступления на ислам и мусульманскую культуру кыргызов в годы тоталитарного режима на конец XX столетия сформировался определенный тип мусульманина, характеризующийся, за редким исключением, крайней религиозной необразованностью при общей, в принципе, неплохой интеллектуальной и профессиональной подготовке. Этот тип мусульманина отличается не отрицанием своей принадлежности к исламу, а неким религиозным нигилизмом – неисполнением необходимых религиозных предписаний, обрядов, установлений и т.п. На наш взгляд, такой тип мусульманина в Кыргызстане сформировался на основе не только массивованной атеистической пропаганды, о «содержательности» которой было сказано выше. Мы видим главную причину в отсутствии в годы тоталитаризма в Кыргызстане сильной исламской верующей интеллигенции, уверенного в своей правоте и независимого от властей исламского духовенства.

Впрочем, мы отдаем себе отчет в том, что при совокупности обстоятельств, характерных для советской коммунистической тоталитарной системы, такая интеллигенция и такое духовенство могли существовать лишь в «подполье», в качестве диссидентствующих лиц, вызывающих определенный «интерес» со стороны «компетентных» органов. Естественно, что на существование в таком положении мог согласиться далеко не каждый мусульманин-кыргыз, хотя примеры такого рода, конечно же, имеются, они стали достоянием всеобщей гласности уже в постсоветский период – время независимого, суверенного Кыргызстана. Но и эти примеры, как правило, относятся к краткой эпохе горбачевской «перестройки», когда пресс государственно-партийной идеологии стал работать «мягче» и с «перебоями». Хотелось бы подчеркнуть, что в таком же положении оказались прак-

тически и все прочие конфессии СССР, чья лояльность режиму определялась лишь заявлениями профессиональных лидеров о преданности партии и правительству. Даже русская православная церковь, наиболее многочисленная в СССР, переживала в годы тоталитарного режима в СССР далеко не лучшие времена⁶⁹.

Таким образом, мы можем констатировать факт, что в годы тоталитаризма не было специального прессинга на ислам, ибо «давили» одинаково на все конфессии, считая их тормозом в развитии общества по пути к коммунизму. И это, как ни странно, объединяло большинство конфессий в СССР (во всяком случае, наиболее крупные), способствовало установлению между ними нормальных и равных отношений. То обстоятельство, что, например, мусульмане-кыргызы живут в мире и согласии с православными христианами в Кыргызстане, во многом объясняется именно приведенным выше соображением. Равные в бедствиях и гонениях, конфессии в СССР эпохи тоталитаризма, испытывали естественное тяготение друг к другу, словно разноплеменные узники одного и того же концентрационного лагеря.

Мы считаем самым главным «достижением» эпохи тоталитарного режима в СССР для религии в Кыргызстане то, что они выстояли в суровых условиях, не утратили своего влияния на верующих в главном – в их ощущении себя верующими – мусульманами или христианами, в приверженности и в чувстве их единения со всем религиозным миром планеты.

События последнего десятилетия XX столетия, коллапс коммунистической системы кардинально изменили геополитическую, социально-экономическую картину евразийского континента. С развалом СССР и созданием новых независимых государств начался процесс возрождения и ислама, и православия.

Громадная масса людей, переживших развал единой страны, «осиротевших» в одночасье, обратилась за духовным успокоением к традиционным религиям, их основным течениям и верованиям. Речь идет о широком

распространении сегодня религиозных идей, в том числе и радикальных, через всевозможных исламских и христианских миссионеров, активно проникающих не только в Центральную Азию, но и на все постсоветское пространство.

Территории Центральной Азии, исторически исламизированные, пользуются повышенным вниманием эмиссаров религиозных исламских течений, партий и организаций арабских стран, Пакистана, Ирана. Финансовая поддержка позволила начать строительство мечетей, заняться просветительской деятельностью.

Религиозное возрождение в Центральной Азии, как отмечают эксперты, является, скорее, не возрождением, а своего рода восстановлением «полноценности ислама»; воссозданием его естественного облика, легитимизацией существовавших в полуподпольном состоянии религиозных и общественных структур.

В отличие от православного ренессанса в России, суть которого заключается в приобщении людей к религии, инкорпорации религиозной традиции и мировоззрения в атеизированный большевиками менталитет народов, «возрождение ислама в Центральной Азии, где мусульмане, несмотря на всю атеизацию общества, все-таки оставались мусульманами, это прежде всего «аккультурирование» мусульман, ознакомление их с духовной литературой, в том числе с Кораном, который при советской власти читали не все, исправление испорченных нравов и пр.»⁷⁰.

Некоторые исследователи нещадно эксплуатируют такие термины, как «фундаментализм», «исламизм» и «ваххабизм», неизменно отождествляя эти понятия с терроризмом, наркотрафиком, бандитизмом и другими негативными явлениями нашего времени и причисляя это все к одной из сторон ислама. Такая трактовка этих терминов в связке с мусульманской религией крайне ошибочна и оскорбительна для миллионов последователей этой религии.

Нам представляется наиболее оптимальной политика и оценка этих событий Президентом республи-

ки А.Акаевым. Он неоднократно подчеркивал и в Кыргызстане, и за пределами страны, на всех уровнях, что международный терроризм не имеет ни национальной, ни региональной, ни тем более религиозной принадлежности, что прикрывающиеся религиозными идеями террористы, по сути, ничего общего не имеют с истинной религией, проповедующей высокие моральные принципы, мир и любовь к ближнему.

Президент Кыргызской Республики А.А.Акаев в одном из выступлений сказал:

«Лично у меня вызывают чувство протеста попытки придать терроризму значение войны цивилизаций, культур и уж тем более религий, а в особенности – дать ему азиатскую прописку.

Я в таких случаях хочу напомнить, что Азия несет в себе тысячелетний ресурс толерантности. Ни разу за многие последние века она не генерировала мировых войн. Я хочу напомнить, что все азиатские религии почитают Человека и Добро как высшие ценности. Я, наконец, хочу напомнить, что Азия, в которой проживает значительно более половины человечества, – это огромный котел самых разнообразных культур и народов».

В последнее время в печати суверенных государств все активнее дискутируется проблема правового регулирования вопросов свободы вероисповедания и деятельности различных религиозных организаций. Особенно это было и остается актуальным для многонациональных стран, каковыми всегда были и Россия, и Кыргызстан. В этих странах с дооктябрьских времен, и в советский и перестроечный периоды и после обретения ими суверенитета государств всегда был орган при правительстве, регулирующий отношения государства с религиями. Конституции этих государств в законодательном порядке провозглашают свободу вероисповедания. Но разрешение возникающих межконфессиональных или конфессионально-государственных проблем возлагается не на теологов в открытых диспутах как, например, в США, а на специальные правительственные структуры (или на правительства).

Сегодня, с одной стороны, вызывает опасение ослабление контроля со стороны государства за деятельностью религиозных организаций, что может привести к усиленному распространению нетрадиционных форм религий и обусловленной их деятельностью нестабильности в обществе. Такие опасения высказывают официальные главы как православных епархий, так и исламского муфтията в Кыргызстане. С другой стороны, конституционное провозглашение свободы вероисповедания в свободном обществе, открытость правового общества должны, казалось бы, обеспечить конструктивный диалог на уровне конфессий, что снимет остроту религиозного вопроса и выведет его из сферы политики. Как совместить все это (что было бы идеально) и должны решить суверенные государства, строящие по настоящему открытое правовое общество⁷¹.

К сожалению, величественное здание всемирной культуры и сегодня не представляется как единое, общее для всех пространство, не имеющее этнических и конфессиональных перегородок. Только сугубо абстрактно мы можем говорить о всемирной и общечеловеческой культуре. Но она, на наш взгляд, является суммарным выражением многих национально-государственных, региональных, этнических и, наконец, конфессиональных культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К проблеме интеллигенции обращаются всякий раз, когда в обществе обостряются противоречия социального характера, когда необходимо определить роль и меру ответственности порядочного, образованного человека в сложившейся ситуации, когда требуется выработка программы выхода из кризиса. И это закономерно, поскольку исторические события свидетельствуют о том, что интеллигенции присущи два основополагающих признака:

- во-первых, особый порядок ценностных приоритетов: сначала интересы человечества, а уж потом интересы своего «я»;
- во-вторых, интеллигент каждодневно перерабатывает в десятки раз больше информации, нежели не интеллигент, поскольку образованность позволяет ему и отобрать, и проанализировать информацию.

Причем эти ценностные приоритеты абсолютно свободны и независимы от сословных и экономических и любых других личных интересов. Поистине, как точно записано в Оксфордском словаре, «интеллигенция – это свободно мыслящая часть нации».

Для интеллигента любой страны мерилom святости всегда является народ. По отношению к народу он испытывает постоянное чувство долга и вины, несет своего рода «социальное покаяние». Это накладывает отпечаток особой углубленности и страдания на творчество лучших представителей интеллигенции.

Прошло семьдесят лет с начала первых репрессий против кыргызской интеллигенции (мы не берем в счет факты борьбы с бай-манапством в годы революции, гражданской войны и колхозного строительства). Начало было положено репрессиями против интеллектуалов Социал-Туранской партии. «Апогей» наступил в

1937-1938 гг., когда был уничтожен сначала морально, а затем и физически основной цвет национальной интеллигенции (как в СССР в целом, так и в каждой союзной республике).

Крупнейшая репрессивная акция, инициированная И.В. Сталиным, установление в стране тоталитарного режима привело к созданию атмосферы страха, неуверенности в завтрашнем дне, низкопоклонства перед авторитетом генсека и первых секретарей партии в республиках. Социалистический строй и советская власть были, таким образом, обезопасены от инакомыслия и народных возмущений вплоть до конца 80-х годов XX столетия. Интеллигенция – мозговой спектр народа, была парализована более чем на полвека. И лишь с трудом пришла в себя в годы перестройки.

Современные аналитики – представители нетрадиционных методов глубинной психологии, например, Ольга Шахворостова (новосибирская Международная академия фронтальных проблем им. академика Е.В.Золотова) пришла к сакральному заключению, что Сталин, отличаясь хорошо поставленным стратегическим мышлением, не сумел обосновать предпринимаемые действия, создать фундаментальную теоретическую базу и потому вынужден был проводить массовые репрессии в отношении свободно мыслящих научных, интеллектуальных слоев общества¹.

Сегодня в суверенном Кыргызстане хорошо известны имена подвижников науки, лидеров лингвистики своего времени К.Тыныстанова, Е.Д.Поливанова, К.К.Юдахина, Д.Шукурова, И.А.Батманова, Б.Юнусалиева. Двое из них – Касым Тыныстанов и Константин Кузьмич Юдахин – в 2000 г. были названы величайшими деятелями науки Кыргызстана XX века и отмечены Золотой медалью Президента страны. Об их жизни, деятельности, научной и культурной значимости публикуются статьи, книги. Им посвящаются конференции. Это одна сторона общественной признательности. И это правильно. Но как-то уходит в тень и забывается (а многим и

не знаком вовсе) их подвиг по сопротивлению косности и идеологическому прессингу в советские годы. А ведь были в их жизни времена оскорблений, издевательств, трудностей, которые они с честью выдержали.

И эта сторона их жизни, их противостояния режиму должна быть подробно освящена. Документы, касающиеся этих моментов жизни выдающихся личностей страны и истории, должны быть опубликованы и дойти до научной общественности и народа. А это прежде всего письма-заявления их в вышестоящие инстанции; ответы и заключения комиссии по их делам; наконец, сохранившиеся пока письма друзьям и родственникам, а также обращения коллег по научной деятельности в их защиту. Только тогда откроется правда о их жизненном, научном и гражданском подвиге.

Заслуживает публикации и кандидатская диссертация Д.Шукурова, посвященная анализу языка произведений Молдо Кылыча, успешно защищенная в Москве. Однако затем она долго была предметом критики и нападок на автора. А между тем не потеряла своего научного значения и для современного кыргызского языкознания.

Кажется, более всего написано работ о лидерах кыргызской лингвистики середины 30-х годов Касыме Тыныстанове и Евгении Дмитриевиче Поливанове. Кажалось бы, выявлены и переизданы все их научные труды. Однако в архивах еще лежит их рукописное наследие, которое также необходимо публиковать. Не опубликованы (и не выявлены) переводы, выступления, а также записки Е.Д.Поливанова по манасоведению и кыргызскому языкознанию.

Пора вернуть науке и общественности суверенного Кыргызстана все творческое наследие известнейших ученых XX века. В открытых архивах оно уже выявлено. В закрытых пока архивах и спецхранах оно еще не доступно исследователям. Нам достоверно известно, что при аресте в Кыргызстане деятелей литературы, культуры, искусства, науки, политически инакомыслящей

интеллигенции изымались и конфисковывались их рукописи. Вместе со следственными делами они попадали в органы политического управления (и не только во Фрунзе, но и Ташкенте, Москве) и не всегда возвращались на родину. И сейчас они где-то лежат, даже не будучи зарегистрированы (к примеру, в московской «Бутырке» и на «Лубянке»). Да и в архивах бывшего кыргызского Комитета национальной безопасности где-то должны быть документы научного значения, рукописи, до которых в свое время «не дошли руки», а в настоящее время исследователи не имеют допуска.

Репрессированная культура Кыргызстана – наименее изученная проблема отечественной истории. В этом направлении делаются только первые шаги, и пока остается много «белых пятен» и неясностей, еще мало открыто, выявлено документов и достоверных воспоминаний.

Наш скромный опыт исследования проблемы позволяет сделать следующие выводы:

1. Кыргызская национальная интеллигенция, формирование которой приходится на конец XIX – начало XXв. очень молода. Только после 1917 г., в годы советской власти появляются в Кыргызстане ее первые представители: это были первые учителя, поэты, писатели, общественные и партийные деятели. До начала 20-х годов среди кыргызов не было профессиональных поэтов (не считая акынского направления фольклорной поэзии), профессиональных писателей, ученых, деятелей искусства. Не было профессиональной литературы. Большую роль в формировании национальной интеллигенции первой «волны» сыграли ликбезы, самодеятельные кружки. Однако зачинателями и лидерами этой «волны» интеллигенции являлись люди, получившие образование еще до революции в русско-туземных школах, местных мектебах, мусульманских медресе. Среди них можно назвать Ишеналы Арабаева, Абдыкерима Сыдыкова, Аджимана Шабданова, Юсупа Абдрахманова и других.

2. После установления советской власти в результате Октябрьской революции 1917 г. власть рабочих и крестьян, не имеющая в своей социальной среде образован-

ных людей, вынуждена была привлекать к строительству нового социалистического общества представителей до-революционной национальной интеллигенции. Надо сказать, что после Октября некоторая часть интеллигенции заняла пассивно-выжидательную и даже враждебную по отношению к новой власти позицию. И потому, не доверяя даже той части интеллигенции, которая приняла ее идеи, советская власть определила и сразу стала осуществлять меры по контролю за ее деятельностью, особенно за «идеологическими взглядами». В этот период политическая обстановка в Кыргызстане, как и во всем Туркестане, определялась отношением всех слоев населения к советской власти. Большую позитивную идеологическую роль в этом сыграли Декларации и Обращения к гражданам-мусульманам Востока, подписанные В.И.Лениным.

Вокруг краевого Мусульманского бюро сплотились учителя, журналисты, бывшие джаиды и даже некоторые духовные лица. Все они надеялись в новых условиях действительно добиться осуществления национальной независимости. Сама советская власть в этот период искала контакты со служащими бывшего управленческого аппарата, хотя постоянно контролировала их деятельность. Большевики знали, что разрушив старую «государственную машину», они приведут страну к полной экономической, а, следовательно, и политической катастрофе. С другой стороны, часть национальной интеллигенции, совершенно искренне была устремлена к переустройству новой государственной структуры и даже к активной деятельности на благо отечества.

3. Первые представители творческой, поэтической и писательской интеллигенции выросли на фольклоре и эпосе. В их начальном творчестве сильны мотивы народных сказаний. Отсюда и острота социальных сюжетов, поиски правды и лучшей доли для народа. Под влиянием большевистских лозунгов, поверив провозглашенной ленинской национальной политике, они искренне боролись за утверждение на местах новой власти, пропагандировали идеи равенства и свободы, верили

в светлое свободное будущее. К.Тыныстанов, С.Карачев, А.Токомбаев и другие литераторы стали глашатаями идей новой жизни.

4. В 20-е годы начинает формироваться и национальная научная интеллигенция. Научное творчество ее было связано с научными изысканиями, осуществлявшимися в крае представителями российской научной интеллигенции. Первыми учеными из кыргызов были представители гуманитарного направления: лингвисты, литературоведы, фольклористы, историки: «учитель кыргызских учителей» Ишеналы Арабаев, будущий автор первых учебников кыргызского языка, первый кыргызский профессор Касым Тыныстанов, первый экономист и историк Абдыкерим Сыдыков и другие. Как видим, имена повторяются. Они были пионерами многих начинаний – они должны были быть «многопрофильными». Так распорядилось время.

5. Немногочисленный состав первых рядов национальной интеллигенции привел к тому, что они же по призванию, знаниям и зову души прошли и первую школу освоения политической культуры, воспитательную школу подготовки первых советских и партийных работников. Самым характерным образом в этом плане был участник революции и гражданской войны, член Семиреченского облисполкома, ответсекретарь ЦИК Турк. республики, второй секретарь Киробкома партии и первый председатель СНК Киргизской АССР Юсуп Абдрахманов.

Все они позже попадут в число оппозиционеров советской власти, будут репрессированы и в конечном итоге расстреляны.

6. Репрессиям, остракизму подверглись не только представители новой творческой интеллигенции Кыргызстана, но и целые направления науки и культуры. Безмерное восхваление достижений советской власти и ее первые успехи привели к безудержному преувеличению хрупких успехов и к приписыванию новому строю всех достижений культуры. Создание новой письмен-

ности, разработка учебников и новой графики, публикации стихов первых национальных поэтов, открытие первой кыргызской газеты «Эркин Тоо» провозглашались достижениями советской власти. Отсюда отрицание дореволюционной письменности и литературы, истории и науки...

Представителей же старой, традиционной школы акынской поэзии, таких, как Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч, даже тех, кого уже не было в живых, стали обвинять в пессимизме, упадничестве, их творчество объявляли реакционным. В произведениях же заманистов нашли отражение мысли акынов о прошлом, настоящем и будущем, их противоречивые оценки эпохи «раздоров и печали». Многие их произведения были изданы лишь в 90-е годы и не только потому, что были сняты идеологические запреты на произведения старых мастеров, но, наверное, еще и потому, что настало время вновь и вновь обращаться к той эпохе, которую кыргызские акыны называли «Зар заман». А разве сегодня нам все ясно? Почему войны, терроризм, бедность, злоба и многое другое?.. Интеллектуалы старого поколения, пытавшиеся взять под защиту традиционную акынскую поэзию, сами объявлялись «буржуазными националистами», «пантюкистами», «исламистами». А вскоре они также были репрессированы, а культура понесла невосполнимые потери.

7. В конце 20-х начале 30-х годов политически активная национальная интеллигенция начинает критично переосмысливать достижения советской власти, задумываться о правильности избранного пути социально-экономического развития, о верности социалистического курса преобразования общества. Возникает Социал-Туранская партия. Вокруг нее формируется оппозиционное течение из лучших представителей политической интеллигенции, элиты нового общества. Донос провокатора позволил с корнем выкорчевать зарождающееся движение. Были выкрадены и уничтожены (или до сих пор хранятся в потайных сейфах или сверхзасекреченных

папках архивов?) основополагающие документы – Программа и Манифест партии. Лидеры, составляющие организационное ядро СТП, были арестованы в 1933 г. и расстреляны в 1934-1938 гг. Так погибли: первый автор программы партии Аджиман Шабданов, осужден на каторгу, а 1938 г. расстрелян лидер партии Абдыкерим Сыдыков; осуждены на десять лет заключения другие члены подпольной организации; Ишеналы Арабаев отравлен в следственной камере. Это был первый политический процесс над оппозиционерами-интеллектуалами в Кыргызстане. Это был цвет нации, первые интеллигенты, репрессированные и уничтоженные властью. Культура понесла невосполнимую потерю.

Все репрессивные акции были так засекречены, документы фальсифицированы, что и сегодня из-за скудости документальных материалов, ограниченности наших знаний нет-нет да и возникает вопрос: а была ли на самом деле Социал-Туранская партия? Не мистификация ли это органов ОГПУ, осуществленная с целью развязывания кровавых репрессий в Кыргызстане, в которые оказались вовлечены и погибли лучшие представители народа – основатели государственности, основоположники национальной литературы и науки, ярчайшие представители культуры Кыргызстана?

8. Совершенно не исследовавшейся проблемой остается история репрессированной религии и духовной культуры народов Кыргызстана 20 – 30-х годов. От альянса с советской властью, поддержки первых социально-экономических мероприятий до придания ее анафеме, от поддержки религии до воинствующего атеизма, до ссылок и казни священников, мулл, верующих мусульман и христиан. Большевицкая идеология стремилась перекроить духовный мир веками исповедующего свою религию народа. Советские организации и воинствующие безбожники разрушали медресе, мечети, церкви и монастыри, конфисковали храмы и вакфные земли.

Народ пытались отлучить от церкви и от Бога. Не поддающихся «перевоспитанию» священников и мулл

ссылали на каторгу, репрессировали верующих. Многие уходили в себя, замыкались в общинах и семьях, где тлели искры веры, где придерживались тайно традиционных обрядов. Ислам сохранился как народная религия. Христианство же было почти «выкорчевано». Но истинно верующие продолжали исповедовать свою религию. Час возрождения, ренессанс культуры, религии настал после распада Советского Союза, с обретением новыми государствами, в том числе и Кыргызстаном, суверенитета. И мусульманство, и христианство, верующие обеих конфессий возвращаются в духовное лоно своих религий. Однако с объявлением духовной свободы активизировалась вседозволенная миссионерская деятельность всевозможных нетрадиционных течений и сект, что приводит не только к дестабилизации духовного равновесия верующих, но и к экстремистским политическим выпадам, террористическим актам в обществе и государстве.

Заключая сказанное, можно подвести итог: «белые пятна истории», «трагические страницы истории», как бы засекречены они не были, – это наша история, и она должна быть исследована, изучена и описана. А подвергшаяся остракизму культура, репрессированная кыргызская интеллигенция достойны внимания и глубокого изучения.

Примечания

Введение

- 1 *Разгон Л.* «Ничего кроме правд»: Предисловие к кн.: Вайнеры А. и Г. Петля и камень в зеленой траве. – М., 1997. – С. 8.
- 2 В данной работе встречается разное написание этнонима «кыргыз» и «киргиз» и производных от него, что обусловлено современным кыргызским правописанием (в соответствии с Конституцией) и традиционным (по правилам русской орфографии).
- 3 Последняя наиболее объективная в этом плане книга: *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г.* Кыргызская интеллигенция: становление, роль в общественно-политической жизни (20 – 30-е годы). – Бишкек, 2001 (подробнее о ней будет идти речь позже).
- 4 *Троцкий Л.* Литература и революция. – М., 1991. – С. 263.
- 5 См.: Репрессированная наука / Предисловие акад. Д.С. Лихачева. – Л., 1991. – С. 6.
- 6 *Акаев А.* В новый год – в согласии и дружбе: Обращение к народу Президента Кыргызской Республики // Вечерний Бишкек. – 1999. – 31 декабря.
- 7 *Соктоев И.А.* Формирование и развитие советской интеллигенции Кыргызстана. – Фрунзе: Илим, 1981.
- 8 *Данияров С.С.* Становление кыргызской советской культуры (1917 – 1924 гг.). – Фрунзе: Илим, 1983; он же. Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. – Фрунзе: Илим, 1980.
- 9 В 60-е годы только разворачивались мероприятия по реабилитации. В 80-е эта работа шла и можно было данные вопросы освещать.
- 10 *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М.: Наука, 1991. – 295 с.
- 11 Речь идет о книге Э.Маанаева, З. Курманова, Г. Курумбаевой «Кыргызская интеллигенция: становление, роль в общественно-политической жизни (20 – 30-е годы)». – Бишкек: КГПУ, 2001. – 160 с.
- 12 См.: *Саманчин Т.* Молдо Кылыч – первый киргизский акын-писменник (Из истории киргизской литературы конца XIX – нач. XX в.): Тезисы дис. ... канд. филол. наук // Изв. Кирг.ФАН СССР. – Вып. 6, 1947. – С. 158 – 159; *Шукуров Д.Ш.* Язык Молдо Кылыча (из истории киргизской письменности): Тезисы дис. ... канд. филол. наук // Изв. Кирг. ФАН СССР. – Вып. 6, 1947. – С. 156 – 157.
- 13 См.: Кыргызско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин – М.: СЭ, 1965; *Батманов И.А., Юнусалиев В.М.* Отражение диалектических особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования: Сборник статей, посвященных 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. – Фрунзе: Илим, 1970. – С. 49 и др.; *Плоских В.М., Кудайбергенев С.Н.* Ранние киргизские письменные документы // Изв. АН Кирг. ССР. – 1968. – № 4; *Плоских В.М.* Первые киргизско-русские посольские связи. – Фрунзе: Илим, 1970; он же. Новые письменные данные о первом киргизском посольстве в Россию // Изв. АН Кирг. ССР – 1982. – № 2; он же. К вопросу истории киргизской письменности // Коммунист Кыргызстана. – 1989. – № 14; *Плоских В., Назаралиев Т.* Оригинальные источ-

- ники по истории Киргизии // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим. – 1976. – С. 68 – 72.
- 14 См.: За боевую высокодейственную критику// Киргызстан: Литературно-художественный альманах. – Фрунзе, 1950.; *Алмышбаев А.* Октябрь и развитие общественного сознания киргизского народа – Фрунзе: Илим, 1980; *он же.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизстане (1905 – 1923 гг.) – Фрунзе: Илим. – 1967; История киргизской литературы. Т. II; История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – Т. III.
 - 15 *Мукасов С.М.* Традиции социально-философской мысли в духовной культуре киргизского народа – Бишкек: Илим, 1999. – С. 196. Также см.: *Какеев А.Ч.* Философская мысль в Кыргызстане: поиски и проблемы. – Бишкек: Илим, 1995; *Дононбаев А.Д.* Мироззрение акынов-заманистов // Общественно-философская мысль народов Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1998. – С. 157 – 186; *Мукасов С.М.* Историческая динамика социально-философской мысли киргизского народа (до начала XX века): Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Бишкек, 2000;
 - 16 *Джигитов С.* Обретение новых традиций. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984; *он же.* Киргизская литература 20-х годов. – Фрунзе, 1984. См. также авторские тексты С. Джигитова в «Истории киргизской советской литературы» (Т.2. – Фрунзе: Илим; 1987).; его статьи: Поэтическое искусство К. Тыныстановы // Ала-Тоо. – 1988. – № 10 (на кырг. Яз.); О письменной судьбе С. Караева // Кыргызстан маданияты. – 1989. – 22 июня; Забытый поэт: о творчестве О. Лепесова // Ала-Тоо. – 1990. – № 2 и др. Также см: *Джигитов С.* Возникновение киргизской советской литературы: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Бишкек, 1992.
 - 17 *Эркебаев А.* Становление новописьменной литературы в условиях социализма. На материалах киргизской советской литературы 1920-1930 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – 1983. – С. 27.
 - 18 *Эркебаев А.Э.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – Бишкек: ЖЭКА ЛТД, 1999. – 198 с.
 - 19 *Ибраимов О.* История и поэзия. Изд. 2-е, в новой редакции – Бишкек: Ала-Тоо, 2000. – 208 с.
 - 20 Например, в резолюции VII пленума Киргизского обкома ВКП (б) от 20 июня 1933 г. «О культурном строительстве в Киргизии» было записано: «В киргизской литературе протаскивалась контрреволюционная байско-манапская буржуазно-националистическая идеология (Тыныстанов, Карачев, Кокенов, Кененсариев и др.). На сцене киргизского национального театра Тыныстановым и другими реставрировалась контрреволюционная, байско-буржуазная идеология». В числе пьес, поставленных этим театром и якобы реставрировавших «байско-буржуазную контрреволюционную идеологию», называется и пьеса К.Тыныстановы «Шабдан» из его «Академических вечеров». (См.: Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов обкома и ЦК. 1924 – 1957. – Т. I – 1924 – 1936. – Бишкек: Киргосиздат, 1958. – С. 483, 489).
 - 21 Об этих экспедициях и конференциях и изданных по их итогам фундаментальных трудах «Киргизия» и «Проблемы Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики» см.: Академическая наука Кыргызстана: история и проблемы. – Фрунзе: Илим, 1991. – С. 12.
 - 22 См.: Труды Киргизского филиала Академии наук СССР. – Т. 1. Вып. 1. – Фрунзе, 1943; Известия Академии наук Киргизской ССР. – Вып. 1 – 3. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1955 – 1956; Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1955.

- 23 См.: рецензию К.К.Каракеева, И.А.Соктоева на «Очерки истории Коммунистической партии Киргизии» (Советская Киргизия. – 1980. – 3 сентября).
- 24 См. тексты по истории 20 – 30-х годов республики в трех первых академических изданиях «Истории Киргизии» (1956, 1963, 1968 гг.). И только в VI томе четвертого издания «Истории Киргизской ССР» (1990 г.) впервые упоминаются репрессии времен сталинизма против народа и его лучших представителей из среды партийно-советских руководящих работников и других групп республиканской интеллигенции (Фрунзе, 1990. – С. 51 – 53).
- 25 См.: *Зима Б.М.* К вопросу становления советской историографии в Киргизии (20-е – середина 30-х гг.) // *Зима Б.М.* Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – С. 221 – 227. А В.П.Шеретобитов, К.К.Орозалиев, Д.Ф.Винник в «Очерке истории исторической науки в Советском Кыргызстане (1918 – 1960 гг.)» (Фрунзе, 1961) ограничились лишь несколькими критическими оценками в духе партийных постановлений: Например: «В ряде работ по литературоведению допущены идеологические извращения в отношении творчества реакционного акына XIX в. Молдо Кылыча и националиста К.Тыныстанова» и т.п.
- 26 Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена). – Бишкек: Кыргызстан, 1991. – 335 с.
- 27 *Юсуп Абдрахманов.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. – Фрунзе: Кыргызстан, 1991. Анализируя их содержание, З.К.Курманов пришел к выводу, что последствия насильственной и разрушительной коллективизации «по-сталински» посеяли в республике первые сомнения в правильности сталинского «нового курса». Так, Ю. Абдрахманов писал, что в неофициальных беседах делегаты III Всекиргизского съезда Советов уже осознавали трагические стороны развития Кыргызстана, но по понятным причинам из-за возможных последствий для себя и своих близких скрывали свою боль и тревогу. (См.: *Курманов З.К.* Всекиргизские съезды Советов: подготовка, состав, работа (1925 – 1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. историч. наук. – Бишкек, 1991. – С. 18).
- 28 *З.К. Курманов* первоначально тоже не верил в такую организацию, хотя, повествуя о карательной политике сталинизма в связи с разоблачением весной 1933 г. в республике Социал-Туранской партии, отмечал «наступление мрачных времен массовых арестов, всеобщей подозрительности, доносов и разгула культа личности Сталина и местных партийных вождей» (*Курманов З.К.* Всекиргизские съезды Советов. - С. 21). Но уже в своей монографии «Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы» (Бишкек: Илим, 1997) он не отрицал существования СТП как зарождавшейся политической оппозиционной партии.
- 29 *Курманов З.К.* Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа (1917 – 1927): Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Бишкек, 1997.
- 30 *Курманов З., Плоских В.М., Бегалиев З. и др.* Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992 – 183 с.
- 31 См.: *Сыдыков А.* Краткий очерк истории развития киргизского народа; он же. Родовое деление киргизов; он же. Организация горно-кочевое хозяйства Нарынского кантона и др.

- 32 *Жакыпова Ч.* Конфискация жизни. – Бишкек, 1992.
- 33 См.: *Плоских В. Е.*Д. Поливанов и «Манас». – Бишкек: Илим, 1995; *Плоских В.М., Антонова С.В.* От Радлова и Юдахина (о составлении «Киргизско-русского словаря» // Суверенный Кыргызстан: проблемы традиции и социальной целостности// НАН КР. – Бишкек, 1999. – С. 85 – 90; *Е. Поливанов в Киргизии* / Ред. В.М. Плоских и М.А. Рудов. – Бишкек, 2000.
- 34 *Табышалиев С.Т.* Неутомимый исследователь // *Абрамзон С.М.* Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – С.3 – 16.
- 35 Литературный Кыргызстан – 2000. – № 1. – С. 13 – 131.
- 36 *Байджиев М.* В битве за истину: Литературоведческие очерки разных лет. – Бишкек: Седеп, 2001. – 282 с.
- 37 *Штомпка П.* Социальное изменение как травма: он же. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. // «Социс», 2001, № 1-2; XV World Congress of Sociology. Brisbane. Australia. July 7-13, - 2002 г.
- 38 *Абрамзон С.М.* Манапство и религия // Советская этнография, – 1932. – №2.
- 39 *Ильясов С.И.* К вопросу о вакфах на территории Южной Киргизии // Изв. АН Кирг.ССР. Вып.1. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР., 1955.
- 40 *Баялиева Т.Дж.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе, 1972; *Она же* Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. – Фрунзе: Илим, – 1981.
- 41 *Дорженов С.Б.* Распространение ислама в Киргизии и его современное состояние: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1964; он же. Из истории отхода киргизского народа от религии и формирование его атеистического мировоззрения: Автореф.дис. ...докт. ист. наук, – М., 1974 ; *он же* Ислам бугунку кундо. – Фрунзе, 1980.
- 42 *Табышалиева А.* Вера в Туркестане (Очерки истории религий в Средней Азии и Казахстана)–Бишкек, 1993.–160 с.
- 43 *Урманов Э.А.* Ислам и кыргызы. – Бишкек: Илим, 2001. – 32 с.
- 44 Исключение, пожалуй, составляет сборник «К истории христианства в Средней Азии. – Ташкент, 1997.
- 45 *Владимир (Иким).* Большой полет крылатого коня. Духовное наследие Туркменистана и его христианское наследие – М.: Совершенно секретно, 2000; *он же.* Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М.: Изд-во московской патриархии, 2002.
- 46 Среднеазиатской епархии 125 лет. Специальный выпуск. Журнал Московской патриархии русской православной церкви. – М., 1997. – 64 с.
- 47 *Петраш Ю.Г.* К вопросу о проникновении ислама в Киргизию и его классово-эксплуататорской сущности //Ученые записки ОшГПУ. Вып. IV (гуманитарные науки). – Ош, 1963.
- 48 Против религиозного обмана и мракобесия: / Сб. материалов о реакционной роли религии, антиобщественной деятельности служителя культуры в Киргизии. – Фрунзе, 1970.

Глава 1

- 1 Судьба российской интеллигенции. – СПб.: ГУП, 1999. – С. 345.
- 2 Там же. – С. 31.
- 3 Кыргызстан за годы Советской власти: Юбилейный статсборник. – Фрунзе: Кыргызстан, 1977. – С. 12.
- 4 См.: *Айтмамбетов Д.* Дореволюционные школы в Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1961. – С. 11 – 12.
- 5 Кыргызстан за 50 лет: Юбилейный статсборник. – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – С. 9.
- 6 О численном национальном и профессиональном составе наемных рабочих в дореволюционном Кыргызстане см.: Изменение социально-классовой структуры населения Киргизии в период строительства и упрочения социализма (1917-1961 гг.). Гл. 1 Социальная структура населения Киргизии до Октябрьской революции. – Фрунзе: Илим, 1989.
- 7 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 313.
- 8 *Данияров С.С.* Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. – С. – 70.
- 9 Подробнее см.: *Табышалиев С.* Кузница подготовки кадров. – Фрунзе: Кыргызстан, 1975. – 267 с.
- 10 *Данияров С.С.* Становление киргизской советской культуры (1917 – 1924 гг.). – С. 129.
- 11 *Айдаралиев А.* Развитие здравоохранения в Советском Киргизстане. – Фрунзе: Кыргызстан, 1970. – С. 63, 64.
- 12 См.: *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. – Фрунзе, 1991.
- 13 *Данияров С.С.* Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. – С. 69.
- 14 Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма. – М.: Наука, 1983. – С. 47 – 49.
- 15 Там же. – С. 54 – 57.
- 16 Там же. – С. 57.
- 17 ЦГА КР, ф.105, оп.12, д.41, л.14.
- 18 Там же, д.24, л.21 – 34.
- 19 См.: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. 1959 год. Сводный том. – М., 1972.
- 20 *Джигитов С.* Обретение новых традиций. – С. 34.
- 21 Там же.
- 22 КП Киргизии в резолюциях и решениях съездов... Ч. 1. – Фрунзе, Кыргызстан, 1958.
- 23 История Киргизской ССР. – Т. 3. – С. 479; *Данияров С.С.* Осуществление ленинской программы культурной революции в Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1972. – С. 230.
- 24 *Джигитов С.* Обретение новых традиций. – С. 35.
- 25 Там же. – С. 71.
- 26 О его литературной деятельности подробнее см.: *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – С. 147.
- 27 Там же. – С. 179.

- 28 См.: *Самаганов Дж.* Писатели советского Киргизстана: Биобиблиографический справочник. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969. – 643 с.
- 29 См.: Там же. (Подсчеты наши – С.П.).
- 30 *Данияров С.С.* Культурное строительство в Киргизской ССР. – С. 223.
- 31 Подробнее см.: Эркебаев А. Малоизученные страницы истории кыргызской литературы. – С. 194.
- 32 *Алексеев Г.* Заметки о киргизской литературе // Новый мир. – 1931. – №12. – С. 87.
- 33 О перестройке литературно-художественных организаций в Средней Азии: Постановление Средазбюро ВКП(б) // Советская литература народов Средней Азии. – 1932. – Т.1. – С.12.
- 34 *Баялинов Т.* Под руководством Коммунистической партии – к расцвету киргизской советской литературы. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978. – С. 47.
- 35 Конкретно о малоизвестном просветительско-агитационном творчестве литераторов, печатавших свои произведения на казахском, татарском и узбекском языках в Ташкенте и Алма-Ате до создания национальной печати в Кыргызстане, см.: *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории кыргызской литературы. – С. 152 – 150.
- 36 *Муканов С.* Школа жизни. Книга третья. – Алма-Аты-Жазушы, 1966. – С. 188 – 189.
- 37 *Мамытбеков З. Сыдык Карачев* // Ала-Тоо. – 1982. – № 8. – С. 124 – 125.; *Джигитов С.* Обретение новых традиций. – С. 35 – 40.
- 38 *Токомбаев А.* Мазмуну сатсыйалдык жана боруму улуттуку болгон Кыргызстандын адабияты осуп жана чындалып жатат // Кызыл Кыргызстан. – 1934. – 22 апр.; *Бобулов К.* Фольклор жана адабият. – Фрунзе, 1980. – С.173.
- 39 Работы переизданы к юбилею К. Тыныстанова в 2001 г.
- 40 *Джигитов С.* Обретение новых традиций. – С. 40.
- 41 Касым ырларынын жыйнагы. – М.: Центральное издательство народов СССР, 1925. (2-е изд. – Бишкек, 2001).
- 42 Литературоведческая характеристика сборника в целом и приведенных выше стихов, в частности, названия которых и их тематические группировки заимствованы нами из монографии С. Джигитова «Обретение традиций» (Фрунзе, 1984). Текст прекрасного лирического стихотворения «Ночь в горах» и раздумья поэта о «Гумбезе Манаса», как и полный перевод поэмы «Джаныл-Мырза», опубликованы В.Шаповаловым вместе с его литературно-аналитическими статьями о творчестве К.Тыныстанова (Слово Кыргызстана. 2000. – 16 июня, Res Publica. 1993. – 26 ноября). См. также: *Эркебаев А.* Малоизученные страницы киргизской литературы (Бишкек, 1999) и литературоведческое издание лирики 20-40-х годов: *Ибраимов О.И.* История и поэзия. – (Бишкек, 2000).
- 43 *Шаповалов В.* Здесь грядущее у прошлого в долгу: Касым Тыныстанов в переводах Вячеслава Шаповалова // Слово Кыргызстана, – 2000. – 16 июня.
- 44 *Шаповалов В.* Оскорбленный Тыныстанов или Размышления о взаимоотношениях кыргызской и русской художественных культур в последние десятилетия XX века. // Res Publica. – 1993. – 26 ноября.
- 45 См.: Судьба эпоса «Манас» после Октября: Сб. документов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – С. 6.

- 46 Там же. – С. 6 – 8.
- 47 Там же. – С. 9.
- 48 Правильно: Сопиевым (На этот раз их пока еще называли всех товарищами. – С.П.).
- 49 Судьба эпоса «Манас» после Октября... – С. 11.
- 50 Культурное строительство в Киргизии. 1930 – 1941: Сб. документов и материалов. – Т. II, ч. 2. – Фрунзе: Кыргызстан, 1972. – С. 77.
- 51 Касым ырларынын жыйнагы. – Бишкек, 2001.
- 52 *Токомбаев А.* Академия көчөсү тууралуу // Ленинчи жаш. – 1932. – 16 февраля.
- 53 См.: *Ахунбаев И.К.* Состояние науки в Киргизии и задачи Академии наук Киргизской ССР // Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1955. – С. 19.
- 54 Академическая наука Киргизстана: история и проблемы. – С. 45.
- 55 Подробнее о нем и о его деятельности см.: *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаев Г.* Кыргызская интеллигенция... – С. 133 – 140; *Плоских В.М.* Манас не признал себя виновным. – Бишкек: Илим, 1993; *Асанов У.А., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К.* Кто есть кто в кыргызской науке: Краткий биобиблиографический справочник докторов наук. – С. 33. См. также труды, изданные к 110-летию юбилею И. Арабаева: Ишеналы Арабаев: Туулган күнүнүн 110 жыл жылдыгына арналган жыйнак. – Бишкек: Илим, 1993 и др.; ЦГА ПДКР, ф. 10, оп. 15, д. 1888, л. 4 – 10.
- 56 *Данияров С.С.* Культурное строительство в Киргизской ССР. – С. 83.
- 57 *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаев Г.* Кыргызская интеллигенция ... – С. 137 – 138.
- 58 *Плоских В.М.* Молдоке национальной интеллигенции // Ишеналы Арабаев: Туулган күнүнүн 110 жыл жылдыгына арналган жыйнак – С. 30 – 35.
- 59 *Плоских В.* Молдоке кыргызской интеллигенции. К 110-летию со дня рождения Ишеналы Арабаева // Чуйские известия. – 1992. – 25 декабря.
- 60 См. предисловие к первому изданию очерка В.В. Бартольда «Киргизы» (Фрунзе, 1927) во II томе, ч. 1 его Собр. соч. – М.: Наука, 1963. – С. 473.
- 61 *Данияров С.С.* Культурное строительство в Киргизской ССР. – С. 36.
- 62 История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. – Т.3. – Фрунзе, 1986. – С. 482.
- 63 *Асанов У.А., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К.* Кто есть кто в кыргызской науке. – С.35.
- 64 *Абрамзон С.М.* Этнографическое изучение в Киргизии за 20 лет // Наука в Киргизии за 20 лет. 1926 – 1946. – Фрунзе, 1946. – С. 15 – 16.
- 65 *Асанов У.А., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К.* Кто есть кто в кыргызской науке. – С.65.
- 66 Подробно о судьбе Б.Солтоноева см.: *Асанов У.А., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К.* Кто есть кто в кыргызской науке. – С.29.
- 67 Цит. по: *Соктоев И.А.* Формирование и развитие советской интеллигенции Киргизстана. – С. 86.

- 68 Там же.
- 69 Подробнее см.: Предисловие В. Плоских в кн.: *Зима Б.М.* Избранные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. – Фрунзе, 1982.
- 70 О научных результатах этой экспедиции см. статьи Б.М. Зимы: Историко-археологическая экспедиция Комитета наук при СНК Киргизской ССР (Советская Киргизия. – 1937. – 28 июля); Историко-археологические экспедиции в Киргизии (Советская Киргизия. – 1937. – 21 сентября).
- 71 *Зима Б.М.* Избранные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. – С. 6.
- 72 О С. Наматове и его научных работах, написанных на кыргызском языке см.: *Асанов У.А., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К.* Кто есть кто в кыргызской науке. – С. 41.
- 73 *Ахунбаев И.К.* Состояние науки в Киргизии и задачи Академии Наук Киргизской ССР. – С.20.
- 74 *Асанов У.А., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К.* Кто есть кто в кыргызской науке. – С. 37.
- 75 *Плоских В.М.* Человек огромной воли огромной чести, огромной веры: Исторический портрет лингвиста Е.Д. Поливанова // Чабыт (Порыв): Лит. альманах. – Бишкек: Илим, 1992. – С. 223.
- 76 Частичное изложение материалов совещания было опубликовано в газете «Советская Киргизия» в декабре 1935 г., но так как большинство участников в 1935 – 1937 гг. было репрессировано, газета также оказалась недоступной для исследователя.
- 77 *Плоских С.В.* Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2001.
- 78 Подробнее см.: *Асанов У.А., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К.* Кто есть кто в кыргызской науке. – С. 47.
- 79 Там же. – С. 41.
- 80 Культурное строительство СССР: Стат. сб. – М.: Статиздат, 1956. – С. 246 – 247.
- 81 *Данияров С.С.* Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. – С. 198.
- 82 См.: *Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – С. 68.

Г л а в а II.

- 1 См.: *Плоских В.М.* К вопросу истории киргизской письменности // Коммунист Киргизстана. – 1989. – № 14. – С. 75 – 82.
- 2 *Каракеев К., Джамгерчинов Б., Орузбаева Б.* Язык науки, культуры и прогресса // Советская Киргизия. – 1972. – 15 июня.
- 3 Советская историческая энциклопедия. – Т. 11. – М.: СЭ, 1968. – С. 170.
- 4 Из докладной записки в Киробком партии 11 октября 1933 г. // ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 7, д. 325. См. также: *Тыныстанов К.* О языковом строительстве // Киргизия: Труды первой конференции по изучению производительных сил Киргизской ССР. – Л., 1934. – С. 429.

- 5 Опубликованная впервые рукопись Е.Д. Поливанова по киргизскому языкознанию. Тетрадь № 1 // *Плоских С.В.* Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. – С. 13.
- 6 *Батманов И.А.* Киргизский язык и письменность до образования киргизской нации // *Формирование и развитие киргизской социалистической нации.* – Фрунзе, 1957. – С. 65.
- 7 Там же. – С. 57.
- 8 Киргизско-русский словарь / Сост. К.К.Юдахин. – М.: СЭ, 1965. – С. 6.
- 9 Фотокопии и переводы «присяг» впервые опубликованы в кн.: *Джамгерчинов Б.Д.* Присоединение Киргизии к России. – М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1959. Имеются они и в кн.: Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений XVII – XIX вв.: Сборник документов и материалов. – Бишкек: Илим, 1998.
- 10 *Салахетдинова М.А.* Сочинение Мухаммед-Сыдыка Кашгари «Тазкираи ходжаган» как источник по истории киргизов // *Известия АН Кирг. ССР.* – Т. 1., вып. 1 (история). – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1959. – С. 101 –125.
- 11 *Сапаралиев Д.Б.* Принятие отдельными группами тьянь-шаньских киргизов подданства России (середина XVIII в.) // *Известия АН Кирг. ССР – Общественные науки* – 1988. – № 4. – С. 6.
- 12 *Плоских В.М., Сапаралиев Д.* Новые данные о первом киргизском посольстве в Россию // *Известия АН Кирг. ССР.* – 1982. – № 2.
- 13 Опубликованы в приложении к кн.: *Плоских В.М.* Первые киргизско-русские посольские связи. – Фрунзе: Илим, 1970.
- 14 *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек: Илим, 2001. – С. 527.
- 15 *Шукуров Д.Ш.* Из истории киргизской письменности // *Труды ИЯЛ Кирг.ФАН СССР.* – Вып. 2. – Фрунзе, 1948; *Плоских В., Кудайбергенов С.* Ранние киргизские письменные документы // *Известия АН Кирг. ССР.* – 1968. – №4.
- 16 Письмо в переводе на русский язык опубликовано в кн.: *Галицкий В.Я., Плоских В.М.* Старинный Ош: Очерк истории. – Фрунзе: Илим, 1987. – С. 55 – 57.
- 17 *Баббеков Х.* Курманджан дочь народа // *Гулистан.* – 1975. – декабрь; *Содилов Х., Бобобеков Х.* Курбонжон – халк мададкорилк мададкори / Кыргызстан маданият. – 1975. – 11 декабря.
- 18 *Плоских В.* Археографическое наследие Оша: истоки и перспективы // *Ош и древности Южного Кыргызстана.* – Вып. 5. – Бишкек: Мурас, 2000. – С. 29 – 30.
- 19 *Мамытов С.А.* Кыргызско-татарские литературные связи втор. пол. XIX – нач. XX вв. – Бишкек: Мурас, 1999. – С. 43 – 46; *он же.* Звезда Альтаир, или новые сведения об «алайской царице» // *Слово Кыргызстана.* – 1998. – 16 декабря; *он же.* Рукописные источники и изучение истории Кыргызстана // *Изучение древнего и средневекового Кыргызстана.* – Бишкек: Мурас, 1998. – С. 44.
- 20 *Омурзакова Т.* Курманжан-датка и ее эпоха. – Бишкек, 1996. – С. 6 – 7.
- 21 *Абытов Б.К.* Выдающиеся личности города Ош. – Ош, 2000.

- 22 *Мамытов С.* Звезда Альтаир // Слово Кыргызстана. – 1998. – 16 декабря.
- 23 Все три рукописи Молдо Нияза ныне хранятся в рукописных фондах НАН КР.
- 24 *Плоских В., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Кыргызстана // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 68 – 72.
- 25 *Юнусалиев Б.М.* Отражение диалектических особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования: Сб. статей, посвященных 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. – Фрунзе: Илим, 1970. – С. 49.
- 26 *Тенишев Э.Р.* Древнекыргызский язык. – Бишкек, 1997. – С.43.
- 27 ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 7, д. 410, л. 2.
- 28 *Эркебаев А.* Требуется правда истории // Советская Киргизия. – 1988. – 6 октября; см. также: *он же.* Молдо Кылыч // Ала-Тоо. – 1989. – № 2. – С. 94 – 95; *он же.* Малоизученные страницы киргизской литературы. – С. 127 – 132.
- 29 *Молла Осмоналы Сыдык уулы.* Мухтасар тарых-и киргизия (Краткая история кыргызов). – Уфа, 1913; *Сыдыков Осмоналы.* Тарых-и кыргыз шадмания (История кыргызского раздолья). – Уфа, 1914.
- 30 *Сыдыков О.* Тарых-и кыргыз шадмания. – С. 15.
- 31 Название книги часто переводят как «История кыргыза Шабдана», поскольку Шабдан Джантаев является как бы «главной» исторической личностью. Но К.К. Юдахин в свое время перевел это название как «История кыргызского раздолья». Мы следуем этому варианту.
- 32 *Сыдыков О.* Тарых-и кыргыз шадмания. – С. 15.
- 33 *Карасаев К.* Тарых кыргызшта жана анын тузучус // Ала-Тоо. – 1989. – № 3. – С. 109.
- 34 *Тенишев Э.Р.* Древнекыргызский язык. – С. 48.
- 35 Там же. – С. 51.
- 36 Там же. – С. 48.
- 37 См.: По следам памятников истории и культуры Кыргызстана – Бишкек: Илим, 19.
- 38 См.: *Дуйшеев Б.* Память Тянь-Шаня (Исторические очерки о памятниках Кыргызстана XVII – XIX вв.). – Фрунзе: Мектеп, 1996. – С. 67.
- 39 *Плоских В.М.* К вопросу истории киргизской письменности // Коммунист Киргизстана, – 1989. – №14. – С. 81.
- 40 По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. – Бишкек, 19.
- 41 См.: *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. – Т. 1. Юридический быт. – Ташкент, 1889.
- 42 ЦГА Республики Казахстан, ф. 3, оп. 1, д. 566, св. 28.
- 43 ЦГА Республики Узбекистан, ф. 4. 1, оп. 20, д. 4062.
- 44 ЦГА Республики Казахстан, ф. 44, оп. 1, д. 443-а
- 45 *Тыныстанов К.* Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии. // Плоских С.В. Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. – С 63.
- 46 Там же. – С. 64
- 47 *Тыныстанов К.* Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии // Плоских С.В. Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. – С. 65.

- 48 Там же.
- 49 Tinistan uulu Qfsim. Ene tilibiz 1.1928 il; Qirgiz tilinin. 2. – Frunze, 1932 (Переиздание в Турции, 1998 г.).
- 50 *Асанканов А.* Кыргызы: рост национального самосознания. – Бишкек: Мурас, 1997. – С. 89.
- 51 История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. – 3-е изд. – Бишкек: Илим, 2000. – С. 157 – 159.
- 52 Только в 1999 г. появилась специальная глава «Запрещенная литература» (из истории киргизской литературы XIII – XX вв.) в книге А.Эркебаева (см.: *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – С. 82 – 146).
- 53 Кыргызско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. – С. 287.
- 54 Интересны рассуждения на эту тему Эрнста Неизвестного (Я всюду один и тот же // Дружба народов. – 1989. – № 12. – С. 75).
- 55 *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание. – Л., 1990. – Бейты 6450, 6490.
- 56 См.: Поэты пяти веков. – Т.1. – Алма-Ата, 1989 (на каз. языке).
- 57 Там же.
- 58 *Богданова М.* Киргизские акыны XIX и начала XX веков // Киргизстан: Литературно-художественный альманах. – Фрунзе, 1946 – С. 151.
- 59 *Эркебаев А.* Малоизученные страницы киргизской литературы. – С. 98.
- 60 Достаточно обратиться к таким обобщающим трудам, как «История киргизской советской литературы» (М., 1970. – С. 54 – 59); «История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней» (В пяти томах. – Т.2., Фрунзе, 1986. – С. 220 – 221) и индивидуальным монографиям.
- 61 Примечательная деталь того времени: фамилии двух авторов и редактора, которые «покаялись», даны с инициалами, они были лишь «раскритикованы», но не репрессированы. Саманчин же и Рахматуллин были арестованы, поэтому их фамилии приведены в статье без инициалов.
- 62 О жизни и творчестве Т. Саманчина подробнее см.: Писатели Советского Киргизстана: Биобиблиографический справочник. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969. – С. 382 – 384.
- 63 За боевую, высокоидейную литературную критику // Киргизстан: Литературно-художественный альманах. – Фрунзе, 1950. – С. 117 – 118.
- 64 Рукопись не опубликована. Цитируется по архивной копии, хранящейся в рукописных фондах Национальной академии наук Кыргызской Республики.
- 65 История киргизской советской литературы. В 2-х томах (кирг. яз.) – Т. 1. – Фрунзе, 1987. – С. 23.
- 66 Терме – (букв.) – «импровизация без определенной темы».
- 67 Санат – (букв.) – «мудрое изречение».
- 68 Изданы в 1990 г. См. «Мурас». – Фрунзе, 1990. – С. 21 – 34.
- 69 Мурас. – Фрунзе, 1990 (на кырг. яз.); Калыгул, Казабек. Казалы / Вступительная статья Ш.Уметалиева. – Бишкек, 1992 (на кырг. яз.); Кыргызские народные певцы / Вступительная статья и сост. Б.Кебекова. – Бишкек, 1994 (на кырг. яз.).
- 70 *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – С. 102.

- 71 См.: *Саманчин Т.* Арстанбек // Советская литература и искусство, (Фрунзе). – 1941. – № 6. – С. 90 – 101 (на кырг. яз.); *Богданова М.* Киргизские акыны XIX и начала XX в. // Киргизстан: Литературно-художественный альманах, 1946. – С. 151 – 153.
- 72 *Джигитов С.* Обретение новых традиций. – С. 24.
- 73 *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – С. 106.
- 74 *Юнусалиев Б.М.* Отражение диалектических особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования. – Фрунзе, 1970.
- 75 Там же. – С. 49-50.
- 76 *Молдо Нияз.* Санат дигарасттар. – Бишкек, 1993.
- 77 *Сооронов О.* Молдо Нияз – зачинатель киргизской письменной литературы // Кыргыз Руху. – 1992. – 11 марта.
- 78 *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – С. 125.
- 79 *Богданова М.* Киргизские акыны XIX и начала XX в. – С. 155.
- 80 *Эркебаев А.* Требуется правда истории // Советская Киргизия. – 1988. – 6 октября; см. также: *Эркебаев А.* Молдо Кылыч // Ала-Тоо. – 1989. – № 2. – С. 94 – 95.
- 81 *Какеев А.* Мир Пушкина и мир заманистов / Гений русской словесности. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2000. – С. 180.
- 82 *Молдо Кылыч.* Казалдар / Сост. Омор Сооронов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1991.
- 83 *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – С. 130 – 131.
- 84 Там же. – С. 184.
- 85 О нем см.: *Писатели Советского Кыргызстана: биобиблиографический справочник.* – С. 376 – 381. Критично-объективную оценку этой личности см.: *Байджиев М.* В битве за истину. – Бишкек, 2001.
- 86 *Самаганов Д., Балтин П.* Кыргызское литературоведение на неправильном пути // Советская Киргизия. – 1946. – 15 декабря; *Самаганов Д., Нуров Т., Балтин П.* Рецидивы буржуазного рационализма в трудах Т.Саманчина // Советская Киргизия. – 1949. – 10 апреля; *Самаганов Д., Бердибеков Д., Балтин П., Нуров Т.* Националистические упражнения автора «ученой диссертации» // Советская Киргизия. – 1950. – 10 апреля.
- 87 Стенограмма совещания 10 – 14 сентября 1956 года // Рукописные фонды НАН КР
- 88 *Очерки истории Коммунистической партии Киргизии.* – Фрунзе: Кыргызстан, 1966. – С. 381
- 89 *Судьба эпоса «Манас» после Октября: Сб. документов.* – Бишкек, 1995. – С. 64.
- 90 *История киргизской советской литературы* – М., 1970. – С. 54.
- 91 См.: *Судьба эпоса «Манас» после Октября. Сб. документов.* – С. 64 – 66.
- 92 Там же. – С. 75.
- 93 См.: *Байджиев Мар.* Боль сердца моего «Манас» (Послесловие к кн.: Великий киргизский эпос «Манас», «Сейтек». Кн. претъя. – Бишкек, 1999. – С. 276 – 332.

- 94 Архив НАН КР. Протокол №2 Заседания бюро общественных наук АН Кирг. ССР от 12 ноября 1986 г.
- 95 Там же.
- 96 Там же.
- 97 См.: *Плоских В.М.* Властям был неугоден... // Слово Кыргызстана – 1991, 16 марта.
- 98 Здесь и далее использованы биографические сведения о К.К. Юдахине из его личного дела в Архиве НАН КР.
- 99 Киргизско-русский словарь. – М., 1940. – С. 3.
- 100 Там же.
- 101 Из автобиографии К.К. Юдахина в его деле. – Архив НАН КР.
- 102 Эта характеристика на К.К. Юдахина хранится в его личном деле в Архиве НАН КР.
- 103 Архив политической документации Кыргызстана. Далее – АПД КР, ф. 10, оп. 3, д. 7, л. 1.
- 104 Там же. - оп. 9, д. 61, л. 49.
- 105 Там же. – л. 18.
- 106 Там же. – л. 49.
- 107 Там же. – д. 73., л. 18.
- 108 Там же. – ф. 10. – оп. 9, д. 7, л. 32-34.
- 109 Там же. – л. 33.
- 110 КНИИЯП – Киргизский научно-исследовательский институт языка и письменности. – СП.
- 111 К. Карасаев был обвинен в местном национализме и выслан из Фрунзе в Джалал-Абад.
- 112 РИС – Редакционно-издательский совет – СП.
- 113 До этого рукопись переписывалась пять раз: 1) с карточек на листы, 2) когда по необоснованному требованию КНИИКС и Кир. ЦКа (предполагавшиеся издатели словаря) пришлось изменить порядок алфавита (двойная переписка: 1) разноска на карточки и 2) переписка на листы, когда по справедливому требованию РИС пришлось изменить порядок алфавита, предложений КНИИКС и Кир. ЦКа (опять двойная переписка): 1) разноска на карточки и 2) переписка на листы). Пять раз переписывать рукопись в 45 печатных листов – дело не столь легкое и мало приятное (Примеч. К.К.Юдахина).
- 114 АПД КР, ф. 10, оп. 9, д. 61, л. 23-30.
- 115 Там же - л. 23-30.
- 116 Там же. – л. 1-2.
- 117 Из характеристики на К.К. Юдахина за подписями зам.председателя Президиума Кир. ФАН АН ССР Д.Ш. Шукурова и директора Института языка, литературы и истории Кир. ФАН АН ССР К.С. Соронбаева от 5 марта 1948 г. – личное дело К.К. Юдахина – Архив НАН КР.
- 118 См.: Тюркологические исследования. Сб. статей, посвященный 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. – Фрунзе, 1970, - С. 12.
- 119 Там же.
- 120 См.: Академическая наука Кыргызстана. История и проблемы. – Фрунзе: Илим, 1990.

- 121 См.: Киргизско-русский словарь. Сост. проф. К.К.Юдахин. - М., 1965, - С.6
- 122 Газ. «Советская Киргизия» - 1972 - №139, 15 июня.
- 123 Письма – из личного архива родственников К.К.Юдахина.
- 124 Переписка приведена по ксерокопиям писем К.К. Юдахина (любезно предоставленных его потомками и хранящимся в архиве академика В. Плоских)
- 125 Письмо опубликовано в статье В .Плоских об Б. Юнусалиеве «Человек подвига и веры»././ Слово Кыргызстана – 1993, 30 октября.
- 126 Из архива академика В. Плоских.
- 127 См. доклады Э. Тенишева и В. Плоских на V Всесоюзной тюркологической конференции: «Тюркология -88». Фрунзе, 1988; *Тенишев Э. Древнекиргизский язык*. Бишкек, 1997 и др.
- 128 *Эркебаев А.* Малоизученные страницы истории киргизской литературы. Бишкек, 1999 (Гл. IV Репрессированная литература); Кто есть кто в кыргызской науке. Бишкек, 1997.
- 129 Сугубо биографические данные здесь и далее взяты из книги «Кто есть кто в кыргызской науке» - Бишкек: Гл. ред. Кыргызской энциклопедии, 1997. – С. 307.
- 130 Цит. по: *Н.М.* Век патриарха // Слово Кыргызстана – 2001. – 27 февраля.
- 131 Основные работы: Русско-киргизский словарь (в соавторстве) – М. 1944; Орфографиялык создук. – Фрунзе, 1971; Накып создор. 1-к, 1982, 2-к. 1987 – Фрунзе; Орфографиялык создор. – Фрунзе, 1987; Кабус намадан жороп. – Бишкек, 1992. – См.: там же.
- 132 *Н.М.* Век патриарха...
- 133 Характеристика на К.Карасаева за подписью А.Токомбаева. См.: Личное дело К.К.Юдахина. – Архив НАН КР.
- 134 *Н.М.* Век патриарха...
- 135 Судьба эпоса «Манас» после Октября. Сборник документов. – Бишкек: Кыргызстан. – С. 75.
- 136 *Н.М.* Век патриарха...
- 137 Там же.
- 138 Там же.
- 139 Скупые биографические сведения о Д.Ш.Шукурове даны по материалам, представленным его сыном Э.Д.Шукуровым и книге «Кто есть кто в кыргызской науке». – С. 622.
- 140 Характеристика на Дж. Шукурова за подписью А. Токомбаева.
- 141 См.: личное дело акад. К.К. Юдахина. Архив НАН КР. Кто есть кто в кыргызской науке. – С. 622.
- 142 Подробнее о них см.: Судьба эпоса «Манас». – С. 77, 82, 84 и др. О самом Дж. Саманганове, его приложенной биографии и тенденциозных публикациях типа: Киргизское литературоведение на неправильном пути. // Советская Киргизия. – 1946 – 15 декабря (в соавторстве с П. Балтиным); Рецидивы космополитизма и буржуазного национализма в трудах Т. Саманчина. // Советская Киргизия. – 1949 – 10 апреля (в соавтерстве

с Г. Нуровым, П. Балтиным); Националистические упражнения автора «ученой диссертации». // Советская Киргизия. – 1949 – 10 апреля (в соавторстве с Д. Бердибековым, П. Балтиным, Г. Нуровым) и др. см.: Писатели Советского Киргизстана [Биобиблиографический справочник] – Фрунзе: Кыргызстан, 1969. – С. 376-381. Особо ярко все эти сюжеты представлены в кн.: *Байджиев М.* В битве за истину. – С. 163 – 272.

- 143 Судьба эпоса «Манас» после Октября. Сборник документов. – Бишкек: Кыргызстан, 1993. – С. 75; и др.
- 144 Диссертация должна храниться по месту защиты и в библиотеке им. В.И.Ленина в Москве. В кыргызстане ее обнаружить не удалось.

Г л а в а 3

- 1 Характеристика взглядов Султан-Галиева и его сторонников-туранистов, а также цитаты приводятся по кн.: *Плоских В.* Манас не признал себя виновным (по материалам дела № 5630). – С. 14 – 15.
- 2 *Троцкий Л.* Сталин. В 2 т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 260.
- 3 *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г.* Кыргызская интеллигенция... – С. 56.
- 4 *Курманов З.К.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – С. 48.
- 5 Подробнее см.: *Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – С. 16 – 18; *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г.* Кыргызская интеллигенция... – С. 56 – 57.
- 6 *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г.* Кыргызская интеллигенция... – С. 57.
- 7 Там же. – С. 72 – 74.
- 8 Там же. – С. 81 – 82.
- 9 *Курманов З.К.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Гл. III, §2, 3, 4.
- 10 Из неопубликованного письма академика В.П. Шерстобитова академику К.К. Каракееву (из личного архива К.К. Каракеева).
- 11 Здесь и далее «заявление тридцатки» цитируется по: *Курманов З.К.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – С. 177 – 179.
- 12 См.: История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней. – В 5 т. – Т. 3. – Фрунзе, 1986.
- 13 См. полный перечень их трудов в библиографии.
- 14 Впервые они были введены в научный оборот (но лишь частично) В.М. Плоских и использованы в монографии «Манас не признал себя виновным» (1993 г.).
- 15 См.: *Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – С. 11 – 12.
- 16 Цит. по: *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. – Фрунзе: Кыргызстан, 1991. – С. 62.
- 17 Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979.
- 18 См.: *Курманов З., Плоских В.М., Бегалиев У.* и др. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992. –С. 34 – 36 и др.
- 19 Слова «в том, что меня обвиняют» были зачеркнуты и в конце написано «зачеркнутое не читать».

- 20 Следственное дело № 5630 «О националистической к.-р. организации в Киргизии Социал-Туранская партия (СТП)». – Копийные материалы из Архива КГБ. См. также: *Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – С. 25.
- 21 Следственное дело № 5630... См. также: *Курманов Э., Плоских В.М., Бегалиев У. и др.* Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – С. 47.
- 22 А. Сыдыков в это время был еще в Ташкенте, переехал во Фрунзе он позже – 13 мая 1932 г.
- 23 Следственное дело № 5630... См. также: *Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – С. 27 – 28.
- 24 Там же.
- 25 Там же. – С. 27 – 28.
- 26 Танну-Тюбе (Тува) – название Тувинской народной республики в 1921 – 1926 гг.
- 27 Так в документе.
- 28 Следственное дело № 5630... См. также: *Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – С. 31– 34.
- 29 Копийные материалы из Архива СНБ.

Глава 4

- 1 *Ильясов С.И.* Пережитки шаманизма у киргизов// Труды ИЯЛИ – Вып. I. – Фрунзе, 1945. – С. 182.
- 2 Там же.
- 3 *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990, – С. 297 – 298.
- 4 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.Т. I. – М; Л., 1950. – С. 301, 308, 311 и др.
- 5 *Потапов Л.П.* Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСНЭ. – Вып. XXX. – М., 1958.
- 6 *Абрамзон С.М.* Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – С. 313 – 314.
- 7 Кыргызско-русский словарь / Сост. К.К.Юдахин. – С. 559.
- 8 *Грум-Гржимайло Г.Е.* Краткий отчет о результатах экспедиции в Припамирские страны // Изв. РГО. – Т. XX. – Вып. 6, 1884. – С. 672.
- 9 *Захарова А.* Историко-архитектурное наследие города Ош. – Дубаи, 1997. – С. 15.
- 10 ЦГА КР, ф. 2597, оп. 1, д.48, л. 9 – 12.
- 11 *Массон В.М.* Выступление на «круглом столе»: «Ислам и христианство. Межэтнические отношения. Диалог культур». 15 ноября 2001 г. – Рукопись любезно предоставлена автором тезисов.
- 12 *Владимир (Икам).* Большой полет крылатого коня. Духовное наследие Туркменистана и его христианские традиции. – М., 2000. – С. 144.
- 13 *Захарова А.* Историко-культурное наследие города Ош. – С. 120.

- 14 Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средней Азии и Ташкента. – СПб., 1904.
- 15 *Масальский В.И.* Туркестанский край. – СПб., 1913. – С. 172.
- 16 *Ильясов С. К* вопросу о вакфах на территории Южной Киргизии // Известия АН Киргизской ССР. – Вып. 1. – Фрунзе, 1955. – С. 150.
- 17 *Абрамзон С.М.* Манапство и религия. // Советская этнография. – 1932. – №2. – С. 92.
- 18 Декреты Советской власти. – Т. 1. – М., 1957.
- 19 *Аров А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г.* Мировые религии. – М, 1998. – С. 279 – 280.
- 20 *Вишневский А.* Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. – 1990. – №3. – С. 44.
- 21 *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917) (По архивным делам). – Елец, 1998. – С. 25.
- 22 ЦГА КР, ф. 2597.
- 23 *Аширов Н.* Ислам и нации. – М., 1975.
- 24 *Абдылдаев М.* Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек, 1991.
- 25 *Владимир, архиепископ Среднеазиатский и Бишкекский.* Союз конфессий несет надежду: тропой понимания// Труды Института мировой культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. – Бишкек; Лейпциг, 2000. – С. 54.
- 26 См.: Современный аул Средней Азии (социально-экономический очерк). Вып. VIII. Быстрореченская волость (Фрунзенского кантона Киргизской АССР). Ташкент, 1927. – С. 35. (Книга вскоре после издания была изъята из-за «крамольных» фраз, таких, как: «В каждом ауле узнают на плакате Ленина. Кроме него популярны только Калинин да Троцкий как помощник Ленина».)
- 27 Там же.
- 28 *Галицкий В., Плоских В.* Старинный Ош: Очерк истории. – С. 79.
- 29 ЦГА ПД КР, ф. 7, оп. 7, д. 77, л. 15.
- 30 Там же, л. 13.
- 31 Правда Востока, – 1929. – 11 января.
- 32 *Абрамзон С.М.* Манапство и религия // Советская этнография. – 1932. – №2. – С. 96.
- 33 Советская Киргизия. – 1928. – 13 апреля.
- 34 Правда Востока. – 1929. – 11 января.
- 35 Госархив Ошской области, ф. 598, оп. 1, д. 129, л. 19, 76 (копия).
- 36 *Лугмар-агин Гаухаров.* Деятели науки и культуры и религиозные лидеры в построении культуры мира // Труды Института мировой культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры в евразийском пространстве. – С. 56.
- 37 *Манатенко А.В.* 80-е годы: новый политический старт ислама // Восток. – 1991. – № 5. – С. 52 – 63.

- 38 *Табышалиева А.С.* Вера в Туркестане. – С. 109-110.
- 39 ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д.155, л. 62 – 65; Против религиозного обмана и мракобесия: Сб. материалов о реакционной роли религии, антиобщественной деятельности служителя культа в Киргизии. – Фрунзе, 1970. – С. 138 – 139.
- 40 *Владимир (Иким)*. Большой полет крылатого коня... – С. 164.
- 41 *Там же* – С. – 66.
- 42 Госархив Андижанской области, Ф. 90, оп. 1, д.86, л. 246 – 247.
- 43 *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Христианские памятники Кыргызстана (XIX – XX вв.) // К истории Христианства в Средней Азии. – Ташкент, 1997. – С. 92.
- 44 *Абрамзон С.М.* Манапство и религия. – С. 92.
- 45 *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Христианские памятники Кыргызстана. – С. 92.
- 46 *Захарова А.* Историко-архитектурное наследие города Ош. – С. 73, 76, 79.
- 47 *Там же*.
- 48 Среднеазиатской епархии 125 лет // Специальный выпуск журнала Московской патриархии. – М., 1997. – С. 33.
- 49 *Там же*. – С. 35.
- 50 *Александров Ю.* Забытое достояние // Вечерний Бишкек. – 2002. – 2 мая.
- 51 *Бабур Мухаммад Захриддин*. Бабур-наме. – Ташкент, 1982. – С. 18.
- 52 *Захарова А.* Историко-архитектурное наследие города Ош. – С. 107.
- 53 Госархив Ошской области, ф. 598, оп. 1, д. 260, л. 12 – 13.
- 54 *Помаскин Б.В.* Памятник, достойный восстановления // Ленинский путь. – 1988. – 25 октября.
- 55 См.: Речь архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира на торжественном акте празднования 125-летия Ташкентской и Среднеазиатской (Туркестанской) епархии Русской Православной Церкви / Специальный выпуск журнала Московской патриархии. М., 1997. – С. 58.
- 56 *Там же*.
- 57 Среднеазиатской епархии 125 лет. Журнал Московской патриархии. Специальный выпуск. – С. 59
- 58 *Там же*. – С. 60
- 59 Центральная Азия и культура мира (Бишкек) – 2002 – № 1 – 2 (12 – 13). – С.34.
- 60 Сравни: *Штомпка П.* Социальное изменение как травма; он же. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. – 2001. – №1 – 2.
- 61 Центральная Азия и культура мира. – 2002 – № 1 – 2 (12 – 13). – С. 33.
- 62 *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Христианские памятники Кыргызстана (XIX – XX вв.) // К истории христианства Средней Азии. – С. 90 – 92.

- 63 ЦГА КР, ф. 2678, оп. 1, д. 3, л. 74 – 75.
- 64 *Владимир (Иким)*. Большой полет крылатого коня... – С. 172.
- 65 *Петраш Ю.Г.* К вопросу о проникновении ислама в Киргизию и его классово-эксплуататорской сущности // Ученые записки Ошского государственного пединститута. – Вып. IV (Гуманитарные науки). – Ош, 1963. – С. 9.
- 66 *Владимир (Иким)*. Большой полет крылатого коня... – С. 167.
- 67 Там же. – С. 168.
- 68 *Табышалиева А.С.* Вера в Туркестане. – С. 121.
- 69 См.: *Владимир (Иким)*. Большой полет крылатого коня. Духовное наследие Туркменистана и его христианские традиции. – М., 2000; *он же*. ... А друзей искать на Востоке // Православие и ислам: противостояние или содружество? – М., 2001; *он же*. Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М., 2002.
- 70 *Табышалиева А.* Взгляд на религиозную ситуацию в Кыргызстане. – С. 59.
- 71 См: Беседа корреспондента «ВБ» с Чрезвычайным и полномочным послом США в КР Дж. О'Кифом. // Вечерний Бишкек. – 2002. – 7 мая.

З а к л ю ч е н и е

- 1 *Шахворостова О.* Фея едемского леса. – Вып. 41 / Под ред. Б. Золотова. – Новосибирск: Дельта-Информ 2000.

Литература

Акаев А Откровенный разговор. – М.: Совершенно секретно, 1998.

Акаев А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас» – Бишкек: Учкун, 2002.

Абрамзон С.М. Современное манапство в Киргизии // Советская этнография. – 1931. – № 3.

Абрамзон С.М. Манапство и религия // Советская этнография. – 1932 – № 2.

Абрамзон С.М. Этнографическое изучение Киргизии за 20 лет / / Наука в Киргизии за 20 лет. 1926-1946. – Фрунзе, 1946.

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенические и историкокультурные связи. – Л.: Наука, 1971 (2-е изд. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990.)

Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – Фрунзе: Кыргызстан, 1991.

Абдылдаев М. Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек, 1991

Абытов Б.К. Выдающиеся личности города Ош. – Ош, 2000.

Аданасова А.М. Национальная интеллигенция Туркестана в первой четверти XX века. – Алматы: Казак университети, 2001.

Айдаралиев А.А. Основные этапы развития здравоохранения Киргизии. – Фрунзе: Киргосиздат, 1958.

Айдаралиев А. Развитие здравоохранения в Советском Киргизстане. – Фрунзе, 1970.

Айдаров Г. Язык орхонского памятника Бильге-кагана. – Алма-Ата, 1966.

Айтмамбетов Д.О. Дореволюционные школы в Киргизии – Фрунзе: Илим, 1961.

Айтмамбетов Д.О. Культура кыргызского народа во второй половине XIX – начале XX в. – Фрунзе: Илим, 1967.

Академическая наука Кыргызстана: история и проблемы. – Фрунзе: Илим, 1991.

Алексеев Г. Заметки о киргизской литературе // Новый мир. – 1931. – № 12.

Алтмышбаев А. Очерк истории развития общественно-политической и философской мысли в дореволюционной Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1965.

Алтмышбаев А. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии (1905 – 1923 гг.) – Фрунзе: Илим, 1967.

Алтмышбаев А. Октябрь и развитие общественного сознания киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1980.

Антология киргизской поэзии. – М.: Госиздат худ. лит., 1957.

Антонова С.В. Трагедия киргизских заманистов // Чабыт (Порыв): Лит. альманах. – Вып. 2. – Бишкек: Илим.– 1997.

Антонова С. Страницы истории репрессированной киргизской лингвистики // Труды Института мировой культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. – Бишкек; Лейпциг, 2000.

Арабаев Ишеналы. Туулган күнүнүн 110 жыл жылдыгына арпалган жыйнак. – Бишкек: Илим, 1993.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также начинающихся антропологических исследований. // Живая старина. – Вып. III – IV. СПб., 1894.

Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек: Илим, 2001.

Аров А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. – М, 1998

Арстанбек. Тар заман // Кыргызстан маданият. – 1989. – 14 сентября.

Арстанбек. Ырлар. – Бишкек, 1994.

Арстанбек. Трудное время: Поэма / Пер. с кырг. и предисл. Дениса Крутикова // Литературный Кыргызстан. – 1997.

Асаналиев К. Башат // *Молдо Кылыч.* Кызылдар. – Фрунзе: Кыргызстан, 1991. – С. 3 – 27.

Асанов У., Жуманазарова А.З., Чоротегин Т.К. Кто есть кто в кыргызской науке: Краткий справочник докторов наук Кыргызстана / Под ред. акад. У.А. Асанова. – Бишкек: Гл. ред. КЭ, 1997.

Ахунбаев И.К. Состояние науки в Киргизии и задачи Академии наук Киргизской ССР. // Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1955.

Аширов Н. Ислам и нации. – М., 1975

Байджиев М. Боль сердца моего – «Манас». Послесловие / / Великий кыргызский эпос «Манас». – «Сейтек». Книга третья. – Бишкек: Седеп, 1999.

Байджиев М. В битве за истину: Литературоведческие очерки разных лет. – Бишкек: Седеп, 2001.

Батманов И.А. Краткое введение в изучение киргизского языка. – Фрунзе: Киргосиздат, 1947.

Батманов И.А. Состояние и задачи киргизского языкознания. // Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1955.

Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. – Фрунзе: Илим, 1971.

Баялиева Т.Дж. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972 с.

Баялиева Т.Дж. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. – Фрунзе: Илим, 1981.

Баялинов Т. Под руководством Коммунистической партии – к расцвету киргизской советской литературы. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978.

Баялинов Т. К вопросу об идейной оценке художественного творчества Касыма Тыныстанова // Исторические чтения: Тезисы докладов и сообщений научной конференции, по-

священной 75-летию академик АН Киргизской ССР Б.Д.Джамгерчинова, чл.-корр. АН Киргизской ССР А.Х. Хасанова и 80-летию чл.-корр. АН Киргизской ССР А.Г. Зимы. – Бишкек: Илим, 1989.

Белек С.Е. Малову: Сборник статей.– Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1946.

Богданова М.И. Некоторые данные классификации киргизского фольклора // Труды Кирг. ФАН СССР. – Т. 1, вып. 1. – Фрунзе, 1943.

Богданова М.И. Киргизская литература. – М.: Сов. писатель, 1947.

Богданова М.И. К вопросу о происхождении жанров киргизского фольклора. (Пастушеские песни, причеты и дидактические поэмы) // Труды Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР – Вып. 3. – Фрунзе, 1952.

Богданова М.И. О некоторых вопросах истории киргизской литературы XIX – начала XX вв. // Труды Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР – Вып. 3 – Фрунзе, 1952.

Брудный А.А. Пространство возможностей. Введение в исследование реальности. – Бишкек: Илим, 1999.

Владимир (Иким). Большой полет крылатого коня. Духовное наследие Туркменистана и его христианские традиции. – М.: Совершенно секретно, 2000.

Владимир, Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский ... А друзей искать на Востоке. Православие и ислам: противостояние или сотрудничество? – М.: Вагриус, 2001.

Владимир, архиепископ. Союз конфессий несет надежду: тропюю понимания. // Труды Института мировой культуры. – Вып. II. Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. – Бишкек; Лейпциг, 2000.

Владимир, Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. – М.: Изд-во Московской патриархии, 2002.

Владимир, Архиепископ Бишкекский и Среднеазиатский. Центральная Азия как регион взаимодействия культур, религий и цивилизаций // Центральная Азия и культура мира. – Бишкек, 2002. – №1 – 2 (12 – 13).

Галицкий В.Я., Плоских В.М. Старинный Ош: Очерк истории. – Фрунзе: Илим, 1987.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Христианские памятники Кыргызстана (XIX – XX вв.) // К истории христианства в Средней Азии. – Ташкент, 1997.

Данияров С.С. Культурное строительство в Советском Киргизстане (1918 – 1930 гг.) – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963.

Данияров С.С. Осуществление ленинской программы культурной революции в Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1972.

Данияров С.С. Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. / Отв. ред. К.К.Каракеев – Фрунзе: Илим, 1980.

Данияров С. Становление киргизской советской культуры (1917 – 1924 гг.) – Фрунзе: Илим, 1983.

Джамгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана (из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX в.) // Труды Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР. – Вып. 1. – 1944.

Джамгерчинов Б. К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (в середине XIX века). // Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1955.

Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. – М.: Изд. социально-экономической литературы, 1959.

Джигитов С. Обретение новых традиций. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984.

Джуманалиев А. Политическое развитие Кыргызстана (20 – 30-е годы). – Бишкек: Илим, 1994.

Джунушалиев Д. и др. Суверенный Кыргызстан: проблемы традиций и социальной целостности. – Бишкек: Илим, 1999.

- Дорженов А.Д.* Ислам бугунку кундо. – Фрунзе, 1980.
- Дононбаев А.Д.* Мировоззрение акынов-заманистов // Общественно-философская мысль народов Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1998.
- Дуйшеев Б.* Память Тянь-Шаня (Исторические очерки о памятниках Кыргызстана XVII – XIX вв.). – Фрунзе: Мектеп, 1996.
- Жакыпова Ч.* Конфискация жизни. – Бишкек, 1992
- Жапаров Д.* Гипотеза о концепции заманизма Калыгула // Наука и новые технологии. – 1998 . – № 4.
- Захарова А.* Историко – архитектурное наследие города Ош (конец XX – начало XX века) – Дубаи, 1997.
- Зима Б.М.* Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
- Ибраимов О.* История и поэзия. Изд. 2-е, в новой редакции. – Бишкек: Ала-Тоо, 2000.
- Ильясов С.И.* Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации // Труды Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН ССС. – Вып. 1 – 1944.
- Ильясов С.И.* Пережитки шаманизма у киргизов// Труды ИЯЛИ – Вып. I. – Фрунзе, 1945.
- Ильясов С.И.* К вопросу о вакфах на территории Южной Киргизии // Известия АН Кирг.ССР. – Вып. 1. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1955
- Ильясов С.И.* К вопросу об общественно-экономическом строе киргизского народа в начале XX в. // Труды Института языка, литературы и истории АН Кирг.ССР. – Вып. 5 – Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1956.
- Исаев К.* «Общество риска» в условиях глобализации // Социс, 2001. – № 12.
- История киргизского искусства. – Бишкек: Илим, 1971.
- История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. – Фрунзе: Кыргызстан. – Т. 1, 1984; Т. 2, 1986; Т. 3, 1986; Т. 4, 1990.

- История киргизской советской литературы. – М.: Наука, 1970.
- История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов / Ответ. ред. В. Плоских – Бишкек: Илим, 2000.
- История Кыргызстана. XX век: Учебник для вузов / Под общей ред. У. Чотонова, Досбол Нур уулу. – Бишкек: Кыргызстан, 1998.
- Исторические чтения: Тезисы докладов и сообщений конференции, посвященной 75-летию академика АН Киргизской ССР Б.Д. Джамгерчинова, чл-корр. АН Киргизской ССР А.Х. Хасанова и 80-летию чл-корр. АН Киргизской ССР А.Г. Зимы. – Фрунзе: Илим, 1989.
- Какеев А.Ч.* Философская мысль в Кыргызстане: поиски и проблемы. – Бишкек: Илим, 1995.
- Какеев А.Ч.* Мир Пушкина и мир заманистов // Гений русской словесности: Международная научно-практическая конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. – Бишкек: КРСУ, 2000.
- Каракеев К.* Развитие науки в Советском Киргизстане. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1962.
- Карасаев Х.* Краткий обзор киргизской письменности и орфографии // Мугалимдерге жардам. – 1947. – № 12.
- Касым Тыныстанов и отечественная культурная история XX века: Материалы юбилейной научной конференции / КГНУ. – Бишкек, 2001.
- Касым ырларынын жыйнагы / КГНУ – Бишкек, 2001.
- Кебекова Б.* Калыгул Бай уулу // Кыргызстан маданияты. – 1990. – 10, 17 мая.
- Кебекова Б.* Арстанбек. – Бишкек: Кыргызстан, 1994.
- Керимжанова Б.* К проблеме изучения истории киргизской литературы // Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР.
- Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. – М.: СЭ, 1965. – 973 с. (2-е изд.: Фрунзе, 1985. Кн. 1, 2).
- Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М.: Наука, 1991.

Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Бишкек: Илим, 1997.

Курманов З., Плоских В.М. Сыдыков и Арабаев – лидеры оппозиционного курса развития Кыргызстана // Ишеналы Арабаев. Туулган кунун 110 жылдыгына арналган жыбкан. – Бишкек: Илим, 1993.

Курманов З., Плоских В.М., Бегалиев С. и др. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992.

Курманов З., Садыков Э. Абдыкерим Сыдыков. Личность и история. - Бишкек: Шам, 2002.

Кыргыз совет адабиятын тарыхы. – Т. 1. – Фрунзе: Илим, 1987.

Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917) (По архивным делам). – Елец, 1998

Ленин и наука Советского Киргизстана / Ответ. ред. К.К. Каракеев. – Фрунзе: Илим, 1970.

Маанаев Э. Деятельность Компартии Киргизии по дальнейшему повышению роли интеллигенции в условиях развитого социализма // Вопросы истории Компартии Киргизии. Вып.11. – Фрунзе: Кыргызстан, 1975.

Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г. Кыргызская интеллигенция: становление, роль в общественно-политической жизни (20 – 30-е годы) – Бишкек: КГПУ, 2001.

Мамытбеков З. Сыдык Карачев // Ала-Тоо. – 1982. – № 8.

Мамытов С.А. Рукописные источники и изучение истории Кыргызстана // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. – Бишкек: Мурас, 1998

Мамытов С.А. Кыргызско-татарские литературные связи второй половины XIX – начала XX в. – Бишкек: Мурас, 1999.

Масальский В.И. Туркестанский край. – СПб., 1913.

Молдобаев К. Принцип партийности в творчестве акынов. – Фрунзе: Киргосиздат, 1963.

Молдо Кылыч. Кызылдар / Сост. О. Сооронов. – Фрунзе, 1991.

Мукасов С.Н. Традиции социально-философской мысли в духовной культуре кыргызского народа. – Бишкек: Илим, 1999.

- Мурас / Сост. М. Абдылдаев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
- Наука в Киргизии за 20 лет. 1926 – 1946. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1946.
- Нуруллаев А.* Проблемы гармонизации христианско-мусульманских отношений в СНГ // Центральная Азия и культура мира. (Бишкек) 1998. №1 (4).
- Очерки истории акынского творчества. – Фрунзе: Илим, 1988 (на кырг. яз).
- Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Изд. 2-е, перераб. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979.
- Очерки киргизской литературы. – Фрунзе: Киргосиздат, 1943 (на кырг. яз.).
- Орусбаев А., Задорожный М.И., Кыдыршаева К. и др.* Очерки языковой практики в Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1989.
- Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1955.
- Петраш Ю.Г.* К вопросу о проникновении ислама в Киргизию и его классово-эксплуататорской сущности // Ученые записки ОшГПУ. – Вып. IV (гуманитарные науки). – Ош, 1963.
- По следам памятников истории и культуры Кыргызстана – Бишкек: Илим, 1982.
- Поливанов Е.Д.* Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы. / КРСУ, – Бишкек, 1999.
- Плоских В.М.* К вопросу дореволюционной киргизской письменности // Тюркология – 88: Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (7 – 9 сентября 1988 г). – Фрунзе: Илим, 1988.
- Плоских В.М.* К вопросу об истории киргизской письменности // Коммунист Кыргызстана. – 1989. – № 14.
- Плоских В.* Человек огромной воли, огромной чести, огромной веры: Исторический портрет лингвиста Е.Д. Поливанова // Чабыт (Порыв): Лит. альманах. – Бишкек: Илим, 1992.
- Плоских В.* Манас не признал себя виновным. – Бишкек: Илим, 1993.
- Плоских В.* Молдоке национальной интеллигенции. // Ишеналы Арабаев. Туулган күнүнүн 110 жыл жылдыгына арпалган жыйнак. – Бишкек: Илим, 1993.

- Плоских В. Е.Д.* Поливанов и «Манас». – Бишкек: Илим, 1995.
- Плоских С.* Из истории кыргызской библиографии // Вестник МУК. 1998. – № 2 – 3.
- Плоских С.* Осмоналы Сыдыков // Вестник МУК. 1999. – № 3 (7).
- Плоских С.* Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана: историко-социолингвистическое наследие Е.Поливанова и К.Тыныстанова. – Бишкек: Илим, 2001.
- По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. – Бишкек, Илим.
- Политическая история Кыргызстана. – Бишкек: КГНУ, 2001.
- Рахматуллин К.* Киргизская литература и литературоведение за 20 лет // Наука в Киргизии за 20 лет. 1926 – 1946. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР.
- Репрессированная наука. – Л.: Наука, 1991.
- Рудов Г.А.* Россия – Кыргызстан. Российско-кыргызские отношения: история и современность. – Бишкек: Илим, 2001.
- Русско-киргизский словарь /Сост. Х. Карасаев, Д.Ш.Шукуров и К.К.Юдахин – М.: ПИС, 1944.
- Садыхов А.* К истории развития киргизской литературы 20-х годов // Изв. АН Кирг. ССР. – 1990. – № 4, 1990.
- Салахетдинова М.А.* Сочинение Мухаммед-Сыдыка Кашгари «Тазкира-и ходжаган» как источник по истории киргизов // Известия АН Кирг. ССР. – Т. 1., вып. 1 (история). – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1959.
- Сапаралиев Д.Б.* Принятие отдельными группами тянь-шаньских киргизов подданства России (середина XVIII в.) // Известия АН Кирг. ССР – Общественные науки – 1988. – № 4.
- Саманчин Т.* Молдо Кылыч (Материалы к биографии) // Кыргызстан: Лит.-худ. альманах.– 1947. – № 6.
- Самаганов Дж.* Писатели Советского Киргизстана: Библиографический справочник. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969.
- Скакунов Э.И.* Природа политического насилия. Проблемы объяснения // Социс. – 2001. – № 12.

Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма. – М.: Наука, 1983.

Солтоноев Белек. Кызыл кыргыз тарыхы. – Бишкек, 1993

Соктоев И.А. Формирование и развитие советской интеллигенции Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1981.

Соктоев И.А., Усубалиев Е.Т. Высшая школа Советского Кыргызстана. – Фрунзе: Кыргызстан, 1992.

Среднеазиатской епархии 125 лет. Специальный выпуск. Журнал Московской патриархии русской православной церкви. – М., 1997.

Судьба российской интеллигенции. – СПб: ГУП, 1999.

Судьба эпоса «Манас» после Октября: Сборник документов и материалов / Сост. Т.А.Абдыкаров, С.Р.Жумалиев. – Бишкек: Кыргызстан, 1995.

Сыдыков А. Краткий очерк истории развития киргизского народа // *Курманов З., Плоских В.М., Бегалиев С.И. и др.* Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992.

Сыдыков А. Родовое деление киргизов. // В.В. Бартольд – туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927.

Сыдыков О. Мухтасир тарых-и кыргызийа. – Уфа, 1913.

Сыдыков О. Тарых-и кыргыз шадмания. – Уфа, 1914.

Табышалиев С. Кузница подготовки кадров (История Киргизского государственного университета им. 50-летия СССР). – Фрунзе: Кыргызстан, 1975.

Табышалиева А. Вера в Туркестане (Очерки истории религий Средней Азии и Казахстана). – Бишкек, 1993.

Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена). – Бишкек: Кыргызстан, 1991. – 335 с.

Токомбаев А. Деятельность Института языка, литературы и истории и его дальнейшие задачи // Изв. Кирг. ФАН СССР. Вып. 1, 1945.

Токомбаева Т. Куран.// Литературный Кыргызстан 2000 – № 1.

У истоков кыргызской национальной государственности. – Бишкек: Илим, 1996.

Умурзаков С.А., Мусин Х.М., Шейман Л.А., Левитус Б.И. Памяти Зальмана Львовича Амитина-Шапиро // Изв. Киргизского географического общества. – Фрунзе: Илим, 1970. – № 8.

Урманов Э.А. Ислам и кыргызы. – Бишкек: Илим, 2001.

Хелимская Р.И. Тайна Чон-Таша. – Бишкек: Илим, 1994..

Шерстобитов В.П., Орозалиев К.К., Винник Д.Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918-1960 гг.). – Фрунзе: Киргосиздат, 1964.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. – М., 2001. – №2.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – М., 2001. – №1.

Шукуров Д.Ш. Материалы по Алайскому говору // Белек С.Е. Малову: Сб. статей. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1946.

Шукуров Д.Ш. Из истории киргизской письменности // Труды Института истории языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР. – Вып. 2. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1948.

Шукуров Д.Ш. Из истории киргизского языка.// Труды Института истории языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР. – Вып 3. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1952.

Шукуров Д.Ш. Вопросы киргизской терминологии // Труды Института истории языка и литературы – Вып. 6. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1956.

Элебаева А. Межэтнические отношения в постсоветских государствах Центральной Азии: динамика развития. – Бишкек, 2001.

Эркебаев А. Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – Бишкек: ЖЭКА ЛТД, 1999.

Эркебаев А. Элдик эпоста адабий эпоско. – Фрунзе: Адабият, 1999.

Юдахин К.К. Классификация киргизских диалектов // Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1955.

Юдахин К.К. Лингвистика в Киргизии // Наука в Киргизии за 20 лет 1926-1946. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН ССР, 1946.

Юдахин К.К. Из ляйлякских материалов // Труды Института языка, литературы и истории. Кирг. ФАН ССР. – Вып. 2. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР 1948.

Юдахин К.К. Итоги и задачи изучения киргизских диалектов. // Труды Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН СССР. – Вып. 6. – Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1956.

Юнусалиев Б.М. Отражение диалектических особенностей в сонатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования: Сборник статей, посвященных 80-летию академика К.К.Юдахина – Фрунзе, 1970.

Ярков А.П. Евреи в Кыргызстане: историко-культурологический очерк. – Бишкек, 2000.

Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. – Л.: Наука, 1991.

Диссертации и авторефераты

Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа и основные направления ее развития во второй половине XIX – начале XX вв: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – Фрунзе, 1969..

Вотоканова Г.Т. Философемы в творчестве Молдо Кылыча: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Бишкек, 2000.

Джигитов С. Возникновение киргизской советской литературы. Автореф. дис. ...докт. филолог. наук. – Бишкек, 1992.

Дорженов С.Б. Распространение ислама в Киргизии и его современное состояние: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1964.

Дорженов С.Б. Из истории отхода киргизского народа от религии и формирование его атеистического мировоззрения: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – М., 1974.

Кулманбетова А.С. Нравственно-этические искания акынов-заманистов: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Бишкек, 2000.

Мукасов С.М. Историческая динамика социально-философской мысли киргизского народа (до начала XX века): Автореф. дис. ...докт. филос. наук. – Бишкек, 2000.

Саманчин Т. Молдо Кылыч – первый киргизский акын-писменник. Из истории киргизской литературы конца XIX и начала XX в.: Тезисы дис. ...канд. филол. наук // Изв. Кирг. ФАН СССР. – Вып. 6, 1947.

Шукуров Д.Ш. Язык Молдо Кылыча (из истории киргизской письменности): Тезисы дис. ... канд. филол. наук // Изв. Кирг. ФАН СССР. – Вып. 6. – Фрунзе, 1947.

Источники

Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР), г. Бишкек ф. № 105, оп. 12. д. 24, 41; ф. № 146, оп. 1.

Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики (ЦГА ПД КР), г. Бишкек. ф. № 10.

Архив КГБ КР (г. Бишкек). Копийные материалы и выписки из следственных дел лиц, причастных к СТП (из личного архива акад. В.М. Плоских).

Музей истории Октябрьской революции (г. Москва).

Рукопись дис. ... канд. филол. наук Д.Ш. Шукурова.

Материалы экспозиции и фондов Дома-музея политической деятельности А.Токомбаева.

Архив Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР). Личное дело акад. К.К.Юдахина.

Рукописные фонды Национальной академии наук КР.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. – М., 1960.

Извлечения из письма В.И. Ленину 1921 г. за подписями И. Арабаева и др. // Заявление «тридцатки» в ЦК РКП(б), национальный совет Средазбюро ЦК РКП(б), Киробком партии. Пишпек, 10 – 12 июня // Курманов З., Плоских В.М., Бегалиев С. Абдыкерим Сыдыков – национальный лидер. – Бишкек: Кыргызстан, 1992.

Исторические и архивные документы об Ормон-хане (1790 – 1854). Сб. материалов / Сост. Д.Ш. Кызаева, Д.Б. Сапаралиев. – Бишкек: ЛТД – ПРЕСС, 1999.

Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов, обкома ЦК. Ч. 1, 1924 – 1936: Сб. документов. – Фрунзе: Киргосиздат, 1958.

Культурное строительство в Киргизии. 1918 – 1929 г.: // Сб. документов и материалов. – Т. 1 – Фрунзе: Кыргызстан, 1957.

Культурное строительство в Киргизии 1930 – 1941 гг. // Сб. документов и материалов – Т. 2, Ч. 1 – 2. – Фрунзе: Кыргызстан, 1972.

Кыргызстан – Россия: история взаимоотношений (XVIII-XIX вв.): Сб. документов и материалов. – Бишкек: Илим, 1998.

В.И. Ленин, КПСС об интеллигенции. – М.: Изд-во политической литературы, 1979.

О перестройке литературно-художественных организаций в Средней Азии: Постановление Средазбюро ЦК РКП(б) // Советская литература народов Средней Азии. – 1932 – № 1.

Судьба эпоса «Манас» после Октября: Сб. документов. – Бишкек: Кыргызстан, 1995.

Торокул Айтмат уулу: Архив материалдер ж.-а. Торокул Айтматов жонунде эскеруулор. – Бишкек: Ренессанс, 1993.

Шабдан Джантаев: эпоха и личность: Документы и материалы. – Бишкек: Шам, 1999.

Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древнейших времен до XX в.): Пособие для общеобразовательных школ и вузов. – Бишкек: Илим, 1997.

Содержание

Возвращение исторической памяти.	
<i>Академик А.Ч.Какеев</i>	3
Введение	6
Глава I. Становление национальной кыргызской интеллигенции	42
Формирование интеллигенции Кыргызстана: пути, методы и средства	42
Художественная интеллигенция: литература и литераторы	55
Становление научной интеллигенции.....	80
Глава II. Репрессированная культура	98
Кыргызская письменность: от отрицания до признания	98
Заманизм и борьба вокруг его наследия	122
Травмированная лингвистика	146
Глава III. Трагедия политической культуры	177
Социал-Туранская партия	177
Репрессии интеллектуалов Социал-Туранской партии	189
Глава IV. Репрессированная религия	206
На рубеже веков. В союзе с преобразователями	206
Репрессии религии и верующих	219
Заключение	238
Примечания	247
Литература	266

С.В.ПЛОСКИХ
Репрессированная культура Кыргызстана
(малоизученные страницы истории)

Редактор издательства Т.К. Песковая

Подписано к печати 06.06.2002 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная, 17 п.л.
Тираж 300 экз.

Издательство «Илим»
720071 Бишкек, проспект Чуй, 265 а